

ИЗВЕСТИЯ
РУССКОГО ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

ВЫПУСК ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ
ГЕНЕАЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2014

Известия Русского генеалогического общества. Выпуск 27.
Санкт-Петербург, 2014.

Proceedings of the Russian Genealogical Society. No.27. St. Petersburg, 2014

Annales de la Société Généalogique Russe. No. 27. St. Pétersburg, 2014.

Главный редактор – А. В. Родионов.
Редакционная коллегия: А.В.Краско, М.О.Мельцин, И.В.Сахаров.
Верстка и оформление: П. М. Косенков.

Редакционная коллегия благодарит Китти Стиворси (Кембридж) и Софи Бенеш (Париж) за то, что они, как и ранее в подобных случаях, взяли на себя труд перевести оглавление настоящего выпуска соответственно на английский и французский языки.

Настоящий выпуск «Известий РГО» содержит, в основном, материалы XI Петербургских генеалогических чтений 2007 года «Генеалогия и литература». Выход этого номера приурочен к начинающемуся в январе 2015 года «Году литературы».

Адрес редколлегии: 191060, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 18.
Российская национальная библиотека. Русское генеалогическое общество.
Тел.: (812) 310-23-17, факс: (812) 310-61-48 (Институт генеалогических исследований), e-mail: rgo@nlr.ru, avrodionov@mail.ru

---

Подписано к печати 20 марта 2015 г. Формат 60×84/16. Бумага писчая. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,8. Уч. изд. л. 10,2. Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Российская национальная библиотека», ОП.

© Русское генеалогическое общество, 2015.

Содержание

<i>С.В. Букреева.</i> Генеалогия и история семьи в мировой литературе XIX–XX веков	7
<i>Е.И. Анненкова.</i> «Семейная хроника» С.Т. Аксакова: история рода в художественно-мемуарном освещении	13
<i>Ю.В. Балакишина.</i> Центробежные и центростремительные силы внутри дворянского рода (по роману И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»)	25
<i>И.Е. Павлова.</i> Тема рода и семьи в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина	33
<i>Н.Т. Телетова.</i> Эпопея Золя о Ругон-Маккарах и генеалогия	49
<i>К.А. Коннова.</i> История семьи в книге Габриеля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества»	53
<i>Е.Г. Попова-Яцкевич.</i> Джеймс Бонд в роли генеалoga: по роману Яна (Йена) Флеминга «На секретной службе Ее Величества»	59
<i>И.Б. Муравьева.</i> Генеалогия Козьмы Пруткова	65
<i>Н.В. Кузнецова.</i> Поэтическая преемственность в семье князя И.М. Долгорукова	73
<i>М.О. Мельцин.</i> Поэтическое творчество князя Александра Ивановича Долгорукова (1793–1868) как генеалогический источник	81
<i>А.Ю. Плотников.</i> Воспоминания В.Н. Обуховой как источник по истории дворянского рода Обуховых и их московского окружения (по материалам книги «Обломки давно минувших дней»)	91
<i>В.Н. Рыжляков.</i> Стихотворения Петра Андреевича Фенина как источник сведений по генеалогии его рода	97
<i>А.А. Бовкало.</i> «Дневник Францишки Красинской» Клементины Гоффмановой–Таньской	103
<i>И.В. Сахаров.</i> Генеалогия в романе Владимира Набокова «Ада, или Радости страсти: Семейная хроника». Соотносится ли конфигурация родственных связей между главными персонажами романа с событиями драмы, разыгравшейся некогда в семье Набоковых ?	107
<i>А.В. Родионов, О.А. Флоренская.</i> «Знать формулу своей сложнейшей крови»: Леонид Лихачев – генеалог и поэт	129
К читателю (Анонимное стихотворение в рукописи XVIII века)	155
<i>А.В. Лихарев.</i> Моя родословная	156
<i>М. Кузмин.</i> Мои предки	160
<i>Г. Иванов.</i> «Беспокойно сегодня мое одиночество...»	162
«Я дедушка самому себе». Публикация, пересказ и комментарий И.В. Сахарова	163
Именной указатель	166

Contents

<i>S.V. Bukreieva.</i> Genealogy and family history in the 19th and 20th centuries literature.....	7
<i>E.I. Annenkova.</i> The S.T.Aksakov's «Family Chronicle»: family history through the prism of literary memoir.....	13
<i>Iu.V. Balakshina.</i> Centrifugal and centripetal forces in a gently family line: Turgenev's «A Nest of Gentlefolk».....	25
<i>I.E. Pavlova.</i> The topic of family and heredity in the works of M.E. Saltykov-Shchedrin.....	33
<i>N.T. Teletova.</i> Genealogy in Zola's epic about the Rougon-Macquart family.....	49
<i>K. A. Konnova.</i> A family history in the Gabriel Garsia Marquez's novel «One Hundred Years of Solitude»	53
<i>E.G. Popova-Iatskevich.</i> James Bond in the role of genealogist: Ian Fleming's novel «On Her Majesty's Secret Service».....	59
<i>I.B. Muraveva.</i> The genealogy of Kuzma Prutkov.....	65
<i>N.V. Kuznetsova.</i> Poetic heritage in the family of Prince I.M.Dolgorukii.....	73
<i>M.O. Meltsin.</i> The poetic works of Prince A.I.Dolgorukii as genealogical source material.....	81
<i>A.Yu. Plotnikov.</i> The memoirs of V.N.Obukhov as a historical source for the history of the noble Obukhov line, on the basis of «Fragments of bygone Days».....	91
<i>V.N. Rykhliakov.</i> The poems of Piotr Andreevich Fenin as source material for his family tree.....	97
<i>A.A. Bovkalo.</i> «The Diary of Countess Francoise Krasinska», by Klementyna Hoffmanowa-Tańska.....	103
<i>I.V. Sakharov.</i> Genealogy in Vladimir Nabokov's novel «Ada, or Ardor». Is there a connection between the familial ties of the principal characters, and the events of a drama that occurred in the Nabokov family?.....	107
<i>A.V. Rodionov and O.A. Florenskaia.</i> «Discovering the formula of one's own complicated blood»: Leonid Likhachev, genealogist and poet.....	129
To the Reader (An anonymous poem in an XVIIIth century manuscript)....	155
<i>A.V. Likharev.</i> My genealogy.....	156
<i>M. Kuzmin.</i> My ancestors.....	160
<i>G. Ivanov.</i> “Today my solitude is troubled”.....	162
“I am my own grandpa”.....	163
Index of names	166

Sommaire

<i>S.V. Boukreïeva</i> . La généalogie et l'histoire familiale dans la littérature mondiale des XIXe et XXe siècles	7
<i>E.I. Annenkova</i> . «Chronique familiale» de S. T. Aksakov : l'histoire d'une famille sous l'angle d'un romancier-mémorialiste.....	13
<i>Iou. V. Balakchina</i> . Les forces centrifuges et centripètes à l'intérieur d'une famille noble (d'après le roman de Tourgueniev «Nid de gentilhomme»).....	25
<i>I. E. Pavlova</i> . Le thème de la famille et de la lignée dans les œuvres de M.E. Saltykov-Chtchédrine.....	33
<i>N.T. Teletova</i> . La généalogie et l'épopée des Rougon-Macquart de Zola.....	49
<i>K. A. Konnova</i> : L'histoire familiale dans le livre de Gabriel Garcia Marquez «Cent ans de solitude»	53
<i>E. G. Popova-Yatskevitch</i> : James Bond dans le rôle de généalogiste, d'après le roman de Ian Fleming «Au service secret de Sa Majesté».....	59
<i>I. B. Mouravieva</i> . La généalogie de Kozma Proutkov.....	65
<i>N. V. Kouznetsova</i> . La continuité de la veine poétique dans la famille du prince Dolgoroukov	73
<i>N. V. Meltsine</i> . L'oeuvre poétique du prince Alexandre Ivanovitch Dolgoroukov (1793-1868) comme source généalogique	81
<i>A. Iou. Plotnikov</i> . Les souvenirs de V. N. Oboukhova comme source sur l'histoire de la famille des Oboukhov et de leur entourage moscovite (d'après des matériaux fournis par le livre «Fragments d'un temps depuis longtemps révolu»).....	91
<i>V. N. Rykhliakov</i> . Les poèmes de Piotr Andreïevitch Fénine comme source d'informations sur la généalogie de sa famille.....	97
<i>A.A. Bovkalo</i> . «Le Journal de la comtesse Françoise Krasinska» par Klementyna Hoffmanowa–Tanska.....	103
<i>I. V. Sakharov</i> . La généalogie dans le roman de Valdimir Nabokov «Ada ou l'ardeur». La configuration des liens de parenté entre les personnages principaux du roman correspond-elle aux événements d'un drame qui s'est déroulé autrefois dans la famille Nabokov ?	107
<i>A. V. Rodionov, O. A. Florenskaïa</i> . «Connaître la formule extrêmement complexe de son sang» : Leonid Likhatchev, généalogiste et poète..	129
Au lecteur (Poème anonyme tiré d'un manuscrit du XVIIIe siècle).....	155
<i>A. V. Likharev</i> . Mon arbre généalogique	156
<i>M. Kouzmine</i> . Mes ancêtres.....	160
<i>G. Ivanov</i> . «Inquiète est aujourd'hui ma solitude...».....	162
«Je suis le grand-père de moi-même».....	163
Index des noms	166

Генеалогия и история семьи в мировой литературе XIX-XX веков

Литература XIX века обратилась к личности в многообразии ее социальных и духовных связей с окружающим миром. Динамичное развитие исторической науки в середине столетия обусловило многогранное исследование внутреннего мира личности и социально-исторических факторов, ее формирующих. Следствием этих общекультурных процессов стал интерес к мемуарной литературе, семейным хроникам, дневникам, воспоминаниям, запискам. Появились многообразные модификации: романы в письмах, романы-автобиографии, мемуарные романы, романы-хроники и т.п.

Исследование человеческой личности во второй половине века шло и под углом бурно развивающихся естественных наук. Развитие естественных наук породило художественный синтез литературы и науки.

Включенная в цепь истории личность сознается как непреходящая ценность. Человеческая жизнь протекает в тесной взаимосвязи с историей предков и подготавливает будущее потомков. Эти две важные мысли определили в XIX веке принципы использования генетики и генеалогии в художественной литературе. История семьи и родословное древо используются как сюжетобразующий элемент, определяющий особенности поэтики. Художественное произведение становится экспериментом, где исследуется жизнь рода в разные исторические периоды, а ведущий жанр XIX века, роман, становится экспериментальным романом. Подобно поколенной росписи рода в генеалогии, роман дает возможности для такого исследования личности.

Жанр семейного романа занимает в литературе XIX – XX веков особое место. По своему определению он имеет структурообразующим принципом элементы генеалогии и истории семьи – генеалогическое древо, историю семьи, семейную хронику. Повествование в произведениях этого жанра имеет ряд общих черт: история семьи дана как история рода, будь то его закат или путь процветанию, каждый из героев есть олицетворение всей семьи, зачастую доминирует линейное развитие действия без хронологических смещений.

В развитии прозы середины XIX века нередко соединялись жанры мемуаров, семейной хроники и романа: «Семейная хроника» и «Детские годы

---

* *Светлана Владимировна Букреева*, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологического образования Ленинградского областного института развития образования

Багрова-внука» С.Т.Аксакова, «Ругон-Маккары» Э.Золя, «Сага о Форсайтах» Дж. Голсуорси, «Семья Тибо» Р.М. дю Гара, «Буденброкки» Т.Манна, «Дело Артамоновых» А.М.Горького, романы И.С.Тургенева, позже – произведения И.С.Шмелева и В.В.Набокова.

Цикл романов французского писателя Эмиля Золя (1840-1902) под названием «Ругон-Маккары. Естественная и социальная история одной семьи в эпоху Второй империи» (1873-1893) содержит особую концепцию истории рода. Автор обосновал понятие «экспериментального романа», порожденного духом стремительно развивающихся естественных наук и позитивистской философии.

Идею о построении художественного творчества на научной основе Золя развил в ряде теоретических работ начала 1880-х г.г. («Романисты-натуралисты», «Экспериментальный роман», «Кампания» и пр.). Проблема науки в жизни человеческого общества составила содержание романа, естественнонаучное исследование стало объектом художественного изображения. Писатель специально изучал последние данные «науки о наследственности»: «Введение в изучение экспериментальной медицины» Клода Бернарда, «Физиология страстей» Шарля Летурно, «Философский и физиологический трактат о естественной наследственности» Проспера Люка.

Разрабатывая замысел серии романов, Золя под влиянием концепции Ипполита Тэна, пришел к убеждению, что определяющими регуляторами психики и деятельности человека являются наследственность и среда. Действие этих факторов он показал на судьбе рода Ругон-Маккаров.

Золя поистине вдохнул пламя поэзии в генеалогическое древо Ругон-Маккаров. Это восходящая генеалогия от Аделаиды Фук, по прозвищу тетя Дида, которая «родилась 1768, в 1786 вышла замуж за Ругона, садовника неторопливого и флегматичного. Родила от него сына. В 1788 году овдовела». Далее «вступила в связь с контрабандистом Маккаром. Натура неуравновешенная, пьяница», прижила с ним сына и дочь. Умерла в доме для умалишенных Тюлет в 1873 г. в возрасте ста пяти лет.

Последний представитель рода Шарль Ругон умер в 1873 году от гемофилии, демонстрируя в особенностях своей природы «возвратную наследственность», которая «сказалась через три поколения». Генеалогия и развернутая на ее основе история семьи показывают «физическое и духовное сходство с Аделаидой Фук» «последнюю степень вырождения рода». Тем не менее после него на родовом древе – «пустое, пока белое пятно» – сын Клотильды Ругон и доктора Паскаля.

Врач и мыслитель, Паскаль Ругон призван научно изучить проблемы наследственности на примере рода Ругон-Маккаров, понять, какими сочетаниями психофизических признаков, унаследованных от предков, определяются характеры с судьбы членов этого семейства. Он «непрерывно

следит» за членами семьи и хранит у себя «списки их деяний».¹ В романе показано вырождение Ругон-Маккаров, в символической сцене, где сведены родоначальница всего семейства безумная Аделаида Фук и обреченный на смерть ее слабоумный праправнук Шарль.

«Доктор Паскаль» должен был стать последним романом серии «Ругон-Маккары», однако, добавлял писатель, «заклчением не совсем... окончательным... так как здесь, на земле, ничто, в сущности, не кончается».² Двадцатитомная эпопея, содержащая столь многочисленные картины «безумия и позора», завершается идеей бесконечности жизни. Возможно преодоление наследственных пороков. Эта истина открылась доктору Паскалю: «Он думал о том, как разрастается семья, подобно стволу, дающему множество разных побегов, как терпкие соки разносят одни и те же зародыши в самые отдаленные стебли, изогнутые на разный лад по прихоти солнца и тени...»³.

Художественное исследование истории рода лежат в основе «Буденброкков» Томаса Манна (1875-1955) и «Саги о Форсайтах» Джона Голсуорси (1867-1933). Важно отметить, что в произведениях писателя запечатлели собственные воспоминания.

История семьи Буденброкков, созданная немецким писателем Томасом Манном выросла из автобиографических записок. Вышедший в 1901 году роман «Буденброкки. История гибели одного семейства» получил широчайший резонанс и сразу завоевал успех.

«Буденброкки» задумывались как история бюргерской семьи, построенная на материале семейных преданий. Братья-писатели Томас и Генрих Манны родились в ганзейском городе Любеке. Как позже писал в «Очерке моей жизни» Томас Манн, отец, Иоганн Генрих Манн, был преуспевающим неготиантом, главой торгового дома, сенатором. Он был потомком нескольких поколений любекских бюргеров. Отец был человеком строгих этических правил, отображавших философию бюргерства. В 1891 году отец братьев Манн умер, а его фирма, торговавшая зерном разорилась и была ликвидирована. Бюргерство, находящееся в центре повествования в «Буденброкках» представлено как явление не только социальное, но и духовное.

Творческий итог работы Томаса Манна оказался масштабнее. «Я действительно написал роман о собственной семье, – читаем в эссе Манна «Мое время», <...> – но по сути дела я и сам не сознавал, что рассказывая

---

¹ Золя Э. Собр. соч. в 26-ти тт. Т. 16. М., 1965. С. 367–368.

² Там же. С. 370.

³ Там же. С. 367–368.

о распаде одной бюргерской семьи, я возвестил гораздо более глубокие процессы распада и умирания, начало гораздо более значительной ломки»⁴.

Проблематика романа многогранна: социальное явление бюргерства, становление человеческой личности, расцвет и упадок семейного дела, музыкальность как особое родовое свойство бюргерской духовности. Трагически связаны Манном в романе угасание рода Буденброкков и появление в нем художественно одаренного ребенка. Семидесятилетний Иоганн Буденброкк-старший, – подлинный бюргер. Традиционные качества бюргера присутствуют и в характере трудолюбивого и порядочного Томаса Буденброкка, способного продолжить дело отца. Брат Христиан – это уже «заблудший бюргер», эгоист, неспособный к созидательной деятельности. Последний представитель рода – Ганно, в противоположность деду, наделен фамильным бюргерским гением, но лишен практичности. Расцвет и закат рода Буденброкков олицетворили движение эпохи бюргерства от периода его расцвета в XVIII веке до угасания в конце века XIX.

Вышедшая двадцатью годами позже «Сага о Форсайтах» (1922) Джона Голсуорси, уже названием своим воскрешает в памяти древнескандинавские сказания. В них историю рода, как правило, предвосхищали генеалогические сведения. К английским изданиям «Саги» Голсуорси обычно прилагается составленное автором родословное древо семьи, ведущей род от полуполюгендарного «гордого Доссета Форсайта», происходившего из Дорсетшира, приехавшего в Лондон в начале XIX столетия и поднявшегося до положения строительного подрядчика.

Хроника непрестанно идущего в гору семейства Форсайтов, запечатлена Голсуорси обстоятельно и прототипом имеет историю родственников автора по отцовской линии. Сам Голсуорси, подобно своему герою Сомсу, значился как Джон Голсуорси IV в родословной своей семьи. В образе Большого Форсайта был запечатлен «Большой Голсуорси», предприимчивый фермер в прошлом, а затем, – успешный коммерсант. Дети продолжили его дело. Внук первого Джона Голсуорси, Джорн Голсуорси III, стал юристом и директором нескольких промышленных компаний. В том числе, заокеанских. Женился он в 45 лет, уже богатым человеком, на мисс Блэнч Бартлет. Когда появились Лилиан и Джон, семья переехала в предместье Лондона, в дом, изображенный писателем в образе прекрасного и несчастливого Робин-Хилла в «Саге». Перипетии жизни братьев и сестер писателя нашли свое преломление в истории нескольких поколений Форсайтов.

---

⁴ Манн Т. Мое время// Манн Т. Аристократия духа. М., 2009.

Джолион-старший в «Саге» – «эмблема» своего класса, по выражению автора, «воплощение умеренности и порядка и любви к собственности»⁵. Он несет черты Джона Голсуорси III – гармоничного, молодого сердцем, любящего прекрасное. Именно отцовское влияние было для писателя преобладающим и определило всю его жизнь. Однако, постепенно созидательные силы, питавшие род Форсайтов, иссякли. Подобно дереву, неумело обезвоженному весной и потерявшему все соки, род Форсайтов был иссушен коммерцией и расчетом. Первая часть «Саги» («Собственник») предвосхищает грядущую гибель Форсайтов. Эту идею заключает в себе сцена «смерти» одного из старейших деревьев в саду Форсайтов: пораженное молнией в самую сердцевину, оно символизирует разрушенное родословное древо и предвещает неизбежную гибель рода.

Использование в качестве объединяющей поколения силы принципов генеалогического исследования заложено в самом предназначении родственных связей. Схематически представленные или воссозданные художественно в родословных древах истории семей всегда служили, с одной стороны, единению людей. С другой же, – давали ответы на вопросы о животворных и губительных силах, заложенных в опыте предков.

Чувство принадлежности личности через историю своей семьи к большой истории есть сила, способная противостоять хаосу бытия. Родственные связи – это признак цивилизованности, фактор развития истории и культуры общества. А.С. Пушкин гордился 600-летним дворянством, видел в этом необходимом для себя знании важнейшую черту внутренней цельности личности, сознающей себя частью истории рода.

---

⁵ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах. В 2 т. Т.1. М., 2011. С. 12

**«Семейная хроника» С.Т. Аксакова:
история рода
в художественно-мемуарном освещении¹**

Процесс создания «Семейной хроники» запечатлел неспешное приближение, а затем – последовательное вхождение С.Т. Аксакова в историю его рода, отражая тем самым некие общие закономерности развития личности: стремление к самоосознанию, поиск индивидуального пути, и лишь вслед за этим – потребность в единстве с предшествующими поколениями и нарастающее желание осмыслить историю рода, определить не столько свое собственное место в ней, сколько естественную, заложенную и природой, и культурным развитием причастность отдельной личности к общему пути.

Написав первый отрывок «Семейной хроники» в 1840 г. и опубликовав начало его в 1846, Аксаков два года спустя признавал, что «Семейная хроника» «пишется как-то вяло»². Напечатав целиком первый отрывок в 1854 г., он сообщал И.С. Тургеневу, что продолжает писать «Семейную хронику» уже «в лихорадке»³, а в январе 1855 г. уведомлял М.П. Погодина о том, что закончил огромный том. В конце года книга вышла в свет. К 1858 г. была закончена работа и над следующей книгой, продолжавшей «Семейную хронику» и получившей название «Детские годы Багрова-внука». И в той, и в другой можно отметить равноправие двух составляющих: мемуарной достоверности и творческой свободы автора.

При публикации первого отрывка автор не скрывал от читателя, что описывает хронику своей семьи и завершал повествование фразой: «Но виноват, заговорился я, говоря о моей прекрасной родине. Посмотрим лучше, как продолжает жить и действовать мой неутомимый дедушка»⁴. Публикуя целиком этот отрывок в «Москвитянине»⁵, Аксаков еще сохранял реальные имена и лишь затем видоизменил их, ссылаясь на недовольство

---

* Елена Ивановна Анненкова, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

¹ Из материалов XI Петербургских генеалогических чтений «Генеалогия и литература»

² Аксаков С.Т. Собрание сочинений в 3 томах. М., 1986. Т. III. С. 211. В дальнейшем сноски даются на это издание, с указанием тома и страницы в тексте.

³ Русское обозрение. 1894. Ноябрь. С. 17.

⁴ Отрывок из семейной хроники ...ова // Московский литературный и ученый сборник. М., 1846. С. 423.

⁵ Москвитянин. 1854. Т.П. № 5. Кн. 1. С. 17–48.

родственников, но, скорее всего, не только уступая мнению родных, он ослабил впечатление документальности повествования: власть творчества захватила писателя и уже диктовала свои законы.

Знаменательно, что опубликованная в «Современнике» статья П.В. Анненкова, в которой критик рассматривал «Семейную хронику» как художественное произведение и называл автора «полным и совершенным творцом типов и характеров»⁶, Аксакову чрезвычайно понравилась и побудила его продолжать работу. Вместе с тем, поясняя в «Предуведомлении» к полному изданию книги (вышедшей под одной обложкой с воспоминаниями), что отрывки из «Семейной хроники» не имеют ничего общего с воспоминаниями, автор все же считал возможным объединить свои сочинения. Все это говорит о том, что Аксаков стремился отыскать особую форму совмещения документального и художественного, утвердить некое их равновесие, существенно обновлявшее природу одного и другого. В сущности, все произведения Аксакова, в той или иной степени, имеют документальную основу: это записки, рассказы (об ужении рыбы, ружейной охоте, об отношениях с современниками – литературными и театральными деятелями и т.д.). Следовательно, все, написанное Аксаковым, питалось определенными коллизиями реальной жизни и воспринималось читателями как выражение духа того или иного времени. Жизнь самого С.Т. Аксакова, его предков и его семьи приобретала в этом контексте историческое и культурологическое значение.

Генетик А.С. Серебровский назвал Аксаковых «интересной в генетическом отношении семьей»⁷, указывая, что исследователей, обратившихся к ее изучению, могут ожидать интересные изыскания. Семья Аксаковых, ее история и окружение стали предметом и краеведческих исследований⁸. В настоящей работе не ставится задача восполнить недостающие сведения по истории семьи. Для историко-литературной науки представляет интерес

---

⁶ Анненков П.В. Семейная хроника и воспоминания С.Т. Аксакова // Современник. 1856. Т. 56. № 3. Критика. С. 1. Жанровые и стиливые особенности «Семейной хроники» рассмотрены в содержательной работе: Николаева Н.Г. «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» С.Т. Аксакова: формы письма и традиции жанра. Автореферат на соискание учен. степени канд. филол. наук. Барнаул, 2004.

⁷ Серебровский А.С. Генеалогия рода Аксаковых (По посмертным бумагам С.И. Гальперин) // Русский евгенический журнал. 1924. Т. 1. Вып. 1. С. 75.

⁸ См.: Гудков Г.В., Гудкова З.И. С.Т. Аксаков. Краеведческие очерки. Уфа, 1981; Их же. Незаконченная повесть С.Т. Аксакова «Наташа». Историко-краеведческий комментарий. Уфа, 1988; Их же. С.Т. Аксаков. Семья и окружение. Краеведческие очерки. Уфа, 1991.

та двойная призма, сквозь которую пропускает действительность Аксаков: призма историческая, документальная и художественная.

Назвав свое произведение «Семейной хроникой», Аксаков следует хроникальному принципу описания событий; сохраняя отдельные имена и не слишком сильно видоизменяя другие, он сознательно укореняет в памяти истории и культуры своих сородичей и предков. Так, упомянуты (под фамилией Багровых) Аксаковы Михаил Петрович, Иван Петрович и Григорий Петрович, сыновья симбирского помещика Петра Аксакова. Михаил Петрович – прадед Сергея Тимофеевича, ему Степан Михайлович (получивший в книге Аксакова фамилию Багров) приходился единственным сыном. Надежда Ивановна Аксакова, именуемая в «Семейной хронике» Прасковьей Ивановной Куролесовой, – единственная дочь Ивана Петровича, двоюродная сестра Степана Михайловича. Жена Степана Михайловича Аксакова – Ирина Васильевна, в девичестве Неклюдова, сохранила в книге свое имя, именуясь бабушкой Ариной Васильевной. В «Семейной хронике» прочерчена и материнская линия автора. Под фамилией Зубиных выступают Зубовы Николай Семенович (дед) и Мария Николаевна, названная Софьей. Встречается упоминание и других реальных лиц, состоявших в близком или дальнем родстве или знакомстве с Аксаковыми⁹.

Какую же историю, биографию своего рода выстраивает Аксаков? Явно не «биографию духа», которая воодушевляла романтиков, обращавшихся к судьбам великих художников. Вместе с тем, и история, наполненная конкретными фактами, бытовыми подробностями, передающими «материю» жизни, полноту ее хронологического движения, не представляла для Аксакова самоценного интереса. Пожалуй, более всего писателя занимала тайна соединения «жизни духовной и жизни вещественной», «таинственные стихии, образующие и связующие их», на которые как на достойный предмет литературы обращал в свое время внимание В.Ф. Одоевский¹⁰, только, в отличие от автора «Русских ночей», Аксаков проявление «таинственных стихий» отыскивает не в старинных манускриптах, не в ночных диалогах молодых «духоиспытателей», а в движении самой жизни, в ее привычных и неожиданных формах.

Умеющий ценить как «духовное», так и «вещественное», Аксаков и исторические их проявления улавливает и фиксирует бережно и точно. В

---

⁹ Кроме указанной работы А.С. Серебровского см.: Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. СПб., 1886. С. 20–30; Сиверс А.А. Генеалогические разведки. Вып. I. СПб., 1913. С. 89–98. Ряд уточнений в родословную Аксаковых внес В.А. Кошелев: Кошелев В.А. Сто лет семьи Аксаковых. Бирск, 2005. С. 17–20.

¹⁰ Одоевский В.Ф. Русские ночи. Л., 1975. С. 7.

каждом персонаже – то органично, то противоречиво (а подчас драматично) сочетается или сталкивается историческое и индивидуальное. История рода, таким образом, оказывается и отечественной историей, и историей отдельной семьи, а также историей отдельной личности. При этом индивидуальное развитие далеко не всегда идентично развитию родовому.

Старший Багров, затеявший переселение на новые земли, сумевший обустроить, разумно и даже мудро, хозяйство в далеком Уфимском наместничестве, владеет всеми тайнами земледельческого труда, находя в нем основу благополучия и смысл жизни. Сам же Аксаков признавался, упоминая в «Литературных и театральных воспоминаниях» свой отъезд из Москвы в Оренбургскую губернию в 1821 г.: «...Я должен был заняться хозяйством, которого терпеть не мог» (II, 407)¹¹. Любя природу и зная ее, он был совершенно равнодушен к земледельческим занятиям, тем более, к их организации. Следовательно, не только эволюционное и последовательное развитие рода в его преемственности интересует Аксакова, но и те прихотливые отклонения от прямого пути, на которых каждое новое поколение, пользуясь опытом поколения предыдущего, отыскивает свое направление развития. Однако эти отходы в сторону, как выявляется в «Семейной хронике», не нарушают с неизбежностью целостность рода и духовную преемственность, которая понимается автором достаточно широко, диалектично. Преемственность проступает в признании ценности другого духовного опыта, даже если он не совпадает с опытом собственным. Между стариком Багровым и Сережей, между Степаном Михайловичем Аксаковым и его внуком, Сергеем Тимофеевичем, – отличий, пожалуй, больше, чем сходений, но они если не нивелируются к концу жизни, то и не кажутся драматическими, высвечивая неизбежно то общее, что проступает в рамках одного рода и что становится заметным и осознается тем или иным представителем рода, когда уже пройдена значительная часть пути. Можно сказать, что С.Т. Аксаков в зрелые годы будет столь же терпим в отношении идейных увлечений своих сыновей, которые далеко не всегда разделял, как старик Багров – в отношениях с невесткой, мировоззренчески и культурно от него далекой, но интуитивно понятой им в ее лучших душевных движениях.

---

¹¹ В тексте зафиксирована черта, отделяющая Аксакова-внука от его деда: он называет себя «страстным поклонником вечных красот природы», он «с радостным волнением» спешит «в благословенную деревню», то есть подвергает рефлексии свою любовь к природе; старик Багров живет и трудится в природном мире, ценя его, но не эстетизируя. Поэтому одному близки ужение и охота, другому – забота об урожае и достатке, как своей семьи, так и крестьян. Но способность чувствовать природу в ее самоценности, внутренней свободе – присуща тому и другому.

В «Семейной хронике» упомянуты черты прежнего времени, предопределившие и психологические особенности индивидуального сознания. «Приведа в порядок свое хозяйство, дедушка мой женился на Арине Васильевне Неклюдовой, небогатой девице, также из старинного дворянского дома. При этом следует кстати объяснить, что древность дворянского происхождения была коньком моего дедушки, и хотя у него было восемьдесят душ крестьян, но, производя свой род, бог знает по каким документам, от какого-то варяжского князя, он ставил свое семисотлетнее дворянство выше всякого богатства и чинов. Он не женился на одной весьма богатой и прекрасной невесте, которая ему очень нравилась, единственно потому, что прадедушка ее был не дворянин» (I, 37). Автор не комментирует сословный выбор «дедушки». Но описание достаточно бесцеремонного обращения старика Багрова с женой позволяет читателю задуматься: не есть ли это следствие того, что «прекрасная невеста», близкая сердцу, была отставлена, а взятая из «старинного дворянского рода» оказалась неровней уже в другом, интеллектуальном отношении. Однако читатель не может не признать, что такой глава семьи как Багров нуждается не в прекрасной единомышленнице, а в принимающей его волю и чрезвычайно редко проявляющей своеволие «небогатой девице». Жених, таким образом, сделал правильный выбор не только рационально, но и интуитивно, подчиняясь велениям своей природы.

Задача автора – не оценивать черты прошлого века, а достоверно и уважительно их воссоздавать. Примечательно, что более ранние поколения не становятся предметом изображения Аксакова, и, скорее всего, потому, что автор стремится не столько достигнуть полноты родословного повествования, сколько сохранить, высказать живые впечатления, хранящиеся в памяти.

Упомянуты «благодарная память» «внуков, правнуков тогдашнего поколения», «простые и вместе глубокие воспоминания» (I, 48), которые доводилось слышать автору. Устойчивость воспоминаний подчеркнута фразой «часто рассказывали» (там же). И все-таки Аксаков не воспроизводит воспоминания и рассказы буквально, не считает нужным сохранить чью-либо устную речь. Право показа того или иного лица и комментирование его поступков принадлежит одному автору. Говоря о самых сложных эпизодах (например, о «темной стороне» Багрова), только на себя берет ответственность автор, постоянно стремящийся соблюдать объективность изображения: чужой рассказ, как правило, использован, но Аксаков прежде всего отталкивается от личных впечатлений, полученных в детстве и подвергнутых позже зрелому аналитическому осмыслению. О старике Багрове, впадающем подчас в беспредельный гнев, сказано: «Я видел его таким в моем детстве... Как теперь гляжу на него» (там же). Авторское

сознание сочетает историзм (характер Багрова предстает как выражение своего времени) и ту лирико-эпическую теплоту, которая была новостью для литературы. Предоставляя возможность исторической действительности эпически выразить себя, автор согревает, смягчает события прошлого своим чувством, в котором преобладает терпимость и способность понять другого. Но все-таки ближе всего Аксакову светлые стороны жизни его предков.

«Добрый день Степана Михайловича» – законченный целостный сюжет, свободно связанный с общим повествованием: рассказ о «добром дне» включен в текст как его смысловая сердцевина; одновременно этот сюжет сохраняет и определенную автономность. Оказывается, что именно такого рода повествование, художественно продуманное и как будто непроизвольно передающее колорит реального времени, уже ушедшего в прошлое, способно было вернее всего выразить не только принципиальные черты аксаковского мирозерцания, но и существо самой жизни. «Перед восходом солнца бывает весело на сердце у человека как-то бессознательно...» (I, 51): весело ощущать себя частицей Божьего мира, весело смирять в себе темные стороны души, радоваться труду, согласию семьи. В эти минуты человек един и с природой, и с многообразием, разноликостью своего рода. «Весело кружились в небе, щебетали и пели ласточки и косаточки» (там же) – и весело быть единым с этой живой жизнью, которая и бессознательна, и мудра. Мотив веселья проходит через всю главу, цементируя ее и по-своему обособляя от других. «Добрый день», «блаженный день», «веселый день» – это далеко не каждый день Степана Михайловича Багрова и любого другого человека. Но такими могут быть дни, и они рождают то «тихое спокойствие» (I, 56), в котором проявляется лучшее, что есть в человеческой природе, знающей диссонансы и «вещественной», и «духовной» жизни, но умеющей их смягчать.

Сама организация текста (читателю представлены пять следующих друг за другом «отрывков» их «Семейной хроники») свидетельствует о художественном замысле автора и о продуманном воплощении его. Мемуары, выстраивая целостную историю рода, чаще всего воссоздают всю последовательность прошлых событий (во всяком случае, тех, что сохранились в памяти и представляются ценными). Вглядываясь в историю собственного рода, Аксаков выбирает наиболее колоритные и знаменательные «отрывки». Это отрывки жизни в целом. Видимые, внешние ее черты, атрибуты бытовые и исторические могут меняться, но жизнь человеческого рода сохраняет в «отрывках» то, что может переходить из века в век, поэтому каждым новым поколением воспринимается и как отдаленное, незнакомое, привлекающее новизной познания, и в то же время как свое, перекликающееся с собственным опытом.

Вместе с тем, мемуарная форма повествования также активно используется Аксаковым. Первая же фраза: «Тесно стало моему дедушке в Симбирской губернии, в родовой отчине своей» (I, 33) – отсылает к реальному (а не условному, художественному) пространству, к реальному лицу. Это определение – «мой дедушка» – автор сохраняет на протяжении всего повествования. Но выстраивается характер Багрова одновременно по законам и мемуарной, и художественной литературы. Аксаков угадывает и утверждает главную составляющую мемуарного повествования, все более привлекающего в 1850-е гг. литературное и читательское сознание, – закрепление в слове хранящихся в памяти устных преданий, историй, отдельных эпизодов, запечатлевших характеристический тип личности. В памяти самого писателя могли сохраняться реальные черты деда, но уже взрослого, зрелого человека. Его более ранний облик он домысливает, пользуясь рассказами, собственными догадками, творческой способностью проникать во внутреннее содержание жизни, не претендуя на то, чтобы объяснить все ее тайны, но обозначая их, фиксируя, привлекая к ним внимание¹². Сила самой жизни и отмечена Аксаковым в Багрове: «В разгульной юности, в молодецких потехах, кучу военных товарищей, на него нацеплявшихся, стряхивал он, как брызги воды стряхивает с себя коренастый дуб после дождя, когда его покачивает ветер» (I, 36). Уподобление человека коренастому дубу обнажает основной механизм аксаковского текста. Перед нами художественный образ, но он отсылает нас к документальной основе произведения: повествование в «Семейной хронике» начинается с характеристики человека, от которого, как от дуба молодая поросль, пойдут новые и новые ростки – новые поколения.

При значимости всех действующих лиц в книге Аксакова двое явно выделены автором, как потому, что являются наиболее сильными и яркими характерами, так и потому, что оказали наибольшее воздействие на формирующееся сознание Сережи Багрова, а, следовательно, и Сергея Тимофеевича Аксакова, – старик Багров и Софья Николаевна, в девичестве Зубина. Если образ своего деда писатель выстраивает, опираясь прежде всего на рассказы, детские впечатления (достаточно отрывочные), на опыт собственной жизни как главы большого семейства, то характер Марии Николаевны (в хронике – Софьи Николаевны), будучи также составлен из воспоминаний других лиц и собственных, обнаруживает более непосредственное восприятие этой героини автором, что предопределяет как постоянно простирающуюся в тексте личную интонацию, так и большую сложность личности.

---

¹² Об этой особенности аксаковского творчества см.: Григорьева Е. Ф. Непреднамеренное С. Т. Аксакова. Христианские традиции в творчестве писателя. М., 2007.

О Зубовых, прототипах Зубиных, «аксаковедение знает только то, – констатируют известные краеведы, – что сообщил сам автор в своих произведениях»¹³. Опираясь на архивные изыскания, Гудковы сообщают ряд сведений о братьях и сестрах Марии Николаевны, о двоюродных братьях и сестрах писателя со стороны матери, устанавливают, что подлинное отчество Зубова – Семенович (Аксаков заменил его на «Федорович», и в дальнейшем исследователи, а также авторы, обращавшиеся к аксаковской родословной, именовали Зубова Николаем Федоровичем¹⁴), но о Марии Николаевне никакой новой информации не находят. Тем большую ценность представляет хроника Аксакова, и, может быть, самое интересное в ней – анализируемые отношения Софьи Николаевны с отцом, мачехой, женихом, свекром и, в дальнейшем, с сыном.

Следуя принятому им принципу фрагментарности повествования, при котором, однако, каждый из «отрывков» обладает смысловой цельностью и фабульной завершенностью, Аксаков третий «отрывок» называет «Женитьба молодого Багрова»: в семейной хронике доминирует фамилия Багровых, хотя в сюжете можно отметить своеобразное равноправие Алексея Степановича Багрова и Софьи Николаевны.

Воссоздавая процесс становления личности Сонечки Зубиной, Аксаков не отсылает читателя к каким-либо источникам – к устным воспоминаниям Марии Николаевны или свидетельствам ее знакомых. Рассказ строится скорее с опорой на предшествующую культурную традицию, как фольклорную, так и традицию христианской литературы: гонимая «падчерица», бедная «беспомощная сирота» – константные образы той и другой. Уничтожение и затем возвышение «сироты» сохранилось в памяти жителей Уфы как некое городское предание, и Аксаков сохраняет черты этого устного повествования, лишённого каких-либо неповторимых деталей, но воспроизводящего уже сложившуюся в народном сознании схему о воздаянии, ожидающем неправедно гонимых. А вот дальнейший рассказ о Софье Николаевне будет уже содержать конкретные имена и факты: отмечено ее заочное знакомство с Н.И. Новиковым, дружба с В.В. Романовским, П.И. Чи-

---

¹³ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. С.Т. Аксаков. Семья и окружение. С. 65.

¹⁴ Мария Николаевна Аксакова, рожд. Зубова была названа «внукой Уральского урядника Федора Зуба» и «дочерью Уфимского прокурора Николая Федоровича Зубова и супруги его урожденной купчихи Веры Ивановны Кандалинцовой» в комментариях к публикации писем М.Н. и Т.С. Аксаковых 1818-1835 гг. в «Русском Архиве», 1894. Вып. 9. С. 136. Однако, согласно Месяцеслову, прокурором Уфимской провинциальной канцелярии был надворный советник Николай Семенович Зубов (см., напр.: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождения Христова 1778. СПб. С. 323) – прим. ред.

чаговым, Д.В. Мертваго и др. Однако и эти описания содержат оттенок «чуда», поэтому переход к рассказу об Алексее Степановиче маркирован фразой: «Вот в какую необыкновенную девушку влюбился сынок Степана Михайловича!» (I, 99). В одной плоскости оказались сведены не просто два различных характера, но и две формы изображения человека: мифологизированная и историческая. В восприятии домашних Багрова, Софья Николаевна соединила в себе расхожие стереотипы невестки и золовки: «нищая», «гордячка, модница, городская прощельга», «колдунья» (I, 102–103). Читатель с нетерпением ждет авторской интерпретации этой загадочной личности, догадываясь, что она более глубока и оригинальна, чем та, что нашла выражение в слухах, молве, намеках. Но прежде Аксаков-художник проводит этот образ через ряд опосредований: о Софье Николаевне рассказывает Алексей Степанович («рассказ ... был беспорядочен, сбивчив, длинен и не убедителен» – I, 106), слушает этот рассказ старший Багров, «светлый ум» которого позволил ему понять, «в чем состояло дело» (там же), но не в полной мере, ибо Степан Михайлович «мало понимал романтическую сторону любви» (I, 107). Необыкновенность и загадочность героини, таким образом, еще более усиливаются, но повествование далеко не сразу возвращается вновь к Софье Николаевне.

Рассказ же о том, как она принимает предложение Алексея Степановича и убеждает отца в оправданности ее выбора, раскрывает трезвую, практичную (хотя одновременно и страстную) ее натуру. И уже сам автор о глубоко любимой им матери (дистанция между Софьей Николаевной и реальной Марией Николаевной нигде не фиксируется) считает нужным сказать: «Поневоле должно признать, что в основании ее характера уже лежали семена властолюбия и что в настоящее время, освобожденные из –под тяжкого гнета жестокой мачехи, они дали сильные ростки, что без ведома самой Софьи Николаевны – любовь к власти была тайною причиною ее решимости» (I, 119). Сам Аксаков, таким образом, далек от мифотворчества. Его интересует реальный характер, не исчерпанный расхожими слухами и домыслами. Мысль автора «Семейной хроники», соотносящего разные точки зрения, всегда диалектична, и это позволяет ему увидеть, что не случайно столь противоположные натуры, как старик Багров и его невестка, потянулись друг к другу, с первого взгляда почувствовали взаимное уважение: в их характерах автор находит то взаимодополнение натур, благодаря которому поддерживается целостность жизни: природный «светлый ум» Багрова встречается с утонченностью культурного сознания Софьи Николаевны. Но то, что в жизни в целом может дополнять друг друга и обещать согласие, в конкретных жизненных коллизиях не исключает непонимание и разлад. В результате эпическое повествование Аксакова приобретает тот драматизм, который смягчен лишь в финале «Семейной

хроники», где вновь вступает в свои права мемуарная традиция: старик Багров получает долгожданное известие о рождении внука, извлекает из шкафа родословную и, проведя черту от кружочка с именем «Алексей», в новом кружочке пишет «Сергей».

Написав после «Семейной хроники» «Детские годы Багрова-внука», Аксаков не продлил хроникальное повествование до более позднего, уже недетского периода Сережи, он не довел его до тех лет, когда страстная любовь Марии Николаевны к сыну претерпит изменения и почти остынет после его женитьбы. Можно предположить, что Марии Николаевне недостало той мудрости, которой был наделен «дедушка»; «светлого ума», равновесия духа культура и цивилизация «красавице» и «умнице» не подарили. Сережа Багров, став Сергеем Тимофеевичем Аксаковым, сохранил светлый ум деда, обогатив его культурным запасом и смягчив то противоречие, которое ранило его детское сознание: уже первая поездка в Багрово обнаружила разногласие молодых супругов – «Алексей Степанович, страстно любящий, еще не привыкший к счастью быть мужем обожаемой женщины, был как-то неприятно изумлен, что Софья Николаевна не восхитилась ни рощей, ни островом, даже мало обратила на них внимания» (I, 145). Аксаков впитал в себя разнородные и лучшие начала предыдущих поколений, и это представало как естественное развитие рода и как осознанный выбор, доступный человеку, умеющему ценить духовный запас предшествующих эпох. Аксаков мог бы написать следующий отрывок «Женитьбы молодого Багрова», где уже не сын, а внук Степана Михайловича начинал строение своей семейной жизни. Но новый круг развития, со своими, не лишеными драматизма оттенками, вероятно, вступил бы в противоречие с жанром хроники: он означал бы включение в литературный текст того дыхания настоящего времени, которое требует иного стиля, иных слов, чем те, из которых складывается родословная.

Реальные лица, представлявшие аксаковский род, вошли в память национальной культуры такими, какими их представил С.Т. Аксаков. Читатель не имеет возможности проверить, насколько психологически точно переданы те или иные реальные черты: не сохранилось мемуаров, в которых упоминались бы предки Аксакова. Но, пожалуй, читатель и не испытывает потребности проверять, уточнять информацию, ибо художественный текст не столько предоставляет в его распоряжение определенные факты, сколько приоткрывает образ прошлого, несущий в себе и общечеловеческий, вневременной смысл.

Представляя из семейной хроники лишь «отрывки», Аксаков оставляет читателям надежду, что хроника может быть написана целиком. Но допустимо и иное предположение. Как бы ни было велико желание восстановить историю рода полностью, автор сознает, что это вряд ли кому до-

ступно, во всяком случае, в рамках литературного произведения. При всей объективности авторского взгляда, хроника передаст восприятие прошлых эпох человеком нового времени. Это он по-своему видит как «вещественное», так и «духовное», он не осуждает и не превозносит, но оценивает людей, совершивших свой путь. Поэтому читателю предложены «отрывки», фрагменты прошлой жизни, и он вправе выносить свои суждения, принять или оспорить логику прежней жизни. Аксаков же завершает «Семейную хронику» обращением к своим персонажам, формулируя и своеобразное кредо мемуариста-художника: «Вы не великие герои, не громкие личности; в тишине и безвестности прошли вы свое земное поприще и давно, очень давно его оставили: но вы были люди, и ваша внешняя и внутренняя жизнь так же исполнена поэзии, так же любопытна и поучительна для нас, как мы и наша жизнь, в свою очередь, будем любопытны и поучительны для потомков. Вы были такие же действующие лица великого всемирного зрелища, с незапамятных времен представляемого человечеством, так же добросовестно разыгрывали свои роли, как и все люди, и так же стоите воспоминания. Могучею силою письма и печати познакомлено теперь с вами ваше потомство. Оно встретило вас с сочувствием и признало в вас братьев, когда и как бы вы ни жили, в каком бы платье ни ходили. Да не оскорбится же никогда память ваша никаким пристрастным судом, никаким легкомысленным словом!» (I, 223).

**Центробежные и центростремительные силы
внутри дворянского рода
(по роману И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»)¹**

Название романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» (1858) имеет отнюдь не только топографический смысл. «Дворянскими гнездами» еще в «Записках охотника» Тургенев называл дворянские усадьбы, места жительства «дедов и прадедов», обязательным атрибутом которых был «фруктовый сад с липовыми аллеями» (III, 50)². При этом пространство дворянской усадьбы превращалось в произведениях писателя в точку аккумуляции родового и общеисторического времени. Исследователи не раз отмечали, что в романе «Дворянское гнездо» перед читателем «развертывается, в сущности, история целого сословия, на протяжении полутора столетий обладавшего, политической, социальной и культурной гегемонией в русском обществе»³.

Почти все герои романа снабжены мини-родословной, но особенно развернута на страницах «Дворянского гнезда» история рода Лаврецких, занимающая четыре главы и рискованно прерывающая нить сюжетного действия. В работах Н.М. Чернова убедительно показано, как в сценах семейного прошлого Лаврецких отразились семейные предания Лутовиновых, рода, к которому И.С. Тургенев принадлежал по линии матери⁴.

Таким образом, в романе И.С. Тургенева дворянский род предстает как личное родовое наследие писателя. Тем интереснее проследить, какие силы, с точки зрения автора «Дворянского гнезда», определяют жизнь и судьбу дворянского рода.

---

* Юлия Валентиновна Балакина, кандидат филологических наук, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; Свято-Филаретовский православный христианский институт

¹ Из материалов XI Петербургских генеалогических чтений «Генеалогия и литература».

² Здесь и далее ссылки на произведения И.С. Тургенева даются в круглых скобках после цитаты по изданию: *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем в 30-ти тт. М., 1978–1986. Первая цифра в скобках указывает номер тома, вторая – номер страницы.

³ *Маркович В.М.* Между эпосом и трагедией («Дворянское гнездо») // *Маркович В.М.* И.С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века. Л., 1982. С. 148.

⁴ См., например: *Чернов Н.М.* Лаврецкие и Лутовиновы в жизни и в романе // *Спасский вестник.* 1999. Вып. 5. С. 48–50; *Его же.* Подпочва тургеневского творчества // *Чернов Н.М.* Провинциальный Тургенев. М., 2003. С. 15–28.

ПРИРОДА

Первую группу сил можно назвать «природными», или «врожденными». Действию этих сил в жизни и творчестве самого Тургенева посвящена отдельная глава монографии В.Н. Топорова «Странный Тургенев»⁵. Исследователь находит в текстах и биографии Тургенева следы неких «природных» предрасположенностей – первичных, но не сразу и не до конца освоенных сознанием родовых начал. Эти начала он связывает с «темной» стороной личности писателя.

В Федоре Лаврецьком, герое «Дворянского гнезда», наследие рода проявляется, во-первых, на физическом уровне. У него «немного толстый нос» – «отцовский», как отмечает его тетка Марфа Тимофеевна Пестова; «глаза навывкате», унаследованные от «пучеглазой» прабабки; «степное здоровье», напоминающее о Петре Лаврецьком, его деде – «простом степном барине» (VI, 29). Попутно отметим, что образ «безграничной, необозримой степи» (III, 359), наряду с образом статного, могучего леса, уже в «Записках охотника» стал своеобразным национальным архетипом, выражающим коренные свойства русской души.

Однако от своего прадеда Андрея Лаврецького, ключевой в роду фигуры, самого богатого и замечательного из всех Лаврецьких, Федор Иванович внешне как будто ничего не наследует. Портрет Андрея Лаврецького, сохранившийся в родовом имении, разительно отличается от внешности его правнука. «Лаврецький (Федор – Ю.Б.) действительно не походил на жертву рока. От его краснощекого, чисто русского лица, с большим белым лбом, немного толстым носом и широкими правильными губами, так и веяло степным здоровьем, крепкой долговечной силой. Сложен он был на славу, и белокурые волосы вились на его голове, как у юноши. В одних только его глазах, голубых, навывкате и несколько неподвижных, замечалась не то задумчивость, не то усталость...» (VI, 26). Практически все детали внешности Федора заостренно противопоставлены внешности Андрея.

Причину этого разительного отличия объясняет в романе Марфа Тимофеевна Пестова: «На мать ты свою похож стал, на голубушку... только нос у тебя отцовским был, отцовским и остался» (VI, 27). Напомним, что мать Лаврецького – крепостная крестьянка, мужичка, по странному стечению обстоятельств ставшая «барыней». Народные корни на физическом уровне оказываются в Федоре Лаврецьком сильнее и ярче наследия дворянского

---

⁵ Топоров В.Н. Предрасположенности и возможности – врожденное и благоприобретенное // Топоров В.Н. Странный Тургенев. М., 1998. С. 12–53.

рода. Надежность, сила, укорененность неоднократно подчеркиваются во внешнем облике героя: «чай, по-прежнему десять пудов одной рукой поднимаешь...» (VI, 27); «...а ты, Федюша, дай мне руку. О! да какая же она у тебя толстая! Небось с тобой не упадешь» (VI, 28).

Однако сквозь эту «здоровую природу» тургеневского героя проступают потаенные, «ночные» начала, вступаая с ней в причудливые и странные сочетания. Прадед и дед оживают в строе душевной организации Федора Лаврецкого. «Бешеный нрав», Андрея Лаврецкого, помноженный на мужицкую грубую силу, вспыхивает в нем, когда он узнает об измене жены: «Он почувствовал, что в это мгновение он был в состоянии истерзать ее, избить ее до полусмерти, по-мужицки, задушить своими руками» (VI, 52); «...Он хотел пойти, сказать им: «Вы со мной напрасно пошутили: прадед мой мужиков за ребра вешал, а дед мой сам был мужик», – да и убить их обоих» (VI, 53). «Темные» мысли время от времени кружатся в голове Федора, но он удерживается на пороге их воплощения: «Лаврецкий окинул ее (жену – Ю.Б.) злобным взглядом, чуть не воскликнул «Brava!», чуть не ударил ее кулаком по темени и удалился» (VI, 120).

С другой стороны в душевных свойствах Федора сказывается его дед, Петр Лаврецкий, «крикун и копотун» (VI, 29). Согласно словарю В.И. Даля, «копотун – человек вялый, мешковатый, непроторный или нерасторопный, медленный»⁶. Наклонность «к упрямству, созерцанию и лени» (VI, 43) явно есть в Федоре. Недаром он получает от своего товарища Михалевича прозвище «байбак», недаром с такой легкостью впадает в «мирное оцепенение» деревенской глуши. Одно из типичных для него состояний – состояние неопределенной мечтательности: «мысли его медленно бродили; очертания их были также неясны и смутны, как очертания тех высоких, тоже как будто бы бродивших тучек» (VI, 59).

Однако, выявление «природных» начал дворянского рода, действующих в личности Федора Лаврецкого, убеждает нас в том, что ни вялость и мешковатость деда, ни бешеная энергия и самоуправство прадеда не становятся доминирующими чертами в характере их потомка. Они оказываются видоизменены и преобразены иными силами, среди которых немаловажную роль играют силы культуры.

КУЛЬТУРА

На первый взгляд, положительная динамика культурного развития дворянского рода заключается в облагораживающем и все более глубоком

---

⁶ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Современное написание. В 4-х томах. Т. 2. М., 2001. С. 256.

влиянии европейской культуры. Прадед Лаврецкого Андрей не пудрит волосы, живет в деревянных хоромах и творит, что «восхочет». Анна Павловна, жена Петра Андреича, любит играть в карты, кататься на рысаках, но пудрится, хотя и считает это мукой. Глафира, старшая дочь Петра и Анны Лаврецких, умеет сказать пару слов по-французски и завидует своему брату Ивану, воспитывавшемуся в столице и наполненному «всей премудростью XVIII века» (VI, 31). Иван Петрович, отец Федора Лаврецкого, оказывается способен «пустить в ход и оправдать на деле Руссо, Дидерота и la Déclaration des droits de l'homme» (VI, 34), женившись на крестьянке; но не способен всерьёз взять на себя ответственность за жену, за сына, за управление имением. Он прибавляет к фамильному гербу подпись: «In gesto virtus...» («В законности – добродетель...») (VI, 39), но, в сущности, остается мелочным эгоистом и домашним деспотом. Как пишет автор, премудрость XVIII века «пребывала в нем, не смешавшись с его кровью, не проникнув в его душу, не сказавшись крепким убеждением...» (VI, 31).

Отец Лаврецкого считает нужным передать европейский тип культуры своему сыну. Но европейское образование, механически пересаженное на русскую почву, способно только вывихнуть, придавить человека. В свободно-хаотичную внутреннюю жизнь Федора Лаврецкого врывается «система». Музыка, как занятие недостойное мужчины, изгоняется из его жизни. Ее место занимают предметы, рационально структурирующие мир: математика, естественные науки, право. И даже геральдика, сменившая в жизни Феди загадочную книгу «Символов и эмблем» Максимовича-Амбодика⁷, знаменует собой новоевропейскую «научность», устанавливающую в мире правильные, прямые, упорядоченные причинно-следственные связи. Обратной стороной этой «научности» и «практичности» становится «деэстетизация миропонимания»⁸. Поэтому столь мучительным оказывается этот переворот для сознания тургеневского героя: «“Система” сбила с толку мальчика, поселила путаницу в его голове, притиснула ее» (VI, 41).

Всю свою жизнь Лаврецкий освобождается от влияния системы, на это уходят почти все его внутренние силы, но, в конечном итоге, в Федоре Лаврецком, последнем отпрыске дворянского рода, европейская культура приносит действительно зрелый плод. Происходит рождение личности, со-

---

⁷ Здесь имеется в виду изданная Нестором Максимовичем Амбодик-Максимовичем (Максимовичем-Амбодиком) книга «Избранные эмблемы и символы на российском, латинском, французском, немецком и английском языках объясненные, прежде в Амстердаме, а потом во граде Св. Петра 1788 года, с приумножением изданные Статским Советником Нестором Максимовичем Амбодиком». СПб.: В императорской типографии, 1811.

⁸ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 33.

знающей общую ответственность на новых личных основаниях, способной к управлению своим внутренним миром, преодолевающей сухой рационализм новоевропейской учености. Условием рождения такой личности становится возвращение к народным истокам, «признание народной правды и смирение перед нею» (VI, 102).

Итак, внутри дворянского рода действуют культурные силы двух направлений: стихийно-национальные, доцивилизационные, питающие умозрение и воображений, и европейские, связанные с гражданственностью, законностью, личностностью, но подчас сухо-рационалистичные. В Федоре Лаврецком, путем непрерывного самовоспитания и самостроительства, происходит органическое соединение лучших достижений европейской культуры и глубоких национальных корней.

ИСТОРИЯ

Третий тип сил, действие которых определяет судьбу дворянского рода, назовем историческими. Постоянные проекции истории рода Лаврецких на историю России были отмечены и проанализированы в работе В.М. Марковича. Так, согласно его вычислениям, Лаврецкий-прадед достиг вершины богатства и могущества примерно в 1762 году, то есть во время выхода манифеста о вольности дворянства. Мебель в гостиной дома Глафиры Петровны «живо напоминает екатерининские времена» (VI, 61). Федор Лаврецкий родился в 1807 г. – в год заключения Тильзитского мира.

Однако тургеневским героям неведомо пушкинское «самостояние в истории» – осознание своего места в истории и ответственности за нее. Род Лаврецких находится как бы на периферии исторического потока. Наиболее энергичные представители рода пользуются поворотами исторического сюжета в своих личных целях. Так, вольность дворянства в жизни Андрея Лаврецкого оборачивается принципом «что барин восхотел, то творил» (VI, 67). «Хлебосол и псовый охотник» Петр Андреевич спускает собранное отцом имение, живет интересами мелкопоместного дворянина. Только 1812 год заставляет его вспомнить о своей ответственности за Россию. Иван Петрович привозит из-за границы планы и проекты государственных преобразований, но 1825 год мгновенно лишает его всякой деятельной энергии: «Близкие знакомые и приятели Ивана Петровича подверглись тяжким испытаниям. Иван Петрович поспешил удалиться в деревню и заперся в своем доме. Прошел еще год, и Иван Петрович вдруг захилел, ослабел, опустился» (VI, 41).

Отчасти вопреки, а отчасти и благодаря своему роду находит достойное место в истории только Лаврецкий. Он принципиально отказывается служить: «Жена советовала ему вступить на службу; он, по старой отцов-

ской памяти, да и по своим понятиям, не хотел служить...» (VI, 49). Напомню, что действие романа разворачивается в середине сороковых годов, в эпоху царствования Николая I, когда дворянская оппозиция монархической власти уже вполне сформировалась. Свою ответственность перед русской историей Лаврецкий реализует иначе: он «возвращается в Россию», чтобы «пахать землю». Он действительно становится хорошим хозяином, устраивает быт своих крестьян, но историческую судьбу сословия это не меняет. В лирико-философском финале романа настойчиво звучит мысль о приходе нового поколения, которому уже не придется «отыскивать свою дорогу, бороться, падать, вставать среди мрака» (VI, 158). Лаврецкий покидает страницы романа со словами «догорай, бесполезная жизнь!», но дворянское гнездо наполняется новыми молодыми голосами, которые раздаются в саду «за зеленой сплошной стеной высоких лип» (VI, 158). Эта стена отделяет жизненный и исторический опыт Лаврецкого от путей молодого поколения. Но, с другой стороны, немаловажно, что эта новая жизнь зарождается внутри «дворянского гнезда», быть может, на вспаханной Лаврецким почве.

СУДЬБА

И наконец, последний тип сил, определяющих судьбу дворянства, мы назовем «мистическими». Здесь речь может идти об особых благословениях и проклятиях, действующих в роду Лаврецких. Андрей Лаврецкий, согласно семейному преданию, имел чудную ладанку «с Афонской горы», подаренную монахом со словами: «носи – и суда не бойся» (VI, 67). Он действительно прожил жизнь, старшего над собою не зная. Петр Лаврецкий едва не проклял своего сына за женитьбу на крестьянке. Это проклятие все же достигает Ивана, в виде внезапной слепоты: «неожиданное, новое бедствие обрушилось на голову Ивана Петровича: он ослеп, и ослеп безнадежно, в один день» (VI, 42). Глафира Петровна проклинает своего племянника за то, что он согнал ее с родового гнезда. Проклятие исполняется – Федор Лаврецкий доживает жизнь «бессемейным бобылем».

Благословения и проклятия воплощают в романе не личную волю Бога-Творца, а безличную силу рока. Появление Лаврецкого на страницах «Дворянского гнезда» маркировано фразой: «Лаврецкий не походил на жертву рока». Ироничное построение фразы не отменяет вводимой ею проблематики. Дворянский герой оказывается один на один с неизведанными силами рока, судьбы, обретающими особую власть над человеком в силу его принадлежности к роду.

Роман пестрит античными образами и ассоциациями, так или иначе подчеркивающими тему рока: ослепший отец Федора напоминает Эдипа,

сам Федор назван Алкидом (Гераклом), жена слуги Лаврецкого Антона имеет странное имя Апраксея, что переводится с греческого как бездействие, недеятельность. Детство Федора проходит в Васильевском, где он изо дня в день листает одну и ту же книгу в присутствии трех старых дев, которые «словно парки, молча и быстро шевелят спицами» (VI, 40). Добавим в этот ряд и классические образы карт и колеса Фортуны, символизирующие непредсказуемость, изменчивость судьбы. «Лаврецкий напился чаю из большой чашки; он еще с детства помнил эту чашку: игорные карты были изображены на ней...» (VI, 63); «... в руках почти держал возможность счастья на всю жизнь – оно вдруг исчезло; да ведь и в лотерее – повернись колесо еще немного, и бедняк, пожалуй, стал бы богачом» (VI, 136).

Старший Лаврецкий пытается оседлать судьбу, живет, не признавая и не зная над собой никакого суда. Но его дерзкий вызов мистическим силам оборачивается судом, который судьба вершит над его потомками. Его внук под ударами судьбы становится «совершенной тряпкой, плаксивым и капризным ребенком» (VI, 42).

Можно говорить о том, что внутри дворянского рода Лаврецких происходит наследование того или иного не только физического или душевного, но и духовного типа, определяющегося характером отношения героев к доставшейся им судьбе. Во внешности и характере одних Лаврецких подчеркивается «ястребиное», властное начало. Таковы Андрей Лаврецкий, его жена-цыганка, Глафира Петровна. Другие представители рода отличаются кротостью, смирением, тишиной. Таковы, в первую очередь, Анна Павловна и Маланья Сергеевна – мать Лаврецкого. Первые заставляют покориться себе, вторые покоряются сами. Отец Лаврецкого не может принять выпавшую ему судьбу, но не имеет силы и бороться с нею: «Он молился, роптал на судьбу, бранил себя, бранил политику, свою систему, бранил все, чем хвастался и кичился...» (VI, 42).

Федор Иванович «похож на мать» не только чертами лица, но и внутренним духовным складом, своей готовностью «прислушиваться к течению тихой жизни» и покориться ей (6, 64). Его называют в романе «смиреником», «тихоня» (VI, 122). Именно это смиренное вслушивание в себя и в мир позволяет герою вырасти в полноту своего человеческого возраста, преодолеть разрушительное наследие инерции зла, действующей внутри рода.

Но есть в романе один момент, когда герой взыскует властной силы своего прадеда – известие о возвращении жены и крах надежды на счастье с Лизой. «Лаврецкий не мог сидеть в гостинной: ему так и чудилось, что прадед Андрей презрительно глядит с полотна на хилого своего потомка. “Эх ты! Мелко плаваешь!” – казалось, говорили его набок скрученные губы. “Неужели же, – думал он, – я не слажу с собою, поддамся этому...”

вздору?»» (VI, 136). Знаменательно слово «вздор», которое Тургенев вкладывает в уста своего героя. Оно призвано вызвать в сознании читателей предсмертную фразу Пушкина: «смешно, чтобы этот вздор меня пересилил». Таким образом, безропотное принятие судьбы, доли, доставшейся человеку в результате безличной жеребьевки, – доминанта античной культуры – в судьбе Лаврецкого оплодотворяется личностным началом, наследием христианства. Активность Лаврецкого направлена не на насилие над судьбой, над жизнью, а на внутреннее делание, на сохранение своей человеческой целостности.

Итак, какие же из обозначенных нами сил, действующих внутри дворянского рода, являются центробежными, разрушительными, а какие центростремительными, собирающими? Нам представляется, что ответ Тургенева на этот вопрос не был бы однозначным. На примере Лаврецкого мы могли убедиться, что творческая энергия позволяет последнему представителю дворянского рода победить или преобразить темное природное начало, принести неповторимые культурные плоды, укорениться в истории и даже вырасти от столкновения с силами судьбы. Но является ли появление такой личности закономерным следствием развития дворянского рода или это, скорее, случайная аномалия? Будут ли восприняты опыт и жертва Лаврецкого и Лизы новым поколением? Какие силы – центростремительные или центробежные – возобладают внутри дворянского рода и русской истории? Финал «Дворянского гнезда» дает надежду. Вместо родовых проклятий наконец-то звучат благословения. Лаврецкий думает, глядя на не замечающую его молодежь: «Играйте, веселитесь, растите, молодые силы <...> и благословение нашего брата, старика, будет с вами» (VI, 158). Силы противостояния и зла побеждаются силами прощения и любви. Но последующие романы Тургенева, как и последующее движение русской истории, надежд этих не оправдали.

Тема рода и семьи в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина

«Мысль семейная» всегда имела особое значение для отечественных писателей-реалистов. В книге «О мировом значении русской литературы» Н.Я. Берковский писал, что в младших, простейших формах единения людей в семье и общине наши художники черпали понимание закономерностей коллективной жизни: «отношение к “ближайшему“ по семье и роду prepares отношение к “ближнему“ по большому миру нации»¹. В творчестве Достоевского, Толстого, Салтыкова-Щедрина, других авторов ярко отразилась историческая, культурная, этическая важность семейно-родовой проблематики. Художники мучительно искали ответа на вопрос, как будет преодолен кризис русской семьи, насколько возможно серьезное обновление этого института, от которого во многом зависит будущее страны и общества.

Немало произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина посвящено семье, целому роду – от ранней повести «Противоречия» (1847), созданной в рамках «натуральной школы», до романа «Господа Головлевы» (1880) и хроники «Пошехонская старина» (1887–1889), в которых она разворачивается в эпическом масштабе. Подход к этой теме просветителя, социального моралиста Салтыкова-Щедрина обусловлен скептическим и остро критическим взглядом писателя на общество и человека. В силу особенностей своего таланта он исключительно ярко выражал социальный трагизм семейных коллизий. Сатирик сумел показать самые отрицательные, темные стороны семейного союза в том его виде, в каком он существовал в России XIX в., неразрешимость проблемы «личность-семья-общество». Такая направленность творчества отнюдь не свидетельствует о его ограниченности. Художник поднимает, исследует огромный пласт бытия. Нарисованные им картины разрушения родовых связей, кризиса института семьи имеют конкретно-историческое и общечеловеческое значение.

Н.К. Михайловский в книге «Литературные воспоминания и современная смута» выразительно охарактеризовал отношение писателя к родственным связям, потомству: «Для него нет драмы страшнее разлада между отцами и детьми, нет стимула пробуждения чести и совести сильнее родительской и сыновней любви. Согласно общей своей литературной

---

*И.Б. Павлова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН

¹ Берковский Н.Я. О мировом значении русской литературы. Л., 1975. С. 44.

физиономии, в которой сочеталась могучая непосредственность, с одной стороны, и сила неусыпного бодрствующего сознания – с другой, Салтыков обобщал личное чувство кровной связи с своими детьми до обширных горизонтов “веры в будущее”, преемственной связи с потомством вообще. Конечно, у этой несокрушимой веры в будущее были и другие корни, и, прежде всего, энергичная, деятельная натура самого сатирика, черпавшая в своей собственной силе уверенность в достижимости своих идеалов. Но, несомненно, что дети, не только свои, кровно родные, а и чужие, дети вообще занимали во всем мирозерцании Салтыкова исключительно видное место, которое оправдывалось для него и непосредственным чувством отца, и высшими теоретическими соображениями². Племянница сатирика О.И. Зубова сделала следующее наблюдение по поводу чувств Салтыкова-Щедрина к потомкам: «Мих. Евгр. умер еще до рождения внуков, и ни тот, ни другой не видали своего знаменитого деда, который несомненно и на них перенес бы ту же сознательную, бдительную любовь, какую он проявлял в отношении собственных детей»³. Мемуаристка передала сущность понимания художником кровных уз. Во второй главе «Дневника провинциала в Петербурге» сатирик оптимистично писал о будущих поколениях: «Да, мы лучше наших пращуров. Но лучше не сами по себе, а потому, что мы отцы детей наших, которые, несомненно, будут лучше и наших пращуров, и нас»⁴.

Тема рода и семьи была завещана русским писателям Пушкиным, который обращался к ней в произведениях разных жанров (стихотворных; прозаических – «Арап Петра Великого», «Роман в письмах», замысел «Русский Пелам»; драматических – «маленькая трагедия» «Скупой рыцарь») и передал для освоения следующим поколениям художников слова. Салтыков-Щедрин впитал отечественную идейно-художественную традицию и внес свой вклад в ее развитие. Избегая прямых аналогий, отметим, что Салтыков-Щедрин, как и Пушкин, столь же высоко чтит идею «своего Дома» – этой святой святых личности, о которой он писал: «Семья – это “дом“, это центр жизнедеятельности человека, это последнее убежище, в которое он обязательно возвращается, куда бы ни призывали его профессия и долг. Далее этого убежища ему некуда идти» (XIV, 340). Семью писатель считал «завещанным преданием связующим элементом» (XIV, 340). С этих позиций художник-сатирик исследовал состояние института семьи,

---

² Михайловский Н.К. Литературные воспоминания и современная смута. СПб., 1900. Т. I. С. 86–87

³ ГЛМ. Отдел рукописей. Ф. 327. Оп. 1. № 44. Л. 11.

⁴ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. X. М., 1970. С. 298. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием в скобках тома и страницы.

его влияние на формирование человека-гражданина, судьбы дворянских родов в России второй половины XIX в.

При разработке названной темы для писателя имели очень важное значение личные переживания, воспоминания детства и юности, о которых дают обширные сведения материалы семейного архива Салтыковых, эпистолярное наследие художника, его близких, мемуары современников. В автобиографическом письме С.А. Венгеру от 20 апреля 1887 г. он писал: «Род мой старинный, но историей его я никогда не занимался» (XVII, 471). Без сомнения, писатель имел представление о своих корнях. Его отец Евграф Васильевич уделял много внимания генеалогическим изысканиям: в 1804 г. по его заказу было изготовлено панно с изображением генеалогического древа их рода, где, впрочем, блестящая история Салтыковых не вполне соответствовала действительности. Об атмосфере, царившей в доме господ Салтыковых, во многом можно судить по хронике «Пошехонская старина». Как известно, родители сатирика являли полную противоположность друг другу. Их разделяла двадцатипятилетняя разница в возрасте. Мать, Ольга Михайловна, происходила из купеческой среды, вышла замуж шестнадцати лет. Она не получила почти никакого образования, но отличалась природным умом, незаурядной деловой хваткой, нрав имела тяжелый, импульсивный, деспотичный. Отец был человеком довольно развитым для своего времени и сословия, но инертным, не отличавшимся твердостью характера. Отношения между супругами, родителями и детьми были далеко не идиллическими. По словам С.А. Юрьева, знавшего писателя с детских лет, Салтыков «жестoko осуждал своих родителей и свое детство, которое считал глубоко ненормальным и даже безнравственным». В его бумагах существует высказывание, внесенное, очевидно, в конце 1887 г., после появления в печати первых глав «Пошехонской старины»: «Салтыков безжалостен к своему грустному детству, и это отчасти справедливо: оно рано отравило желчью и ненавистью его духовный организм и навсегда оставило печальную складку в его характере»⁵. Л.Н. Спасская в очерке «<М.Е. Салтыков и его вятские друзья Ионины>» вспоминала о шокирующих окружающих высказываниях Салтыкова, касающихся близких, объясняя это прежде всего влиянием домашней обстановки: «Отец мой, человек чрезвычайно мягкого характера, всегда до глубины души возмущался, когда Михаил Евграфович говорил о своих родителях. Со дня рождения

---

⁵ Обе записки С.А. Юрьева приводятся С.А. Макашиным со ссылкой на ГИМ (Москва) в кн.: М.Е. Салтыков-Щедрин. Биография. I. М., 1949. С. 43, 432, а также в кн.: М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2 тт. Т. I. М., 1975. С. 342. В 1946 г. архив С.А. Юрьева был передан в РГАЛИ (ЦГАЛИ). В фонде 636 (С.А. Юрьев) эти записки нами не обнаружены.

наслушавшись циничных разговоров о родных, Михаил Евграфович был чрезвычайно неводержан и неразборчив в словах и выражениях ...»⁶.

Друг сатирика доктор Н.А. Белоголовый писал о Салтыковых, невольно утрируя неблагоприятную сторону: «Семья была дикая и нравная, отношения между членами ее отличались какой-то зверской жестокостью, чуждой всяких теплых родственных сторон; об этих отношениях можно судить отчасти по повести “Семейство Головлевых”, где Салтыков воспроизвел некоторые типы своих родственников и их взаимную вражду и ссоры, – но только отчасти, потому что, по словам автора, он почерпнул из действительности только типы, в развитии же фабулы рассказа и судьбы действующих лиц допустил много вымысла. Отец был человек смиренный и находился совсем под башмаком жены, которая была и умнее и отличалась чрезвычайно властным характером; она же заведовала и всем сельским хозяйством и значительно увеличила фамильную собственность, прикупив несколько имений»⁷.

Однако утверждать, что любовь к потомству, заботы о нем были чужды родителям сатирика, было бы неверно. Просто их характеры сложились под влиянием понятий, требовавших безоговорочной покорности сыновей и дочерей, уважения авторитета и воли старших, что на деле оборачивалось деспотическим произволом, насаждением фаворитизма среди детей. Так случилось и в семье Салтыковых. Это нашло яркое отражение в их переписке. В дальнейшем писатель использовал некоторые высказывания, стиль, лексику писем Ольги Михайловны и Евграфа Васильевича при создании образов Арины Петровны Головлевой, Иудушки, Анны Павловны Затрапезной и ее супруга. Очень выразительны письма Е.В. Салтыкова к одному из сыновей, Николаю (1821–1856), способному, но безалаберному, незадачливому человеку, который послужил прототипом Степки-балбеса в романе «Господа Головлевы». Например, письмо, датированное 27 октября 1840 г., представляет собой выговор отца за какое-то неудовольствие на Ольгу Михайловну, связанное с имущественными вопросами: «На пустые твои жалобы о суждениях с твоею матерью, о наградах детей ее ты не имеешь никакого резону ни в какое суждение входить, а должен молчать и предоставлять в волю матери все ее суждения что она хочет, то и говорит, так и относится о себе, мне и детях, не твое дело ни во что входить по сей части, а должно молчать, а если ты видишь от нее обиды, ненависть и пре-

---

⁶ М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: Т. I. С. 73.

⁷ Там же. Т. II. С. 264.

зрение то и тогда обязан великодушно и безропотно все сносить, и скромным молчанием и поведением своим заслуживать ее внимание и любовь»⁸.

Поскольку главенствующее положение в семье принадлежало матери, то для Салтыкова приобрели особое значение отношения с ней. Как вспоминала О.И. Зубова: «Властная женщина была бабушка моя, Ольга Михайловна Салтыкова, мать знаменитого нашего сатирика Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина. Да, властная, подчас даже грозная! Женщина недюжинного ума, министр в юбке, как охарактеризовал ее один сосед, она долгие годы держала в повиновении и мужа, и детей, и даже весь наш уезд. К ней прибегали за советом и помощью в делах общественных и семейных, и везде она безапелляционно вершила суд и расправу»⁹. О.И. Зубова отмечала, что «из сыновей бабушка сначала боготворила Михаила за его ум и способности и гордилась им ужасно...»¹⁰. В письме от 14 августа 1850 г., адресованном старшему сыну Дмитрию Евграфовичу и его жене, мать эмоционально пишет о бескорыстных родственных чувствах Михаила: «О Михайле и говорить нечего. Я получила от него письмо, который своими благородными поступками меня так тронул, что я, читая его письмо, рыдала. Он любит меня, как может только любить добрый сын. Он без всякого возмездия готов уступить тебе после отца часть, полагаясь совершенно на меня, отдаваясь в полную мою волю. Я это письмо повезу отцу, с коим прочитав, пришлю тебе копию, и отец обо всем сам тебе напишет. Я знаю, что его глубоко тронет письмо Михайлы, какие у него христианские чувства к братьям. И я знаю, что тебя оно тронет» (XVIII-2, 303).

Но по мере того, как Салтыков мужал, он начинал противодействовать семейному деспотизму, стремился освободиться от «фаталистических связей крови», что привело к осложнению отношений с близкими, в первую очередь с Ольгой Михайловной, от которой он унаследовал резкость, вспыльчивость, суровость. Так, в письме к Д.Е. Салтыкову от 14 октября 1850 г. Михаил Евграфович удивляется решению матери сосватать ему дочь богатых помещиков Стромилых, и заранее отказывается «от всех Стромилых и комп.» (XVIII-I, 66). Драматизм положения Салтыкова усугублялся его долго сохранявшейся материальной зависимостью от семьи. Резкое неудовольствие вызвало у матери решение сына жениться на бесприданнице. Она круто изменила свои чувства к Михаилу, отторгавшемуся

---

⁸ РО ИРЛИ. Ф. 366. Оп. II. № 60. Лл. 3, 3 об., с сохранением пунктуации подлинника.

⁹ ГЛМ. Отдел рукописей. Ф. 327. Оп. 1. № 45. Л. 11 об.

¹⁰ Там же. Л. 13 об.

от родного «Пошехонья», избравшему свой жизненный путь, и даже называла его в письмах родным «волком, алчущим порвать узы родства»¹¹.

В статье С. Ковалевской о Салтыкове-Щедрине, написанной в Париже в июне 1889 г. (пер. с франц.) сопоставляются семейная ситуация Салтыкова-Щедрина и Тургенева и личности матерей этих писателей: «Часто думают, что именно от матерей сыновья наследуют свои интеллектуальные и моральные качества – большинство знаменитых людей имело замечательных матерей. Участь Салтыкова в этом отношении почти такова же, как и участь Тургенева. Оба имели матерей, принадлежавших к типу сильных женщин, и оба сильно страдали в детстве от материнского деспотизма, о котором они сохранили злобное воспоминание на всю жизнь и запечатлели его в своих произведениях. Тем не менее мать Тургенева, как ни была она настойчива, фантастична, требовательна, как ни привыкла заставлять всех преклоняться перед ее волей, все же отличалась прекрасными манерами, известной утонченностью и оставалась аристократкой, несмотря на все.

Что же касается матери Салтыкова, то она была так называемая «бой-баба», женщина очень одаренная, обладавшая исключительным практическим умом, но совершенно лишенная моральных качеств. Очень богатая, она доводила свою бережливость до степени гнусной скупости, создала тяжелую жизнь для своего мужа, детей и крепостных, изгнала из своего быта всякие признаки комфорта и благосостояния и упростила свое существование до степени единственного главного занятия – возможно большего накопления»¹².

Нигилистка шестидесятых годов Е.И. Жуковская вспоминала: «При покупке одного какого-то имения он признался у матери под заемное письмо тридцать-тридцать пять тысяч, а затем несколько времени спустя, увлекшись, описал ее в одном из своих фельетонов в виде помещицы, наготовившей приданое своим дочерям. Рассердившись на какую-нибудь из них, она перекладывала из сундука провинившейся в сундуки других дочерей. Мать рассердилась за это на него и предъявила на него взыскание самым неожиданным для него образом. Он собирался в свое подмосковное имение, отправил уже туда жену, рассчитывая выехать на другой день сам, так как задержался в Петербурге по случаю каких-то недоконченных дел, как вдруг к нему явился полицейский пристав и взял с него расписку о невыезде из Петербурга вследствие подачи взыскания с него матерью вышеупомянутых денег»¹³. При всем нерасположении Жуковской к Салтыкову-Щедрину здесь довольно точно воспроизведен тот эпизод из его жизни, когда Ольга

---

¹¹ Макашин С. Салтыков-Щедрин. Биография. I. С. 60.

¹² РГАЛИ. Ф. 445. Оп. 3. Ед. хр. 11. Лл. 102, 103.

¹³ М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. Т. I. С. 219–220.

Михайловна предъявила ко взысканию заемные письма сына на крупную сумму, взятую им в долг при покупке в 1862 г. подмосковного имения Витенёва, которую он обязался возвращать ежегодными взносами. Фельетон, упоминающийся мемуаристкой, по-видимому, рассказ «Семейное счастье» из незавершенного цикла «Как кому угодно», опубликованного в «Современнике» в 1863 г., потом вошедший в «Благонамеренные речи».

О трудных отношениях матери и слишком похожего на нее взрослого сына, осложненных материальными проблемами, рассказывает в своих воспоминаниях «Из семейной хроники Салтыковых. (70–90 гг.). Типы старых слуг, Тимофей Васильевич» О.И. Зубова: «Ольга Михайловна только что проснулась после своего обычного послеобеденного сна и проснулась в довольно тревожном состоянии духа. Этот послеобеденный сон всегда вызывает в ней беспокойные и назойливые мысли. Вот и сегодня вечером приезжает ведь из Петербурга сын Михаил, ее любимец когда-то; предстоят разговоры с ним, разговоры не особенно приятного свойства. Придется говорить о деньгах, и эта почва весьма опасная, как для матери, так и для сына, весьма опасная для их родственных отношений. В такие минуты забывается все, и любовь матери и почтительность сына. Самые жестокие обвинения, самые безобразные упреки градом сыплются с обеих сторон. Вспоминаются давнишние обиды, несправедливости и проступки, которые казались уже давно преданными забвению. Всплывают подробности совершенно неожиданные, иной раз просто вымышленные. Спор разгорается все сильнее и сильнее, принимает, наконец, характер самой грубой ссоры»¹⁴.

В.А. Оболенский в заметках «М.Е. Салтыков в своей семье. (Воспоминания случайного знакомого)» сохранил такие впечатления от бесед с писателем: «Общий тон его рассказов был мрачный и угрюмый. Бесконечно мрачны были его воспоминания о своем детстве, о семье и особенно о матери, которую он так ярко изобразил в госпоже Головлевой. “Я до сих пор ненавижу эту ужасную женщину”, – как-то сказал он про свою мать»¹⁵.

Письмо Ольги Михайловны, адресованное сыну Дмитрию 4 января 1868 г., когда отношения между ней и Михаилом осложнились, свидетельствует, что не только отцу писателя было свойственно ханжество: «Дай Бог, я всем моим детям от души желаю одинаковое счастье и благополучие, даже и Михаилу Евграфовичу, не смотря на его оскорбления меня, кроме добра ничего не желаю, и суждения и осуждения меня предоставляю на волю всякого, лишь бы у меня на душе не было ничего нехорошего, не боюсь и не обижаюсь, если свои или чужие в чем меня осуждают. Было

---

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 445. Оп. 3. Ед. хр. 8. Лл. 2, 2 об.

¹⁵ М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. Т. II. С. 291.

бы сердце мое чисто, в котором Господь созидает Свой Храм, я об этом Его только прошу и молюсь, всякой осуждающий сам себя осуждает»¹⁶.

Пока Салтыков был молод, формальная сторона отношений с родными была внешне благополучной. Но вопросам собственности суждено было глубоко омрачить их. Много зла причинил писателю старший брат Дмитрий, сыгравший некрасивую роль в деле о заозерском наследстве, вредивший ему во мнении матери. В письмах, относящихся к 1873 г., Салтыков-Щедрин просит Ольгу Михайловну повлиять на брата, запутывающего с корыстными целями вопрос наследования, обращается к ее авторитету. 9 марта 1873 г. он с сердцем пишет: «Это мой злой демон, который отдельным актом расстроил меня со всем семейством» (XVIII-2, 137), вспоминая поведение Дмитрия Евграфовича во время раздела в 1859 г. Ольгой Михайловной между сыновьями еще не разделенных частей салтыковской родовой вотчины и своих благоприобретенных земель, когда Михаил Евграфович получил меньшие по размерам и менее доходные части владений. Письмо к матери от 22 апреля 1873 г. свидетельствует, что терпение Салтыкова-Щедрина истошилось: «Видеться с ним значит подливать в огонь масла, потому что этот человек не может говорить резонно, а руководится только одною наклонностью к кляузам. Всякое дело, которое можно было бы в двух словах разрешить, он как бы нарочно старается расплодить до бесконечности. Я положительно слишком болезнен, чтоб выносить это. Не один я – все знают, что связываться с ним несносно, и все избегают его. <...> Ужели, наконец, не противно это лицемерие, эта вечная маска, надевши которую этот человек одною рукою Богу молится, а другою делает всякие кляузы?» (XVIII-2, 144). По его собственному признанию, сатирик позаимствовал у Дмитрия Евграфовича немало психологических черт при создании образа Иудушки Головлева. В одном из писем А.М. Унковскому, от 1/13 ноября 1875 г., Салтыков-Щедрин называл брата «негодяем» и писал: «Это я его в конце Иудушки изобразил» (XVIII-2, 353). С.А. Макашин разъясняет, что слова о «конце Иудушки» относятся к завершению первой, либо второй главы («Семейный суд» или «По-родственному»), то есть к Порфирию Головлеву, еще не затронутому предсмертным катарсисом¹⁷.

На основе печального жизненного опыта у Салтыкова-Щедрин сложилось невысокое мнение о нравственных принципах своих близких и родилось недоверие к ним. В письме к А.Л. Боровиковскому от 4 мая 1883 г. он высказался резко и лаконично: «Я хожу точно во сне и каждоминутно

---

¹⁶ РО ИРЛИ. Ф. 366. Оп. 9. № 114. Л. 31 об., с сохранением орфографии и пунктуации подлинника.

¹⁷ Макашин С. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. Биография. М., 1989. С. 221.

опасаюсь за детей. Да и об себе подумываю, потому что так у меня погано жизнь устроилась, что умри я и жена – детей хоть на улицу выгоняй. Родные или воры (мои) или полоумные (женины), а знакомые только умеют себя по голым ляжкам ладонями хлопать» (XIX-2, 198).

Однако отношения с матерью, несмотря на их напряженность в определенные периоды, тем не менее никогда не порывались, а в последние годы ее жизни приняли совершенно мирный характер; к Дмитрию Евграфовичу Ольга Михайловна напротив охладела.

В драматической ситуации оказался Салтыков-Щедрин и когда создал собственное гнездо. Причины этого заключались в огромной разнице развитий, внутреннего склада писателя и Елизаветы Аполлоновны, которые постепенно привели их к полному отчуждению, создали атмосферу перманентной конфликтности в семье, плохо влияли на контакты с детьми. Лишь спустя несколько лет после женитьбы Салтыков-Щедрин разглядел в своей спутнице жизни черты «куколки». (О поверхностности, безнатурности Елизаветы Аполлоновны предупреждала его незадолго до заключения брака мать, которой нельзя было отказать в проницательности. В письме к Д.Е. Салтыкову от 30 мая 1856 г. она выражала сожаление, что Михаил позволяет играть собой невесте и ее родителям, которых по всем выходкам их перед свадьбой она считает людьми бесхарактерными и невнимательными, не деликатными к семейству, в родство с которым входят. «Мне больно будет, что Миша ошибается. Я почитаю ее девочкой ветреной, избалованной и капризной»¹⁸).

Полный крах потерпели просветительские попытки Салтыкова-Щедрина развить ее, поднять до уровня своих духовных интересов.

Немало горьких минут доставили ему дети. Сатирик стал отцом в зрелые годы, был сверх меры занят литературным трудом, поэтому все воспитание осуществлялось Елизаветой Аполлоновной, идеал которой был примитивен и сводился к «светскости». «Несчастливы будут мои дети, – обращался писатель к Г.З. Елисееву, – никакой поэзии в сердцах, никаких радужных воспоминаний, никаких сладких слез; ничего, кроме балаганов» (XX, 164). Салтыкову-Щедрину крайне тяжело было наблюдать, что из дочери формируется такая же «куколка», как и мать, очень тревожили его настроения сына Константина. С горестным изумлением писал он Н.А. Белоголовому: «Что такое случилось со мной, – не знаю, но нечто в высшей мере ужасное. Главное: дети измучили. Такие афоризмы Константин уже выработал, что слушать страшно. Еще шесть лет учиться предстоит, а он о карьере и о протекции говорит» (XX, 438–439).

---

¹⁸ РО ИРЛИ. Ф. 366. Оп. 9. № 137. Цитируется также С.А. Макашиным в кн.: Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860-х годов. Биография. М., 1972. С. 76.

Ситуация осложнялась тем, что одновременно с острой враждебностью, даже презрением к Елизавете Аполлоновне Салтыков-Щедрин был привязан к ней великой силой привычки. Справедливость требует отметить, что быть женой писателя, переносить его взрывной характер, болезненные вспышки раздражительности, участившиеся в последние годы жизни, было совсем нелегко, особенно для заурядной женщины. Мемуаристы проявляли единодушие в оценке брака Салтыкова-Щедрина. Так, анализируя отношения писателя к Елизавете Аполлоновне, В.А. Оболенский отмечал: «И тем не менее у меня сложилось впечатление, что он глубоко был привязан к этой женщине, которая каждым словом, каждым жестом раздражала его и которую он так грубо и безжалостно унижал, не стесняясь присутствием посторонних»¹⁹. Сын адвоката А.М. Унковского М.А. Унковский на основе личных впечатлений и рассказов отца делал такой вывод: «Несомненно, что Михаил Евграфович женился на Елизавете Аполлоновне не иначе как по горячему увлечению. Иначе и быть не могло, если судить по тому обстоятельству, что Михаил Евграфович в бытность свою женихом не затруднился написать специально для своей будущей жены целый курс истории России. Такой большой труд мог взять на себя только человек, горячо полюбивший свою очень юную тогда невесту и задавший целью серьезно заняться расширением ее умственного кругозора. <...> Для всех друзей Салтыкова было очевидно глубокое расхождение в склонностях и интересах мужа, жившего в сфере широких общественных вопросов, и стремлениях жены, все помыслы которой вращались исключительно вокруг различного рода источников развлечения и средств повышения ее красоты и внешней обаятельности. Такое глубокое расхождение не могло не приводить к повседневному домашнему расколу. Но, ежедневно раздражаясь каждым шагом и словом жены, Салтыков в то же время не мог прожить без нее даже двух-трех дней, не начав испытывать грызущую по ней тоску»²⁰.

Старый друг сатирика Н.А. Белоголовый рассказывал в письме П.Л. Лаврову от 21 (или 26) августа 1886 г.: «С Салтыковым моя переписка возобновилась; по рассказам Лихачёвых раздражительность его дошла до крайних пределов и домашний очаг его представляет подобие настоящего ада; знакомые и друзья, наталкиваясь на постоянные, тяжелые сцены, видимо начинают обегать бедного полупомешанного старика; ужасно его жаль, а помочь нечем»²¹. Доктор С.П. Боткин, постоянно навещавший Салтыкова-Щедрина во время его последней болезни, писал Н.А. Белоголо-

---

¹⁹ М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. Т. II. С. 293.

²⁰ Там же. С. 319–320.

²¹ ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Ед. хр. 34. Л. 74 об.

му 26 декабря 1885 г.: «Обстановка его жизни ужасна; жена нравственный урод, дети, как дикие звери, без всякого воспитания, в особенности Костя. Друзья – их в сущности нет. <...> Да что бы могли сделать друзья в таком сложном деле, как семейные отношения, складывавшиеся в течение 30 лет. По временам М.Е. ненавидит, презирает свою сожительницу, по временам же он ее любит какою-то особенною любовью и в конце концов делает все так, как она скажет. Предпринять что-нибудь энергичное при таком положении дел, например расстаться – невозможно, он не вынесет одного дня. Мне кажется, что жизнь с такой особой, как Ел. А. была физиологической потребностью характера М. Е., который по-видимому нуждался приходить в особое нервное возбуждение сожительством с таким нравственным безобразием»²².

Страдания от болезни, «оброшенность» не раз заставляли писателя в конце жизни думать о самоубийстве, желать скорейшей смерти. Еще в 1883 г. Салтыков-Щедрин писал 5 июля Г.З. Елисееву, что для детей возможно лучше, если он умрет: «не будет двоегласия» (XIX-2, 216).

На полях одного из листов рукописи «Пошехонской старины» есть замечание личного характера: «Ад семейной жизни». Такой конечный вывод сатирика был тем более печален, что он придавал семейному началу важнейшее значение. Жестокая ирония судьбы заставляла этого человека с развитым чувством долга, который был предназначен к роли *pater familias*, сделать страшную запись, найденную в бумагах писателя, но потом утерянную: «Брак – вот язва и ужас современной жизни, и ежели я ропщу на свою болезнь, то единственно потому, что она не дает мне работать и изобразить во всех подробностях эту язву, которой я испытал все стадии. Брак – это погибель и людей и детей, и только одну пользу может принести – это познакомить человека с высшим мучительством, какое возможно испытать. Все болезни, все раздражения, все неудачи, все глупости, все измены и пошлости – все оттуда. Ежели я слажу когда-нибудь с собой, то напишу картину, перед которой побледнеют все атласы с изображением венерических болезней»²³.

Тема рода и семьи присутствует в ряде художественно-публицистических циклов писателя-сатирика, разрабатывается им в жанре рассказа, литературной сказки. С XVIII в. в отечественной литературе начинает складываться и к середине следующего столетия вполне оформляется жанр семейной хроники и занимает в ней заметное место. Исследователь А.М. Грачева отмечала, что основное идейное содержание этих произ-

---

²² НИОР РГБ (ОР РГБ). Ф. 22 (Н.А. Белоголовый). П. 5. Ед. хр. 16-18. Л. 16.

²³ Запись приведена В.И. Семевским в примечаниях к его статье «Петрашевы. Кружок Кашкиных» // Голос минувшего, 1906. Т. IV. С. 187.

ведений «показ соотношения человека как части целого (семьи, рода) и истории»²⁴. Обычно в конце выясняется, что «истоки настоящего (судьбы “внуков”) коренятся и закономерно обусловлены прошлым (делами “отцов” и “дедов”). При этом за судьбой рода, семьи видится судьба целого класса русского общества»²⁵. Начиная с произведения Аксакова, ведущей темой хроник становится тема родины, не только как места рождения героев, но и как Родины-России. Другой важный момент в них – отражение процесса родового упадка. У Аксакова он только намечен, но уже в «Захудалом роде» все внимание Лескова сосредоточено на оскудении князей Протозановых.

В том же русле двигался и Салтыков-Щедрин, который внес свою лепту в разработку жанра семейной хроники: это последнее крупное создание писателя «Пошехонская старина», «Господа Головлевы», которые нередко называют романом-хроникой. И.П. Видуэцкая писала, что Салтыкова-Щедрина, как и Лескова, всегда влекла «злоба дня», поэтому в хрониках «воскрешающих жизнь отошедшей поры, их привлекало не прошлое само по себе, а его неразрывная связь с настоящим»²⁶. В уста героя-рассказчика из «Пошехонской старины» автор вкладывает такие слова: «...хотя старая злоба дня и исчезла, но некоторые признаки убеждают, что, издыхая, она отравила своим ядом новую злобу дня и что, несмотря на изменившиеся формы общественных отношений, сущность их остается нетронутой» (XVII, 9). Принципиальной особенностью «Пошехонской старины» является активное публицистическое начало, которое нашло свое проявление в авторских отступлениях, неотделимо от идейной позиции писателя. Внимание художника-сатирика сосредоточено на угасании поместного дворянства, стремительно нарастающем взаимном отчуждении членов одного рода, на дегуманизации жизни в целом. Негативное освещение получают изображения семейного быта и нравов, детства, мрачны образы дома, «гнезда», в его творчестве происходит депоэтизация природы, пространства, окружающего усадьбу. Особенно тягостное впечатление производит изображение дворянско-помещичьей жизни в «Господах Головлевых». «Пошехонская старина» открывается вступлением, своеобразным зачином, обычным для жанра семейной хроники, «Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина», в котором герой делает краткий экскурс в историю своего

---

²⁴ Грачева А.М. «Семейные хроники» начала XX века // Русская литература, 1982, № 1. С. 65.

²⁵ Там же.

²⁶ Видуэцкая И.П. «Пошехонская старина» в ряду семейных хроник русской литературы // Салтыков-Щедрин. 1826-1976. Статьи. Материалы. Библиография. Л., 1976. С. 212.

рода. Типичный поместный дворянин, он не может похвастаться славными делами и блеском предшествующих поколений, но с легкой иронией подчеркивает такие их добродетели, как осторожность и законопослушность: «Но предки мои были люди смиренные и уклончивые. В пограничных городах и крепостях не сидели, побед и одолений не одерживали, кресты целовали по чистой совести, кому прикажут, беспрекословно. Вообще, не покрыли себя ни славою, ни позором. Но зато ни один из них не был бит кнутом, ни одному не выщипали по волоску бороды, не урезали языка и не вырвали ноздрей» (XVII, 7).

В 1870-е–1880-е гг. тема рода и семьи все более выдвигается вперед в творчестве Салтыкова-Щедрина, членится и развивается в разных направлениях. В ее трактовке явственно звучат ноты скептицизма и драматизма. Достижима ли гармония в обществе и человеческих отношениях? Этот вопрос с исключительной остротой поставлен в автобиографичной во многом сказке-элегии «Приключение с Крамольниковым» (1886). Произведение отражает кризис просветительских взглядов автора, мучительные переживания личности, ищущей реальных путей преодоления социально-исторических противоречий. «Что такое семья? Как устроиться с семейным началом? Как сделать, чтобы оно не было для человека египетской язвой, не тянуло его во все стороны, не мешало быть гражданином?» (XVI-1, 205). Эти слова Крамольникова исполнены глубочайшей горести. В семье реализуется естественная жажда жизни человека, но общественное устройство превращает ее в позорное и жестокое иго. «Неужто в этом загадочном мире только то естественно, что идет вразрез с самыми заветными и дорогими стремлениями души?» (XVI-1, 204). Осуществимы ли надежды на счастье и свободу, с болью вопрошает герой элегии. В сказке «Приключение с Крамольниковым», имеющей прямое отношение к личному опыту сатирика, семейные «запутанные дела», «противоречия» – отражение глубокого конфликта эпохи, столь верящей в разум, рациональное начало. В.И. Танеев разгадал важную причину возраставшего раздражения Салтыкова-Щедрина Елизаветой Аполлоновной: «Она была вовсе не глупее других женщин своего круга, которые охотно поддерживали ее репутацию глупой женщины, завидуя ее красоте. Но Салтыков никогда не мог простить ей неудачи своих педагогических усилий, на нее направленных, которым он с такими надеждами предавался в пору жениховства и первых лет брака»²⁷.

В своих произведениях сатирик изобразил немало домашних драм, неприглядных взаимоотношений. Прежде всего это касается романа-хроники «Господа Головлевы», «Пошехонской старины». Когда при заключении брака основополагающими становятся практические соображения, расчет,

---

²⁷ РГАЛИ. Ф. 880. Ед хр. 4394/158. Листы не нумерованы.

супружеский союз превращается в своеобразный контракт. В такой ситуации люди начинают смотреть на свое сожителство фаталистически, утрачивают ощущение его неестественности. Характерной чертой их совместной жизни становится пошлость, сознание личности искажается, развиваются дурные задатки и подавляются добрые. То же самое относится и к бракам, в которых муж и жена глубоко внутренне чужды друг другу. В главе «Валентин Бурмакин» из хроники «Пошехонская старина» Салтыков-Щедрин описывает, как идеалисты сороковых годов терпят постыдное поражение в личном плане. Оторванность от действительности, неумение и нежелание хотеть и добиваться, руссоистские иллюзии, наивные представления о человеческой натуре не только не помогают им достигать примирения всех противоречий, но не позволяют даже сохранить банальную семью, делают посмешищем в глазах обывателей.

Рисуя в «Господах Головлевых», «Пошехонской старине» распад патриархальной семьи, Салтыков-Щедрин показывает деградацию мужского-отцовского начала и женского-материнского. Первое предстает измельчавшим, дряблым, пассивным, собственно утратившим свою сексуальную сущность. Мужья и отцы в этих произведениях напоминают старух. И если далеки друг от друга, на первый взгляд, супруг Арины Петровны, буффон, пакостник, пустомеля, и Василий Порфирыч Затрапезный, весь ушедший в мелочное благочестие, но как главы семейств они не существуют, выродились, несмотря на наличие потомства. Зато женское-материнское грубо выдвигается на передний план и властвует, присвоив себе функции мужского-отцовского, подавив его и унизив. Сатирик отдает должное его активности, но оно глубоко антипатично ему. В то же время Салтыков-Щедрин считает, что фетиш семьи, созданный женщиной-кулаком, и все ее служение ему – фикция. Арина Петровна Головлева, Анна Павловна Затрапезная строят дом на песке, который при неблагоприятных обстоятельствах рассыпается до основания. В конечном итоге женская сущность оказывается столь же ущербной, как мужская, и столь же несвободной. Автор замечает, что постоянные упоминания Арины Петровны Головлевой о семье, не более как лицемерие, самообман. У нее была слишком холостая натура, а дети и ничтожный муж мешали главному интересу ее жизни, состоявшему в накопительстве, приобретательстве. В семействе Затрапезных все смотрели в разные стороны. Прочных внутриклановых связей не существовало. Отношения были чисто условными, всех точила неудовлетворенность, со скорбью констатирует сатирик. Герой хроники Никанор Затрапезный рассказывает, что кровно-родственные связи в семье его деда по материнской линии мало что значили, представление о действительно близких отношениях было чуждо его детству. Недоброжелательство друг к другу маскировалось лицемерием, общение было чисто формальным.

В рукописи X главы «Пошехонской старины» есть заключение: «Словом сказать, как ни многочисленна была семья отца, но она с течением времени совершенно распалась. Устроивши свои гнезда, все члены ее до такой степени обособились, что между непосредственными потомками их уже не существовало ни малейшей связи. Много тут содействовало неравенство состояний, но еще больше замкнутость и равнодушие, которые были характеристическою чертою рода Затрапезных, за исключением тетеньки-сластены. Всякий думал только о себе, оберегал себя и паче всего боялся, чтоб туда не заползло что-нибудь чужеродное.

Эта же самая характерная черта – увь! – сказала впоследствии и в детях их» (XVII, 559). Эгоизм, корыстные интересы, душевная черствость, развивающиеся во многом под влиянием ненормальных общественных условий, оказывают губительное влияние на родственные связи, человеческие привязанности, приводят к девальвации нравственных ценностей – такова главная мысль автора. Традиционные семейства превращаются в «случайные», и человек через принадлежность к определенному роду не обретает независимости, укорененности в жизни, прочных связей с окружающим миром, в нем не культивируется чувство дворянской чести. Происходят и более страшные вещи: отец, Иудушка Головлев, становится фактическим убийцей своих сыновей. В понимании Салтыкова-Щедрина дисгармоничны, извращены изначальные, природные основы в человеке под воздействием сложного комплекса общественно-исторических причин.

Писатель-сатирик не отвергал социальной детерминированности явлений, а также роли наследственности, известной зависимости от нее удела личности, семьи, целого рода, но для него была неприемлема абсолютизация силы среды, биологических начал. В романе «Господа Головлевы» фатализм наследственности преодолевается моралистической просветительской утопией, чудом «просияния» – предсмертным перерождением Порфирия Головлева, а в хронике «Пошехонская старина» фатализм среды побежден просвещением Евангельскими истинами юного Никанора Затрапезного.

Изображение угасающих родов, разлагающихся семейств не означает тупика у Салтыкова-Щедрина. Со сладостной болью говорит герой хроники «Пошехонская старина», уже немолодой литератор, о щебетании молодых, свежих голосов играющих в саду внуков своей родственницы Сашеньки, с которой когда-то сам бегал по этому саду.

Салтыков-Щедрин много сделал для развития темы рода и семьи в русской литературе. Этому во многом способствовал личный опыт сатирика. Его критический пафос основан на высоких нравственно-этических принципах, глубочайшей тревоге за русскую семью, за будущее России. Широко известно высказывание писателя в письме Е.И. Утину от 2 января

1881 г.: «Я обратился к семье, к собственности, к государству и дал понять, что в наличности ничего этого уже нет. Что, стало быть, принципы, во имя которых стесняется свобода, уже не суть принципы даже для тех, которые ими пользуются» (XIX-1, 194). Упования художника-сатирика были связаны с изменением действительности на основе идеалов социальной справедливости, с торжеством просвещения и разума. Это позволило бы гармонизировать и родственные отношения, а значит преобразить общенациональную жизнь, русскую историю.

Эпопея Золя о Ругон-Маккарах и генеалогия¹

Наибольшее сближение генеалогии с литературой происходит в годы господства позитивизма, когда творческое начало почти насильственно подчиняется методу наукообразия, наукоподобия. Не обсуждая положительные и негативные основания позитивизма, заметим лишь, что это философское направление нашло себе наилучший выход в жанре семейного романа, что особенно ярко проявилось во Франции, чуть позже – Англии (Голсуорси с его Форсайтами. Романы Треллопа и отчасти Теккерей и Диккенс ему предшествовали). Классиком семейного романа – уже на «излете» жанра – был Роже Мартен дю Гар с его «Семьей Тибо». Условием семейного романа является движение во времени, от поколения к поколению, от прауродителя к социально возвысившемуся потомку или напротив соскользнувшему в пропасть вырождения и идиотизма праправнуку. Здесь особое место принадлежит двадцатитомному эпосу Эмиля Золя «Ругон-Маккары» (1871 – 1893). Колосс, возводившийся в течение 22 лет Эмилем Золя, дает повод говорить о продуктивности генеалогической науки в области художественного творчества. Детерминированность всего происходящего в романах снимает с автора ответственность: все случается благодаря наследственности, неумолимо действующей в человеческом обществе. Генеалог прочерчивает свои аккуратные кружки, палочки и стрелки – художник переводит этот материал в великолепную цветную картину. Еще не было Матисса и Ван Гога, когда Золя дал свой райский сад бедному аббату Муре с покалеченной психикой и обосновал все происходящее не произволом своей фантазии, а правами Натуры, неукоснительно действующими и наказующими обезумевшее человечество («Проступок аббата Муре»).

Генеалогия оказывается той канвой, по которой расшивает писатель свое творение; анализ этого пути представил сам Золя, приложив к своей эпопее в 20-м томе таблицу сначала с десятью именами, а затем расширив ее до двадцати и назвав ее «Генеалогическое древо Ругон-Маккаров». Он представил пять поколений провинциального семейства города Плассана. За основу берется Экс эн Прованс, родной город писателя. Писатель прослеживает переход из поколения в поколение первичных свойств натуры

---

* Наталья Константиновна Телетова, кандидат филологических наук, Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина

¹ Из материалов XI Петербургских генеалогических чтений «Генеалогия и литература».

основательницы рода мещанки Аделаиды Фук и двух ее мужчин: туповатого крестьянина Ругона, а затем бродяги и алкоголика Антуана Маккара. Генеалогом рода явится внук этой Аделаиды, врач Паскаль, занятый собиранием сведений о своей родне. Паскаль последовательно обнаруживает и записывает, что превалирует в его кузенах и других родственниках.

Недоумение вызывает благородство этого ученого, чистота его научных устремлений. Откуда же это? – Золя в своей генеалогической таблице объясняет это не мутацией (это понятие еще неизвестно), но химическим соединением свойств родителей, совершенно освобождающим таким образом Паскаля от наследственной предрасположенности.

Маниакальный убийца Жан Лантье и сексуальный монстр женского пола Нана или Анна Купо, талантливый художник Клод Лантье, не сумевший воплотить свой идеал на полотне и убивший себя, – таковы члены семейства, рожденные от алкоголика Антуана Лантье. Недалекие, но сильные в своей жажде завладеть солидным местом в Париже – Эжен Ругон, владелец огромного магазина Октав Муре и финансовый делец Саккар – таково потомство первого сына Аделаиды от Ругона. Генеалогические связи у Золя не дают передышки никому, исключая тех, кому удалось, по божьей милости, прорваться в круг тех немногих, кто оказался наследником смешанных свойств родителей.

В число 32-х членов семьи, представленных в таблице Золя - Паскаля, включаются несколько здоровых людей – это крестьянин Жан в романах «Разгром» и «Земля», словно бы излеченный землей, которой он служит всем своим существом. Это мечтательная, неземная Анжелика Ругон в романе «Мечта» («наследственность в форме химического соединения»). Они дают некоторый отдых читателю и веру в то, что, изучив генеалогию, люди смогут приостановить поток безвыходно бьющихся в сетях наследственности персонажей. Здесь надежда человечества, как это представляет генеалогия некоторых родов, – не у Золя, а в науке XIX – XX веков.

Угасание и процветание рода – так выглядит таблица Ругон-Маккаров, с героями, прокутившими свое будущее («Добыча» и «Деньги») и неведомым потомком от Паскаля и Клотильды, на которого возлагает надежды Эмиль Золя.

Золя был под большим влиянием философии и медицинских открытий. Имена Клода Бернара и Огюста Конта стоят в первом ряду того увлечения, что называлось экспериментальный роман. Они дают надежду на спасение семьи, избранной Золя к умственной и нравственной жизни. «Сон разума» еще не назван, но уже действует, спасая человечество. Пробуждение человечества, быть может, связывается с надеждой на будущее, зажатое в кулачке ребенка Клотильды и Паскаля, поднявшего кулачок к небесам.

Золя хотел было выстроить стройными рядами своих подопечных. Но они не подчинялись, поэтому ему приходилось строить общество из 32-х родственников с учетом породнения с кузенами и кузинами и многими довольно темными личностями. Но все тянутся на свет – хотя свет этот тоже очень разнообразен. Быть может, некий стержень, условно прочерченный исследователем, прежде всего Золя, свяжет пять поколений провинциальных мещан. При благородной страсти Золя к истине и желанию следовать за последними достижениями медицины, философии и психологии, он незаметно для себя так выделил, подчеркнул аномалии в человечестве, что делается не по себе: не удушит ли тебя этот сосед по машине или захочет тебя зарезать?

«Ни дня без строчки» – этот постулат давал право говорить о величии и честности в поисках судеб мира, чем занимался Золя. Эпический размах художественных творений не ограничивается двадцатью романами о семье Ругон-Маккаров. За ними следует трилогия «Три города» и почти религиозное «Четвероевангелие», незавершенное из-за смерти автора. Но, думается, самыми удачными были эти двадцать романов.

Золя писал в предисловии к «Ругонам», что его целью была «естественная и социальная история одной семьи». Принято считать, что социальная история у Золя удалась, естественная же – надуманная. Это не так. Быть может даже, натуральный план является более современным и ценным, чем план социальный. Собственно путь к родословию у Золя опирается на первые попытки сгруппировать героев и события, как это делал до него Бальзак. У Бальзака есть уже попытки циклизации, так есть «Сцены частной жизни», «Сцены провинциальные», «Сцены парижской жизни», «Сцены политической жизни», затем «Деревенской» и «Крестьяне». Но разноплановость этого богатства столь неукротима, что до Золя никто не мог с ней справиться. В то же время социальная характеристика у Бальзака превалирует, в то время как Золя предпочел исследовать натуральную сторону человеческого сообщества. Золя был понят и принят Россией с успехом превышающим тот, который он имел во Франции. Некоторые из романов, например, «Проступок аббата Муре», выходили одновременно в Париже и Петербурге. «Древо» вышло в 1893 году в один год с изданием в Париже.

Золя был первым, кто использовал нарисованное им генеалогическое древо для решения художественных задач, приложив его к основному тексту и оформив его по всем законам той прикладной исторической дисциплины, которая занимается изучением родословных.

История семьи в книге Габриеля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества»¹

В своей статье «Роман и воспроизведение потомства» («Le roman et la procréation», Le Monde, 25 мая 2007), чешский писатель Милан Кундера замечает, что герои больших романов зачастую бездетны. Это странно, – пишет он, – учитывая тот факт, что статистически детей не имеют лишь 1–2% населения, тогда как бездетными оказывается подавляющее большинство героев Стендаля, Бальзака, Достоевского, Кафки, – список можно продолжать долго. И действительно, жанр романа получает распространение с эпохи Temps modernes, когда, по выражению Хайдеггера, человек становится «основой всего». Он уже не просто человек, но «индивидуум». И роман как литературный жанр как бы выхватывает человека из всего того, что непосредственно не связано с историей **его** идей или **его** трагедии. Кончается жизнь персонажа – кончается роман. В романе жизнь героя как бы не продолжается детьми, которые могут либо подтвердить, либо опровергнуть эту жизнь. Но дети – земная форма бессмертия, а значит, жизнь человека не является чем-то законченным и независимым, но представляет собою звено в цепи зависимостей и взаимосвязей, и существует что-то вполне осязаемое, в чем человек растворяется как индивид: семья, потомки, род, племя, нация. В таком прочтении «человек как основа всего» является понятием достаточно иллюзорным.

Но именно такое прочтение продиктовало традицию европейского романа, которой неуклонно следует литература, в частности и особенно, XX века. И вот в 1967 г. выходит роман колумбийского писателя Габриеля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества», принесший автору Нобелевскую премию, и, безусловно, принадлежащий к крупнейшим событиям в литературе прошлого столетия. Жанр романа – история семьи, но необычайно далекая от того, каковой она является в нашем традиционном представлении. Исторической точкой отсчета поколений, описанных в романе, является момент основания прародителями семьи Буэндиа города Макондо, который переживет вместе с семьей те же периоды расцвета, распада и превратится в захолустье, «у пустынной станции которого только на минуту останавливается поезд с несколькими вагонами, которые никого

---

* Ксения Анатольевна Коннова, Институт генеалогических исследований РНБ, Санкт-Петербург

¹ Из материалов XI Петербургских генеалогических чтений «Генеалогия и литература», Санкт-Петербург, 2007 г.

и ничего не везли...»², а затем вместе с семьей его основателей и вовсе исчезнет с лица земли, снесенный ураганом.

В чем же необычность этой семейной хроники?

С одной стороны, она помещена во вполне конкретные и узнаваемые исторические рамки – повествует Маркес о событиях, происходящих в конце XIX – начале XX века, в частности, о так называемой тысячедневной гражданской войне и о превращении Колумбии в банановую республику.

С другой стороны, вопреки названию романа, указывающего на столетнюю историю, Маркес помещает в эти рамки, строго говоря, 8 поколений, но очевидно, что их было и больше, так как первые упоминания о прадеде основателя города Макондо, Хосе Аркадио Буэндиа, относятся к XVI веку, к моменту осады Фрэнсисом Дрейком города Риоача. Но, как мы понимаем, прадедом человека, жившего в конце XIX века, не мог стать тот, кто был свидетелем вышеупомянутого события.

Такое «скольжение» во времени, в сочетании со скрупулезным исследованием сложнейших внутрисемейных связей в их хронологической правдоподобности, определяет особенность **жанра** романа, который называется критиками «чудесной реальностью». Он построен в традиции книг Ветхого Завета, где миф переплетается с описанием истории жизни, деяний и грехов семьи, с одной стороны, вполне конкретной и осязаемой, а с другой, восходящей, по универсальности ее истории, к истории человечества в целом. Поэтому помимо линейного времени жизнь семьи, описанная в романе, свершается в единый момент. Когда последний из Буэндиа расшифрует книгу их жизни, окажется, что события в ней расположены не в обычном, принятом у людей времени, но все каждодневные эпизоды сосуществуют в одном-единственном мгновении.

Жизнь каждого из членов рода, описанная в романе, является не только материальным звеном в его истории, но и элементом, внутреннее содержание которого определяет историю рода, воспринимаемую как нечто конечное. При всей неповторимости каждого из членов рода Буэндиа, ни один из них не может быть назван протагонистом романа. Главное действующее лицо в нем – род в его целостности. Внутренняя связь между членами рода зиждется на двух основаниях: общность свойств каждого из членов (по мужской линии, которая воспринимается как основополагающая) и повторяемость в различных вариациях одних и тех же грехов на протяжении поколений.

---

² Гарсиа Маркес Г. Сто лет одиночества. Лениздат, 1988. С. 300

Как общность свойств членов рода выступают такие генетические признаки, как «торчащие скулы, удивленный взгляд, одинокий вид».

Как общность греха – кровосмесительные связи, повторяющиеся неоднократно и послужившие причиной пресечения рода:

Известно, что в истории предков основателя рода (Хосе Аркадио Буэндия и Урсула Игуаран) имела место кровосмесительная связь, и у дяди Хосе Аркадио родился сын, обладавший свиным хвостом. Будучи взрослым, он просит мясника избавить его от уродства и отрубить ему хвост, вследствие чего умирает от потери крови). Сами основатели города были либо двоюродными, либо троюродными братом и сестрой, и, как пишет Маркес, была между ними связь более сильная, чем любовь: их общие угрызения совести.

Далее: одна и та же женщина, Пилар Тернера, была любовницей двух братьев, и от нее родились Аркадио (сын Хосе Аркадио) и Аурелиано Хосе (сын полковника Аурелиано Буэндия). Поскольку дети и внуки воспитывались в семье Буэндия, и пребывали в неведении относительно их матери, один из внуков Пилар Тернера, Хосе Аркадио 2-й, не зная, что та является его бабкой, вспылал к ней страстью.

Вспомним и то, что Ребека, жена полковника Аурелиано Буэндия, приходилась ему дальней родственницей, впрочем, степень родства была им неизвестна.

Наконец, род пресекается на ребенке, рожденном также со свиным хвостом вследствие связи племянника с теткой (Аурелиано+Амаранта-Урсула). Его съедают муравьи сразу после рождения.

Вообще, тяга мужчин рода Буэндия к одним и тем же женщинам воспринимается как центростремительная сила рода. Параллельно с этим, род включает в себя «посторонних» женщин, не обладающих особенностями, свойственными роду Буэндия и оставшимися пожизненно чужими. Более того, в силу своей «посторонности» они совершают губительные шаги, с точки зрения внутренней логики рода. Так, вечно посторонней оказывается Фернанда дель Каприо, которая воспринимается как «не от мира сего», потому что «мир сей» для рода Буэндия – это исключительно то, что начинает нести печать трагедии этого рода. Впрочем, ее дети уже неотделимы от судьбы рода Буэндия, и неустанно несут его крест и его благодать.

Надо сказать, роман является идеальным материалом для человека, интересующегося генеалогией. Обратите внимание на количество поколений и сложность взаимосвязей, описанных в романе с большой точностью. В поколенной росписи практически нет лакун, кроме тех, кто предшествовал основателям рода. Любой читатель с первых страниц начнет неизбежно путаться и перестанет понимать, кто есть кто в романе. Без составления росписи полное прочтение романа невозможно. Дело в том, что из поколе-

ния в поколение род Буэндиа наделял новорожденных одними и теми же именами. Для мужского пола это были Хосе Аркадио или Аурелиано. Чуть более разнообразно обстоит дело с женщинами (Урсула, Ремедиос, Амаранта), одна-единственная, которая получила «постороннее» имя Рената, будет прозвана «Меме», сокращенная форма от Ремедиос. Не исключением стали 19 детей полковника Аурелиано, рожденные от разных женщин, встреченных полковником на дорогах войны. Все дети без исключения названы Аурелиано. Впоследствии, когда они, уже будучи взрослыми, соберутся под крышей дома Буэндиа, следуя все той же неизбежности судьбы, им дадут прозвища, чтобы как-то различать: Аурелиано Ржаной, Влюбленный, Печальный и т.д. Имя также является знаком, определяющим судьбу. В романе все Аурелиано нелюдимы и обладают пронизательным умом, а все Хосе Аркадио порывисты и предприимчивы, а также отмечены знаком трагической обреченности, и ношение одних и тех же имен как бы проводит внешние границы рода.

Урсула Игуаран воспринимается как некая праматерь. Она переживет 5 поколений и умрет в возрасте от 120 до 125 лет, как это указано в книге. Именно она является хранительницей рода, той, которая пыталась сопротивляться ненасытной прожорливости забвения.

Вообще, проблема памяти и забвения – это одна из важнейших проблем романа. Забвение расценивается Маркесом как род безумия, причем носящего характер инфекции. Не зря он упоминает о бессоннице, принесенной в Макондо, когда жители теряли способность назвать предметы и людей и стали вешать таблички, но и это не помогало, так как люди забывали буквы. Люди договариваются забыть о кровавой бойне, происшедшей в Макондо, когда на центральной площади перестреляли половину жителей. И, наконец, дождь обрушивается на этот город, не прекращавшийся 4 года 11 месяцев и 2 дня, который стер из памяти жителей Макондо все прошлое, после чего город постепенно вымирает.

Несколько слов об автобиографичности романа. Маркес очень многое не выдумал, в истории его семьи есть немало параллелей с действием романа.

Во-первых, его прадед и прабабка также были двоюродными братом и сестрой. Бабушку по материнской линии также звали Транкилина Игуаран Котес. Дед писателя был ювелиром, как и полковник Аурелиано. Общая трагедия связывает Хосе Аркадио Буэндиа и родного деда писателя: благоденствие и спокойствие семьи прерывается трагической дуэлью, во время которой дед убивает своего друга, после чего оставляет все свои занятия и становится фактически затворником.

Ну и то, что 19 детей полковника Аурелиано также не плод фантазии. Маркес писал, что во время поездки в родной город ему представили 19 из бесчисленного количества детей его деда.

В завершение несколько слов, возвращаясь к теме индивида и рода. Когда я выбирала тему доклада, моей первой мыслью было рассказать о семейной истории в романе Пруста «В поисках утраченного времени». Но, с точки зрения генеалогии, эта история гораздо менее интересна: Пруст описывает только тех членов семьи, которые чем то привлекательны лично для него. Других для него, словно не существует. В этом отношении роман Маркеса является антиподом роману Пруста. С одной стороны, жизнь, конечно, по выражению Маркеса, есть договор с одиночеством, но то, что представляет для него большую ценность, это некая зашифрованная линия жизни, которая выходит за рамки жизни каждого отдельного человека, в отношении к которой человек находится в подчинении. Если мы рассматриваем искусство, и, в частности, литературу, как зашифрованную действительность, такой взгляд на род, на память и на место человека в череде поколений, небезынтересен в частности для тех, кто занимается генеалогией. Хотя бы как оправдание...

**Джеймс Бонд в роли генеалога:
по роману Яна (Йена) Флеминга
«На секретной службе Ее Величества»¹**

Джеймс Бонд – литературный герой романов английского писателя Яна Флеминга – не нуждается в представлении. Его имя стало таким же нарицательным, как имя Шерлока Холмса. За прошедшие пятьдесят лет издано более 100 миллионов книг о секретном агенте 007 и снят 21 кинофильм.

Романы о Бонде Флеминг начал писать зимой 1953 г. в своем доме на Ямайке. Так продолжалось на протяжении 12 лет – два месяца напряженной работы – 7–8 страниц готового текста в день – затем несколько месяцев его доработки – и выход книги следующей весной. Литературным приемом писателя было ощущение правдоподобия невероятных обстоятельств, в которые попадал герой, ловкость и быстрота его вызволения из самых драматических ситуаций, но, главное, точность в изображении технических деталей. Для их изучения Флемингу приходилось проводить настоящие исследования. Он посещал библиотеки Лондона и читальный зал Британского музея (где занимал тот же стол, что и Карл Маркс). Некоторые сведения Флеминг получал по телефону, для выяснения других ему приходилось обращаться в учреждения.

Так, при разработке сюжетной линии романа «На секретной службе Ее Величества» Флемингу пришлось познакомиться с работой Геральдической Палаты, генеалогическими пособиями, методами разыскания сведений и составления родословий. Всё это пригодилось его герою, Джеймсу Бонду, который под видом генеалога должен был найти международного преступника, поставившего под угрозу благополучие Англии. Поиски осложнялись тем, что его имя, внешность, место нахождения и род занятий были неизвестны.

Вызывал подозрение один богатый человек, который купил гору в Швейцарских Альпах и на её неприступной вершине развернул таинственную деятельность. Он именовал себя Эрнст Ставро Блофельд, граф Балтазар де Блевиль и претендовал на то, чтобы его считали законным наследником этого угасшего рода, для чего поручил своим адвокатам вести переговоры с Геральдической Палатой.

Предполагая, что Блофельд может оказаться тем, кого они разыскивают, руководители Секретной службы направили своего агента

---

* Елена Гдальевна Попова-Яцкевич, библиограф, член РГО.

¹ Из материалов XI Петербургских генеалогических чтений «Генеалогия и литература», Санкт-Петербург, 2007 г.

Джеймса Бонда для ознакомления с поданными в Геральдическую Палату документами. Вот как этот визит описан в романе:

«О деятельности Геральдической Палаты Бонд имел поверхностное представление. Знал только, что там устанавливают родословные отдельных семейств, придумывают гербы для новопожалованных пэров и организуют различные торжественные церемонии.

Палата находилась в Лондоне на улице Королевы Виктории, в доме из красного кирпича в стиле эпохи королевы Анны. Подковообразная каменная лестница вела ко входу, над которым был вывешен флаг с геральдическим животным, нарисованным золотом на бледно-голубом фоне. «Грифон, из чистого золота» – решил Бонд.

Привратник провел его в огромный зал, с карнизов окон которого свисали стяги Британского Содружества наций, а затем ввел в кабинет сотрудника Палаты Гриффона Ора, который был старшим в этот день, о чем свидетельствовал его герб над входом.

После того, как Бонд назвал свое имя, Гриффон Ор с места в карьер начал рассказывать ему обо всех Бондах, живущих в Англии: «В «Основах геральдики» Бёрка² приводится более десятка семейств вашей фамилии, но титул баронета, самый желанный, боюсь, более не существует. Вот есть ветвь, восходящая к Норманну Ле Бонду, первое упоминание о котором датируется 1180 годом!

– Меня не интересуют предки Бондов – сумел вставить Джеймс.

– Что вы сказали!? – Изумился Гриффон Ор. – Вас не интересует собственная родословная? Разве может оставить равнодушным то обстоятельство, что один из ваших предков имел отношение к названию едва ли не самой знаменитой улицы мира – Бонд-стрит? Она появилась в... ага, так-так – в 1686 г. Её название ассоциируется с именами Лоренса Стерна, Голдсмита и Гаррика. Настоятель Свифт проживал на ней. Лорд Нельсон обрелся в доме № 141, а леди Гамильтон в доме № 145. И главное, это центральная торговая улица Лондона. Уважаемый сэръ, и это имя, которое вы носите!

Ну как, у вас еще не проснулось желание предъявить свои права на титул или герб? Он, без сомнения, должен вас заинтересовать – «Орнамент из трех дисков черного цвета, нашитых углом на серебре». А каков девиз – «Non sufficit Orbis» ! (Мне целого мира мало) ! Неужели вы откажетесь от всех претензий на это?

– Девиз, безусловно, великолепен, и отказываться от него было бы грешно, однако я пришел навести справки о некоем Блофельде. Кажется,

---

² По-видимому, имеется в виду неоднократно издававшаяся в Англии книга «Burke's Encyclopedia of Heraldry» – прим. ред.

ваша организация обладает сведениями об этом человеке – нетерпеливо сказал Бонд.

Разочарованный ученый направил Бонда к своему подчиненному, Сейблу Бэзилеску. Тот показал ему письмо цюрихских адвокатов, где было написано, что их клиент Эрнст Ставро Блофельд именуется графом де Блевиль на основании рассказов, которые слышал в детстве от своих родителей. Семья была вынуждена покинуть Францию во времена революции и обосновалась в Германии под вымышленной фамилией Блофельд, чтобы спасти от ареста оставшееся в Аугсбурге имущество. В 1850-е годы Блофельды переселились в Польшу. Их клиент хочет, чтобы Палата провела исследование и удостоверила его право на титул, но при условии всех правил предосторожности и строжайшей секретности. В качестве аванса было предложено вознаграждение в одну тысячу фунтов стерлингов, что, по словам Бэзилески, было очень высоким гонораром. Обычная цена за подобные услуги не превышала 50 гиней, а между тем требовалось вести сложные расследования, бегать по коридорам государственных учреждений в Сомерсет-Хаусе, копаться в метрических записях, тревожить надгробия – всем этим приходится заниматься, когда идешь по следу чьих-либо предков.

– И как же вы поступили? – взволнованно спросил Бонд. – Вы ответили на письмо?

– О да, конечно. Прежде всего, я должен был запросить у Блофельда свидетельство о рождении. Выдержав определенную паузу, мне сообщили, что оно потеряно и что мне об этом не нужно беспокоиться. Граф на самом деле родился в Гдыне 28 мая 1908 г., отец его – поляк, а мать – гречанка.

А нельзя ли, спросили меня, вести поиски с другого конца – с де Блевилей? К тому времени я уже нашел в нашей библиотеке сведения о том, что род де Блевилей действительно жил в местечке Блонвилль-сюр-мер, департамент Кальвадос, и герб и девиз совпадали. Уверен, об этом Блофельду прекрасно известно – бессмысленно изобретать несуществующий род, когда можно претендовать на угасший».

Затем генеалог поведал Бонду, как вместо летнего отдыха он отправился на север Франции, где ползал по склепу в часовне местечка де Блонвилль, осматривая старые могильные плиты на захоронениях. Ему удалось высветить фонариком каменные лица и установить, что у Блевилей не было мочек ушей. Эта черта передавалась из поколения в поколение, как характерная губа у Габсбургов, склонность к гемофилии у Бурбонов, орлиный нос у Медичи и тому подобное.

«– Стало быть, чтобы получить титул на законных основаниях, Блофельд должен лишиться мочек на обоих ушах – произнес Бонд.

– Да, и установить это можно только при вашей личной встрече – лукаво улыбнулся Бэзилиск. – Но для этого придется испросить разрешения у герольдмейстера ордена Подвязки, ведь он мой непосредственный начальник, после герцога Норфолкского, являющегося гоф-маршалом, то есть председателем Геральдической Палаты.

– Но если Блофельд согласится встретиться со мной, каким образом, черт возьми, смогу я сыграть свою роль? Вся эта тарабарщина для меня просто китайская грамота. Как я смогу отличить геральдическое красное поле от орнамента из красных дисков, а уж что за титул баронет – мне и вовсе никак не объяснить – озадаченно спросил Бонд.

– Это мы утрясем – беспечно сказал Бэзилиск. – С моей помощью вы узнаете всю подноготную де Блевилей и без труда вызубрите несколько популярных книжек о генеалогии. Совсем нетрудно будет произвести должное впечатление. В этом деле вообще мало кто смыслит. Кроме того, все искатели титулов считают процедуру возведения в дворянское достоинство чем-то вроде обряда отпущения грехов, избавления от присущего им комплекса неполноценности. Так и Блофельд. Его не прельщают богатство и власть – он жаждет стать почтенным человеком, титулованной особой. Он знает, что запятнан и отвергнут обществом. Теперь он хочет купить новое имя и сменить обличье».

Итак, Бонд принялся за учебу. Он зубрил геральдику, выискивал отрывочные сведения об англичанах и французах, живших в средние века, с головой уходил в старинные легенды и мифы и, время от времени, узнавал действительно интересные вещи. Ну, например, владельцы большого универсального магазина в Лондоне «Гамиджес» были родом из местечка Гамаша, что в Нормандии, а Уолт Дисней оказался дальним родственником рода д'Истиньи из той же части Франции.

С паспортом на имя реально существующего сэра Хилари Брея и рядом шотландского аристократа в чемодане Бонд отправился в Швейцарию для встречи с клиентом. Ему надо было удостовериться, что Блофельд действительно тот, кого необходимо разыскать, а затем выманить его за пределы Швейцарии. По правилам Секретной службы операция получила название – «Корона».

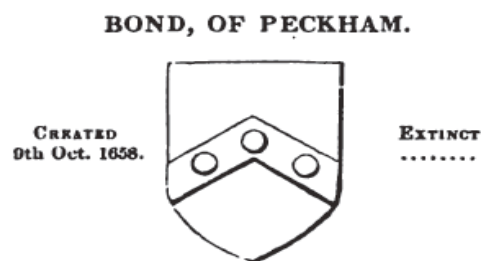
В багаже Бонд вез книги из библиотеки Геральдической палаты со штемпелем «Из библиотеки не выносить»: два труда Бёрка – «Баронеты, утраченные титулы и вымершие роды» и «Основы геральдики»³; «Спра-

---

³ Имеются ввиду сочинения генеалога Джона Бёрка (*John Burke*) (1786–1848) *Burke J. A Genealogical and Heraldic History of the Extinct and Dormant Baronetcies of England*; 1838; *Его же. A General Armouy of England, Scotland, and Ireland*, 1842 (перездано в 1844 г. as *Burke's Encyclopedia of Heraldry*, и затем, в дополненном и пе-

вочник по генеалогии» Маршалла⁴ и папки с копиями материалов «Официальные посещения Гербового палаты» и перепиской с адвокатами Блофельда.

При первой же встрече Бонд убедился, что у Эрнста Блофельда нет мочек ушей. В разговоре выяснилось, что его отца звали Эрнст Джордж, а деда – Эрнст Стефан. Бонд сказал, что ему удалось найти двоих Блофельдов из Аугсбурга, которых также звали Эрнстами и что это может оказаться очень важным доказательством принадлежности к роду – у христиан имена переходят из поколения в поколение и имя Эрнст может оказаться родовым для графов де Блевиль. Вдохновленный Блофельд попросил Бонда – то есть сэра Хилари Брэя – продолжить свои изыскания.

From: A genealogical and heraldic history of the extinct and dormant baronetcies of England by John Burke & John Bernard Burke. London: Scott, Wenster and Geary, 1838. P. 70.

Бонд принялся за вычерчивание древа де Блевилей. На огромном листе бумаги в клетку он написал: «Гийом де Блевиль, 1207–1243». Теперь предстояло внести всех его потомков с женами и детьми за полтысячи лет. Надо было также отделить их от английских Блофельдов, Блюфельдов и Блюмфилдов. Работа предстояла кропотливая. Когда Бонд её закончил и представил графу огромные листы, тот выразил свое восхищение и надежду, что его претензии на титул будут поддержаны Гербового палатой.

Но Бонд уже готов был выйти из образа генеалога. За время пребывания в доме Блофельда он нашел доказательства преступной деятельности самозванного графа и прекратил её. Род графов де Блевиль так и остался угасшим.

Но генеалогическая линия романа на этом не закончилась.

реработанном виде, переиздано сыном, тоже генеалогом, сэром Джоном Бертраном Бёрком (Sir John Bernard Burke (1814–1892) в 1878 г. – прим. ред.

⁴ Marshall G.W. The Genealogist's Guide. Guildford. 1893 – прим. ред.

Дело в том, что в этом, седьмом по счету романе о Джеймсе Бонде, Флеминг женил своего героя. После свадьбы мистер и миссис Бонд ехали в автомобиле по берегу моря и решали, сколько у них будет детей. Они уже договорились, что три мальчика и две девочки, когда их настигла машина, из которой раздались выстрелы. Молодая женщина была убита и рухнули все надежды на продолжение рода Бондов.

Очень трогательной сцена покушения получилась в кинофильме, снятом по роману в 1969 г. В других его эпизодах фигурировал огромный герб графов де Блевиль: «на серебряном поле четыре легких мушкета и вертикальная полоса красного цвета», под ним девиз: «За домашний очаг». Этот реквизит был продан в декабре 2004 г. на аукционе «Кристи» в Лондоне за 16 730 фунтов одному из миллионов поклонников английского писателя Яна Флеминга, героя его 12-ти романов – агента 007 – Джеймса Бонда и лучшего исполнителя этой роли в «Бондиане» – актера Шона Коннери.

Генеалогия Козьмы Пруtkова¹

Козьма Пруtkов в представлении не нуждается. Кто не знает таких его афоризмов, как, например, «Никто не обнимет необъятного», «Что имеем, не храним, потерявши, плачем» и других? Казалось бы, какая генеалогия у этого гениального создания графа Алексея Константиновича Толстого и братьев Алексея, Александра и Владимира Жемчужниковых? Но откроем «Полное собрание сочинений Козьмы Пруtkова» – и что же мы видим? Там имеются выдержки из записок его деда, творение его отца, драматические произведения его детей, биографические статьи, подписанные его племянниками и т.п.² Таким образом складывается довольно ветвистое генеалогическое древо, и при этом имеется даже возможность порассуждать (в чисто прутковском духе), в каком именно колене должен находиться тот или иной родственник.

«Весь мой род занимался литературою», – говорил Козьма Петрович³. И как доказательство этого приводит «Гисторические материалы Федота Кузьмича Пруtkова (деда)». По словам А.Н. Пыпина, имя и отчество деда

---

* Ирина Борисовна Муравьева, главный библиотекарь Фундаментальной библиотеки Санкт-Петербургского государственного технологического института.

¹ Из материалов XI Петербургских генеалогических чтений «Генеалогия и литература», Санкт-Петербург, 2007 г.

² Сведения о родственниках Козьмы Пруtkова имеются в «Предисловии» и «Приступе старика» перед «Гисторическими материалами Федота Кузьмича Пруtkова (деда)», в «Предисловии к творению моего отца “Черепослов, сиречь Френолог”», в письме «От потомков Козьмы Петровича Пруtkова в редакцию “Современника”» (перед драмой «Торжество добродетели»), в «Биографических сведениях», сочиненных В.М. Жемчужниковым для «Полного собрания сочинений Козьмы Пруtkова» 1884 г. издания, в «Кратком некрологе и двух посмертных произведениях Кузьмы Петровича Пруtkова», опубликованных в «Современнике» в 1863 г., в заметках Александра Михайловича Жемчужникова «С того света» и «Некоторых материалах для биографии К.П. Пруtkова», печатавшихся в «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1876 г., а также в «Военных афоризмах» и «Церемониале погребения тела в бозе усопшего поручика и кавалера Фаддея Козьмича П. . . . .», входящих в основной свод сочинений Козьмы Пруtkова, но из-за цензурных препон издаваемых лишь с 1922 года – см.: *Козьма Пруtkов. Полное собрание сочинений.* М.-Л.: Советский писатель, 1965. С. 157–161, 250–251, 306–308, 331–341, 342–346, 354–365, 366–376, 101–112, 113–117).

³ *Козьма Пруtkов. Полное собрание сочинений/ Вступ. ст. и примечания* Б.Я. Бухштаба. М.-Л.: Советский писатель, 1965. С. 157.

Пруткова – Федот Кузьмич, – совпадало с именем и фамилией известного в то время московского автора, под которым, по-видимому, имелся в виду Федот Семенович Кузьмичев (ок. 1809 – после 1859), автор лубочных романов⁴. «Предисловие» к запискам деда пародировало исторические справки М.П. Погодина или М.Н. Лихонина к архивным материалам, публикуемым в журнале «Москвитянин»⁵. Вообще говоря, это бессмертная пародия, так как сентенции, подобные прутковским, частенько появляются и ныне в исторической, а главным образом, окологисторической литературе. Нас, однако, интересуют биографические данные.

Извольте:

«Дед мой родился в 1720 году, – сообщает Козьма Прутков, – а кончил записки в 1780 г.; значит: они начаты в 1764 г. В записках его видна сила чувств, свежесть впечатлений; значит: при деревенском воздухе, он мог прожить до 70 лет. Стало быть, он умер в 1790 году!»⁶ Затем, как полагается, идёт вступление от имени самого деда – «Приступ старика», подписанный «отставным Премьер-майором и Кавалером Федотом Кузьмичёвым сыном Прутковым»⁷. Это вступление адресовано «сынишке моему, Петрушке», которому указано передать «оное писание в необходимом употреблении малому мальчишке Кузьке», то есть, очевидно, Козьме Пруткову. «Приступ...» сей составлен, судя по тексту этого сочинения, «лета от Р. Х. 1780, июня 22-го дня», тогда как Козьма Прутков родился, если верить «Биографическим сведениям» в 1803 г. (а если придержаться более раннего «Краткого некролога», то в 1801)⁸. Так как трудно предположить, чтобы издатели, в данном случае Владимир Михайлович Жемчужников, готовя «Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова», не обратили внимания на столь явное противоречие, то этому факту можно дать два объяснения. Либо это было сделано намеренно для усугубления абсурда (и мстительно опять-таки в журнал «Москвитянин»); либо Федот Кузьмич, обладая даром предвидения, предугадал за 20 лет появление гениального внука и его, в гроб сходя, благословил⁹.

---

⁴ Берков П.Н. Козьма Прутков, директор Пробирной палатки и поэт: К истории русской пародии. Л.: Изд. АН СССР, 1933. С. 94 (примечание).

⁵ Берков П.Н. Указ. соч. С. 86.

⁶ Козьма Прутков. Указ. соч. С. 157–158.

⁷ Там же. С. 161

⁸ Там же. С. 332, 344.

⁹ Есть ещё вариант: это был старший брат Козьмы Петровича, умерший во младенчестве, но это выглядит как-то слишком прозаично. Имеется также и другая трактовка, но о ней будет рассказано в конце статьи.

Вышеупомянутый «сынишка Петрушка» является родителем Козьмы Пруtkова. Он слыл среди соседей человеком богатым¹⁰. Его перу принадлежит оперетта в трёх картинах «Черепослов, сиречь Френолог». Этому творению предшествует предисловие его знаменитого сына, из которого следует, что Пётр Федотович общался с известными литераторами своего времени и оставил «много превосходных сочинений», из которых упоминается комедия «Амбиция», вызвавшая, по сообщению Козьмы Пруtkова, эпиграмму А.П. Сумарокова. И далее идёт стилизация под сумароковские стихи, заканчивающаяся следующими рифмованными строками:

«Но Аполлон за то, собрав *прутков* длиннее,
Его с Парнаса вон! – чтоб был он поскромнее!»

«Не скрываю (да и зачем скрывать?!) этой эпиграммы, порожденной явною завистью!» – восклицает не без апломба Козьма Петрович¹¹. По примечанию издателей, «Амбиция», созданная Петром Федотовичем в молодости, не была найдена в бумагах Козьмы Пруtkова. Но зато печатается оперетта «Черепослов...», якобы написанная Пруtkовым (отцом) в старости, и даются хвалебные стихи, адресованные сочинителю и стилизованные под поэзию умного И.И. Дмитриева: «Под снежной сединой в нем музы веселятся...». Далее идет сама оперетта, издевающаяся над френологией, то есть учением о распознавании психических свойств человека по шишкам на его черепе.

Перейдем теперь к сыну Петра Федотовича, к «великому мыслителю и даровитейшему из поэтов» Козьме Петровичу Пруtkову. Так как хвалебные оды в России пишут только покойникам¹², то создатели, или, как они себя называют, «опекуны» Козьмы Пруtkова, объявив о его кончине, последовавшей 13 января 1863 г., дали тогда же «Краткий некролог», а в первом издании «Полного собрания сочинений» (1884) переработали его в «Биографические сведения», внося в первоначальный текст ряд изменений¹³. Но «Краткий некролог», а также апокрифические сочинения Александра Михайловича Жемчужникова «С того света» и «Некоторые материалы для биографии К.П. Пруtkова»¹⁴ дают больше сведений о генеалогии Козьмы Петровича, поэтому, памятуя о прутковском принципе

---

¹⁰ Там же. С. 367.

¹¹ Там же. С. 250–251.

¹² Мнение автора на сей предмет не совпадает с мнением редакции.

¹³ Там же. С. 342–345, 331–341.

¹⁴ Там же. С. 354–365, 366–376.

«синтезиса»¹⁵, будем пользоваться сведениями из всех биографическихopusов разом. Итак, Козьма Петрович родился 11 апреля 1803 г.¹⁶ в 11 часов вечера в деревне Тентелевой близ Сольвычегодска¹⁷. Крещён и наречён Козьмой был, по-видимому, в Сольвычегодске. «Некоторые материалы для биографии К.П. Пруткова» указывают нам его восприемников от купели: это «сольвычегодский откупщик Сысой Терентьевич Селиверстов и жена почтмейстера Капитолина Дмитриевна Грай-Жеребец». В 1820 г. Козьма Прутков вступил в военную службу, только для мундира, и пробыл в армейских гусарах всего два года с небольшим¹⁸. В ночь с 10 на 11 апреля 1823 г. ему привиделся сон, в котором голый бригадный генерал возвел его на вершину остроконечной горы к славе! (Ибо кто посмеет усомниться, что драгоценная материя, прикосновение которой к телу сопровождалось электрическим ударом, – не символ великого предназначения! В память сего сновидения Козьма Петрович всегда помечал свои произведения 11 числом того или иного месяца). После этого вещего сна Козьма Прутков сразу же оставил полк и определился на службу по министерству финансов, в Пробирную палатку. Там он прослужил до своей смерти, последовавшей 13 января 1863 г., и удостоился «получить все гражданские чины до действительного статского советника включительно, и <...> должность директора Пробирной палатки, а потом и орден Св. Станислава 1-й степени, который всегда прельщал его, как это видно из басни “Звезда и брюхо”»¹⁹. На 25-м году своей жизни Козьма Петрович «соединил судьбу свою с судьбою

---

¹⁵ Там же. С. 54.

¹⁶ По «Краткому некрологу» – в 1801 г.

¹⁷ Считаю нужным ещё раз объяснить столичным жителям и образованным русским провинциалам –здесь разумеется не та, известная в среде петербургских обывателей своим некогда обширным лютеранским кладбищем Тентелева деревня, коей место у Нарвских ворот града Св. Петра, про которую сослуживец родителя нашего Петра Федотовича Пруткова коллежский советник Г. Березайский в своем сочинении в аспекте сравнительном заметить соизволил: *«Пошехонье хоть было и Пошехонье; то есть: не Тентелева деревня, не скопище пентюховъ и охреяновъ, а городъ <...> не изъ последнихъ»* (см.: [Березайский В.] Анекдоты или веселые похождения старинных пошехонцов. Издание новое, поправленное, с прибавлением повестей о Щуке и о походе на Медведя и с присовокуплением Забавного Словаря. Сочинение В. Березайскаго. СПб.: в типографии Департамента Внешней Торговли, 1821. С. 103 – К. Прутков, (annus i). С подлинным верно – *N.N.*, медиум – примечание это было получено редакцией от автора путём столоверчения и воспроизведено на корректурных листах настоящего издания – Ред.

¹⁸ Впрочем, по «Краткому некрологу» Козьма Прутков начал службу юнкером в 1816 г. «в одном из лучших гусарских полков».

¹⁹ Там же. С. 333.

<...> Антонида Платоновны, урожденной Проклеветантовой»²⁰. Отсутствие каких-либо дополнительных сведений о характере «нежно любящей супруги» вполне искупает «говорящая» фамилия. Антонида Платоновна является нам «неутешной вдовой», которая «оплакивает своего мужа»²¹, и одновременно «умной женщиной» (по словам духа бывшего директора Пробирной палатки, вещающего с того света), так как она «расходовалась» на молебствия о здравии его начальника и начальнического семейства до официального уведомления о назначении ей единовременного пособия и пенсии за службу умершего мужа²².

Дух Козьмы Петровича также жалуется на некоего родственника жены (не уточняя степень родства) «губернского секретаря Илиодора Проклеветантова», который некогда служил под его начальством, а затем был уволен Прутковым за вольнодумство («по 3-му пункту»²³). «Этот знаменитый родственник» затаил обиду и всё время норовил уесть Козьму Пруткова не только на этом, но и на том свете. Он «хвалился между некоторыми сановными покойниками», что осрамил своего родственника, сообщив через какого-нибудь медиума, что Козьма Петрович «являлся на сеансах Юма²⁴ и под столом играл на гармонике!». Оправдываясь, дух бывшего директора Пробирной палатки, признавая, что такое безобразие действительно

---

²⁰ Там же. С. 343.

²¹ Там же. С. 343.

²² Там же. С. 360.

²³ Третий пункт Положения «О порядке увольнения от службы и определения вновь в оную неблагонадежных чиновников» от 7 ноября 1850 г. – законодательная норма в Российской империи, позволявшая увольнять чиновника по усмотрению начальства без объяснения причин, без мундира и пенсии – см.: *Алексеев П.* Третий пункт // Вестник права и нотариата. 1911. № 37. С. 1111. – прим. ред.

²⁴ Юм, правильно: Хьюм, Дэниел Данглас (англ. Daniel Dunglas Home) (1833–1886) – гастролеровавший по Европе медиум, прославившийся феноменальными способностями к ясновидению и левитации (см., например, ироничные описания сеансов юмовой магии, сделанные А.В. Дружининым – *Дружинин А.В.* Рассказ, перед которым все вымыслы – прах и ничтожество, или правдивое повествование медиума, состоящего в числе сотрудников «Века», о знакомстве с господином Гомом и неописанные чудеса по части столоверчения, духовидения и чернокнижия. (При сем два неизданных стихотворения: одно – Пушкина и одно – Лермонтова)// В кн.: *Собрание сочинений А.В. Дружинина.* СПб. 1867. Т. 8. С. 623–633). Интересно, что в России Хьюм принял православие и был дважды женат на русских: его 1-ой женой (1858) была Александра Кроль (de Kroll) (*ок. 1841–†1862, от туберкулеза), его 2-ой женой (1871) – Юлия Глумелина (de Gloumeline). – *Christiansen R.* The Victorian Visitors. Culture Shock in Nineteenth-Century Britain. London: Atlantic Monthly Press, 2000. P. 142, 147, 154 – прим. ред.

было на сеансе в Париже, среди причин такого своего поведения называет следующую: «я это делал, желая отомстить Наполеону (имеется в виду Наполеон III²⁵ - *И.М.*) за сына моего Парфёна, убитого под Севастополем!»²⁶. Перейдём же и мы к следующему поколению рода Прутковых.

«Брак Козьмы Петровича был благословлен многочадием»²⁷. Взглянем на письмо от потомков Козьмы Петровича Пруткова в редакцию «Современника», предпосланное драме «Торжество добродетели» и датированное 11 октября 1864 г., в котором дети признаются в авторстве ряда прутковских драматических произведений, которые они создали, «подражая во всём незабвенному родителю». В этой записке указываются поименно четверо из сыновей даровитого поэта: «соименник Кузьмы Петровича, Кузьма Кузьмич Прутков», пока остающийся «неизвестным публике», но в котором того и гляди «воскреснет талант <...> знаменитого родителя»; Андроник, «творец комедии “Любовь и Силин”», а также Антон и Агапий, создатели комедии «Фантазия» (о потерянной москве) и драмы «Торжество добродетели»²⁸. В конце послания указано: «Подлинное подписано шестью дочерьми и семью сыновьями Козьмы Петровича Пруткова»²⁹. Следовательно, три сына и шесть дочерей остаются для нас безымянными. Из «Краткого некролога...» известно, что все дочери «отличаются приятной наружностью и высоким образованием, наследованным от покойного отца», в 1863 г. находятся «в зрелых годах» и «могут составить несомненное счастье <...> молодых людей, которым посчастливится соединить свою судьбу с их судьбою»³⁰. К списку детей Козьмы Пруткова присоединим также уже упомянутого выше Парфёна, «убитого под Севастополем» в 1855 или 1856 г.

И, наконец, возникает загадочная фигура Фаддея Козьмича Пруткова, с именем которого связаны «Военные афоризмы» и «Церемониал погребения тела в бозе усопшего поручика и кавалера Фаддея Козьмича П. ....»³¹. В примечании к «Военным афоризмам для г. штаб- и обер-офицеров...» Фаддей Козьмич назван «даровитым сыном гениального отца»³², и отсюда

---

²⁵ Хьюм действительно выступал перед Наполеоном III. – прим. ред.

²⁶ *Козьма Прутков*. Указ. соч. С. 357.

²⁷ Там же. С. 307.

²⁸ Там же. С. 307.

²⁹ Там же. С. 308. В «Кратком некрологе» 1863 г. упоминаются «находящиеся в настоящее время в живых четыре дочки и шестеро сыновей» (*Козьма Прутков*. Указ соч. С. 343). В данном случае будем придерживаться более поздних «Биографических сведений», вошедших в первое издание «Полного собрания сочинений» 1884 г.

³⁰ Там же. С. 343.

³¹ Там же. С. 101–112, С. 113–117.

³² Там же. С. 101.

напрашивается вывод, что отец его был достойнейший Козьма Петрович Прутков. Это заключение, казалось бы, подтверждается тем фактом, что в первоначальном варианте «Проекта: О введении единомыслия в России» имелась фраза : «Так я сказал ещё в 1842 г. сыну своему Фаддею», замененная впоследствии словами: «Так я сказал в 1842 г.»³³ Но «Военные афоризмы...» оканчиваются смертью Фаддея Козьмича, после чего тут же следует «Церемониал погребения...», где отмечено: «Составлен аудитором вместе с полковым адъютантом 22-го февраля 1821 года...»³⁴, а это значит, что даже если поручик и кавалер Фаддей Козьмич умер 18 лет (а надо думать, что он был хотя бы на пару лет постарше), то всё равно родился он не позднее 1803 года, то есть является Козьме Пруткову ровесником. Вообще же, «Церемониал...» является убийственной издевкой над церемониалом погребения Николая I, и, понятно, что дата «1821 год» была поставлена, чтобы завуалировать эту «злую пародию»³⁵. (О печати в данном случае речь вообще не шла). Но в результате в сыновья Козьме Пруткову Фаддей Козьмич не годится по возрасту – слишком стар. По отчеству Фаддей Козьмич подошел бы в братья Федоту Кузьмичу (Козьмичу) (деду), но опять-таки возникает проблема с возрастом – уж слишком молод. Остается предположить, что дед Козьмы Пруткова тоже был «благословлен многочадием» или, по крайней мере, имел, помимо Петра, ещё одного сына – Козьму, чьим сыном и был Фаддей. Что до упоминания о гениальности отца Фаддея Козьмича, то «талант творчества и глубокомыслие суть преемственные и наследственные дары в знаменитом роде Прутковых»³⁶. Таким образом выдвигаем гипотезу, согласно которой Фаддей Козьмич – кузен Козьмы Петровича. А что касается содержания «Военных афоризмов...» с намеками на Польшу 1863 г., то, в конце концов, почему бы внуку не обладать даром прозревать будущее подобно своему деду, который благословил ещё не родившегося «мальчишку Кузьку»? А можно пойти дальше и предположить, что дед, упоминая «мальчишку Кузьку», имел в виду вовсе не Козьму Петровича (своего внука), а младшего своего сына, и тогда всё становится на свои места: дед не нуждается в даре предвидения, а Фаддей обретает законного родителя.

---

³³ Там же. С. 440. А сказал Козьма Петрович следующую мудрую мысль: «Не по частям водочерпательницы, но по совокупности её частей суди об её достоинствах» – примечание Б.Я. Бухштаба, там же. С. 152.

³⁴ Там же. С. 113.

³⁵ Там же, на стр. 442 приводятся слова военного историка Георгия Соломоновича Габаева: «Что касается церемониала погребения в бозе почившего поручика Фаддея Козьмича П...», то для видевших альбом церемониала погребения Николая I не может не быть очевидным, что первое есть не что иное, как злая пародия на второе».

³⁶ Там же. С. 306.

Осталось упомянуть о племянниках Козьмы Пруtkова. Можно положительно утверждать, что Козьма Петрович имел двух сестёр, одна из которых вышла замуж за Ивана Шерстобитова, а другая – за Воскобойникова. У Шерстобитовой было два сына – Калистрат Иванович и Тимофей Иванович Шерстобитовы. Первый был автором «Краткого некролога» своего дядюшки и «Некоторых материалов для биографии К.П. Пруtkова»³⁷. Перу второго принадлежит «Примечание» к «Проекту: О введении единомыслия в России»³⁸. Оба они – «искренне преданные» и «нежно любимые» племянники Козьмы Петровича³⁹. Вторая сестра Козьмы Пруtkова также имела сына – “отставного поручика Воскобойникова”, автора предисловия к «Проекту: О введении единомыслия в России»⁴⁰. Племянники Козьмы Петровича Шерстобитов (не уточняется, который) и Воскобойников являлись «секретарями семейного совета Пруtkовых»⁴¹.

Как писал один из литературоведов, образ Козьмы Пруtkова – это «единственный в истории литературы случай, когда вымышленный авторгерой стал в один ряд с реальными писателями»⁴². Создатели этого образа старались придать ему как можно более типические черты и снабдили подробными биографическими сведениями. Единственное, о чем они не подумали, – это о родословном древе своего персонажа и оставили это занятие для жизнерадостных генеалогов.

---

³⁷ Там же. С. 342–345, 366–376.

³⁸ Там же. С. 345–346.

³⁹ Хотя в «Кратком некрологе...» Калистрат Иванович, подписываясь «искреннейшим племянником» и называя Козьму Пруtkова «миленьким дядей», видно забывшись от чувств, почему-то называет дочерей Пруtkова «любезными моему сердцу племянницами».

⁴⁰ Там же. С. 345.

⁴¹ Там же. С. 308.

⁴² Там же. С. 6 – Предисловие Б.Я. Бухштаба.

Поэтическая преемственность в семье князя И.М. Долгорукова¹

Как связаны между собою генеалогия и литература, каждый понимает по-своему. В своем докладе я буду говорить о том, какое влияние может оказать художественное творчество отца на стилистику и содержание поэтических произведений сыновей.

Речь пойдет о семье известного писателя кн. И.М. Долгорукова (напомню даты его жизни: 1764–1823). Двое из его сыновей тоже много занимались литературным трудом и оставили нам свои сочинения. Один из них, кн. Александр Иванович (1793–1868), писал в стихах и прозе², другой, кн. Дмитрий Иванович (1797–1867), известен прежде всего своим поэтическим наследием³ и письмами⁴. Творчество этих двух отпрысков семьи кн. Долгорукова заслуживает внимания хотя бы потому, что оно достаточно объемно, чтобы получить представление о поэтике каждого из авторов. Это не значит, что больше никто в семье кн. И.М. Долгорукова не занимался литературой. Наоборот, литература была любимым семейным развлечением Долгоруковых, что хорошо вписывалось в контекст дворянской салонной поэзии, развивавшейся во второй половине XVIII – первой половине XIX веков.

Кн. И.М. Долгоруков еще при жизни заслужил репутацию талантливого поэта, его стихи, в особенности обращенные к дамам, были популярны в свете, он получал восторженные отзывы от своих поклонников, а иногда даже удостаивался похвал критиков. В кругу своей семьи кн. И.М. Долгоруков пользовался огромным литературным авторитетом, – безусловно, он

---

* *Наталья Владимировна Кузнецова*, филолог, зав. учебным отделом Петербургского института юдаики.

¹ Из материалов XI Петербургских генеалогических чтений «Генеалогия и литература», Санкт-Петербург, 2007 г

² *Долгорукий А.И., кн. Сочинения в прозе и стихах. Ч. 1–3. М.: Тип. Л. Степановой при Имп. Московских Театрах, 1859.*

³ Последнее издание – *Долгорукий Д.И., кн. Звуки. Стихотворения. СПб.: Тип. II Отделения Соб. Е.И.В. канцелярии, 1863.*

⁴ *Долгорукий Д.И., кн. Письма отцу кн. И.М. Долгорукову 1820–1823 гг., зятю Петру Александровичу Новикову октября 1824 г. и брату кн. Рафаилу (Михаилу) Ивановичу Долгорукову 1825–1826 гг. // Русский архив: Ист.-лит. сб. 1914. Т. I. №3. С. 357–376; №4. С. 458–487; Т. II. №5. С. 7–32; №6–7. С. 209–257; Т. III. №11. С. 338–349; №12. С. 566–582; 1915. Т. I. №1. С. 49–84; №2. С. 259–274; №3. С. 386–402; №4. С. 509–526; Т. II. №5. С. 112–128; №6. С. 195–207.*

был тем образцом, с которым сравнивали себя пишущие члены его семьи. Однако на каждого из них дарование кн. И.М. Долгорукова повлияло по-своему.

Князь Александр усваивает салонную интонацию лирики кн. И.М. Долгорукова. Он сочиняет послания женщинам, друзьям, родственникам. Источником вдохновения для Александра часто служат реплики, брошенные кем-либо из собеседников недавней вечеринки⁵, стихотворные послания, на которые требуется непременно стихотворный ответ⁶, поэтические игры, состоящие в том, что все участники пишут стихи на заданные слова⁷. Конечно, он пишет и в дамские альбомы⁸. Сложение стихов для князя Александра – развлечение; он вовсе не ставит перед собой высоких целей и талант свой оценивает скромно. О том, что перед нами образец типичной «домашней поэзии», свидетельствует, например, поэтический диалог под названием «Два века. Спор с племянником моим Евгением Петровичем Новиковым»⁹. Перед нами восемь довольно длинных текстов, и все о смысле жизни, половина которых принадлежит Александру, другая половина – его племяннику. В это время кн. Александр гостил у своей сестры Антонины Новиковой, в селе Колычево, что следует из контекста. Интересно, что весь этот философский диалог датирован одним числом – 15-го июля 1852 года, это заставляет предположить, что все было сочинено если и не в один день, то довольно быстро. Складывается впечатление, что поэтическая форма в этих обстоятельствах выполняет развлекательную функцию, позволяет обсудить мировоззренческие вопросы, которые в обычном разговоре выглядят скучными и занудными. Подобные поэтические упражнения не предполагают длительной и тщательной работы над текстом, что и наблюдается в творчестве кн. Александра. Это придает его поэзии формальное сходство с поэзией отца, который предпочитал нарочитую небрежность выражений, роднящую поэтическую речь с разговорной.

Творчество кн. И.М. Долгорукова князь Александр воспринимает как эталон. Он пытается всячески подчеркнуть, что он – сын своего отца. Свой сборник кн. Александр посвятил «Жене и другу»¹⁰, явно отсылая к эпи-

---

⁵ См., напр., «Ему же <Петру Петровичу Кондратьеву> (вследствие сказанного им, что язык мой бритва) // Долгорукий А.И., кн. Сочинения... Ч. 1. С. 44–45.

⁶ См., напр., «Ответ» // Долгорукий А.И., кн. Сочинения... Ч. 2. С. 164.

⁷ См., напр., «Княгини <Софье Алексеевны Лъвовоой> (На заданные слова полдень и шесть часов)» // Долгорукий А.И., кн. Сочинения... Ч. 1. С. 101–103; «Не должно верить никому» // Там же. Ч. 3. С. 18–24.

⁸ Долгорукий А.И., кн. Сочинения... Ч. 1. С. 197–206.

⁹ Долгорукий А.И., кн. Сочинения... Ч. 3. С. 217–235.

¹⁰ Долгорукий А.И., кн. Мои счастливейшие минуты в жизни: Стихотворения. М.: Тип. Н. Степанова, 1840. С. 3; *Его же*. Сочинения... Ч. 1. С. 3. Интересно, что

тафии «Отцу и другу»¹¹, которую кн. И.М. Долгоруков написал своему отцу. Раздел, посвященный вдовству, кн. Александр назвал «Сумерки моей жизни»¹², то есть тем же названием, что и сборник кн. И.М. Долгорукова¹³. Это даже можно назвать оправданным, поскольку эта параллель имеет жизненные основания: кн. Иван Михайлович прожил с первой женой 17 лет и потерял ее, а кн. Александр потерял супругу после 18 лет совместной жизни. «Завещание» кн. Александра¹⁴ очень похоже по содержанию на «Завещание» кн. И.М. Долгорукова¹⁵. В обоих стихотворениях говорится о том, что для души, отошедшей в вечность, неважны земные почести, пышность похорон и светские обряды. Князь Александр, цитируя своего отца, пишет, что наилучший памятник на могилу – «ближних искренние слезы».

Среди стихов кн. Александра значительная часть совпадает с названиями стихов отца или отсылает к ним. Широко известно стихотворение кн. И.М. Долгорукова под названием «Я»¹⁶, и у кн. Александра тоже есть стихотворение «Я»¹⁷. В нем он, следуя примеру отца, рассказывает свою биографию, дает сатирическое описание своих внешних и внутренних свойств. Здесь он не упускает момента подчеркнуть даже свое внешнее сходство с кн. И.М. Долгоруковым, которого за выступающую вперед нижнюю челюсть прозвали «князь-балкон», и отмечает, что и у него тоже «Из фронта челюсть выступает».

Поэтическое кредо кн. Александра очень точно сформулировал он сам в стихотворении «Я»:

«Я сын известного творца
Авось, Камина, Завещанья,
И лира звучная отца
Мое богатство, достоянье».

посвящение в обоих сборниках одинаково, но на момент их выхода жены у князя были разные.

¹¹ Долгоруков И.М., кн. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-м году от рождения моего... / Издание подготовили Н.В. Кузнецова, М.О. Мельцин. Отв. ред. В.П. Степанов. Т. 1–2. СПб.: Наука, 2004–2005. Т. 1. 2004. С. 373.

¹² Долгорукий А.И., кн. Сочинения... Ч. 2. С. 261–290.

¹³ [Долгоруков И.М., кн.]. Сумерки моей жизни. М.: Университетск. тип., 1808. Раздел с таким названием входил во все последующие издания его сочинений.

¹⁴ Долгорукий А.И., кн. Сочинения... Ч. 2. С. 283–290.

¹⁵ Долгорукий И.М., кн. Сочинения Долгорукова (князя Ивана Михайловича). Т. I–II. СПб.: А.Ф. Смирдин, 1849. Т. II. С. 70–73.

¹⁶ Долгорукий И.М., кн. Сочинения... Т. I. С. 317–324.

¹⁷ Долгорукий А.И., кн. Сочинения... Ч. 1. С. 7–18.

«Авось», «Камин», «Завещанье» – это названия стихотворений кн. И.М. Долгорукова.

В своих стихах кн. Александр много цитирует кн. И.М. Долгорукова. Подражая отцу, он слишком ориентируется на простоту и ясность слога кн. И.М. Долгорукова, что серьезно обедняет его поэтическую речь. Князь Александр не только не стремится к изобретательству стихотворных форм, но и вообще избегает разнообразия в размерах, ритмах, системах рифмовки (используя почти исключительно перекрестную). Его стихи практически лишены рефлексий и созерцательности, что характерно и для кн. И.М. Долгорукова. Князю Александру удается довольно остроумная светская беседа, облеченная в поэтическую форму, правда, в художественном смысле он несколько банален.

Выражая свои жизненные убеждения, кн. Александр также постоянно подчеркивает сходство с отцом. Его идеал, воспринятый от кн. И.М. Долгорукова, можно сформулировать так: счастлив тот, у кого чистая совесть (ср. у кн. И.М. Долгорукова «Торжество совести»¹⁸), кто умеет подчинить страсти рассудку, во всем соблюдать умеренность, кому нравится жизнь в кругу семьи подальше от суетного и злоязычного света. Об этом, например, его стихотворение «Парфену»¹⁹, которое и по заглавию и по содержанию схоже со стихотворением кн. И.М. Долгорукова²⁰.

К достоинствам поэзии кн. Александра следует отнести его ориентацию на передачу непосредственных жизненных впечатлений, собственных мыслей и чувств. Его стиль прост до примитивности, сюжеты похожи, а мысли все одни и те же. Стихи кн. Александра отделаны просто, практически без помощи художественных средств выражения. Там даже метафора – большая редкость. Его адресат – обычно лицо конкретное, лично знакомое, с которым поэт ведет беседу, чуждую фальши, пошлости или сентиментальной гипертрофии чувств.

Итак, можно сказать, что кн. Александр продолжает традицию своего отца, создавая образцы салонной поэзии и провозглашая нравственные идеалы кн. И.М. Долгорукова.

Теперь поговорим о поэзии другого сына – князя Дмитрия. Она совершенно не похожа на поэзию кн. Александра. По творчеству кн. Дмитрия ясно видно, что перед нами человек, уже читавший Пушкина и Лермонтова, который пользуется лучшими достижениями в разработке русского стиха первой половины XIX века и стилистически тяготеет к романтизму.

---

¹⁸ Долгорукий И.М., кн. Сочинения... Т. I. С. 167–179.

¹⁹ Долгорукий А.И., кн. Сочинения... Ч. I. С. 240–241.

²⁰ Долгорукий И.М., кн. Сочинения... Т. I. С. 254–257.

Он пишет о высоком назначении поэта, о гармонии окружающего мира; любовь, тоска, одиночество связывается с мотивами дальних стран. Кавказ, Иран не только дань романтизму: в этих местах кн. Дмитрий действительно бывал. Он любит сочинять поэтические диалоги, как и кн. Александр, но его адресатами редко бывают приятели и родственники, он предпочитает литературную полемику. Например, замечательно его стихотворение «Памятник»²¹, в котором разрабатывается известная тема назначения поэта и поэзии. Согласно кн. Дмитрию Долгорукову, истинный памятник поэту – совсем не всенародная слава. Велик тот поэт, кому удалось тронуть душу единственного, но самого дорогого человека, «тот памятник, что мы воздвигли в сердце милом». Эта мысль унаследована им от отца, который написал в стихотворении «Незнакомой в уезде»:

«Коль чувства тронуть мог хотя одной души,
Стихи мои уже довольно хороши»²².

В противоположность кн. Александру, кн. Дмитрий активно экспериментирует со стихотворными формами, которые отличаются разнообразием и самобытностью. Значительное количество стихотворений написано белым стихом. Ему не очень близок рационализм кн. И.М. Долгорукова. В творчестве кн. Дмитрия часто встречается апология чувства, которое, с его точки зрения, и делает человека человеком. Для него любовь вполне может стать смыслом жизни. В стихотворении «Я благодарен провиденье...» он написал: «Я жил не даром – я любил»²³. При этом он имеет в виду истинно глубокое чувство, в отличие от кн. И.М. Долгорукова, для которого признание в любви дамам, зачастую вовсе незнакомым, было чем-то вроде формулы вежливости.

В плане поэтики, таким образом, кн. Дмитрий оказывается достаточно далеким от творчества своего знаменитого отца. Однако кн. И.М. Долгоруков все же оказал на него сильное влияние.

Рассмотрим стихотворение кн. Дмитрия «Фили»²⁴. Это тоже литературный ответ, на этот раз своему отцу на его «Завещание». Текст этого стихотворения кн. И.М. Долгорукова многим казался довольно странным. В нем он выразил желание быть похороненным не в Донском монастыре, где хоронили всех Долгоруковых, а на Филях, вдали от родных, и с возможно большей простотой. Это странное завещание кн. Дмитрий осмысливает

---

²¹ Долгорукий Д.И., кн. Звуки. С. 44–45.

²² Долгорукий И.М., кн. Сочинения... Т. I. С. 219.

²³ Долгорукий Д.И., кн. Звуки. С. 153.

²⁴ Там же. С. 35–39.

как желание поэта спрятаться от мирской суеты, остаться в одиночестве, чтобы досужий прохожий не тревожил его покоя. Он объясняет желание отца скрыть место своего захоронения тем, что истинным памятником себе он считал память близких, а не почести равнодушного света. Едва ли кн. Дмитрий неправ, ведь кн. И.М. Долгоруков поступил однажды подобным образом, похоронив свою первую супругу под памятником, на котором не было указано ее имя, специально для того, чтобы никто чужой не бросил нескромного взгляда на драгоценную могилу²⁵.

Князь Дмитрий высоко ставит кн. И.М. Долгорукова как поэта, он пишет:

«Везде, отец, твоя могила
Приимет мзду – души почет;
Зажжет хвала свое кадило;
Кто знал тебя – слезу прольет».

«Завещание» кн. И.М. Долгорукова отразилось еще на одном стихотворении кн. Дмитрия. Он пишет «Подражание»²⁶ (в предыдущих редакциях – «Завещание»²⁷), обозначенное эпиграфом из отцовского стихотворения и цитатами. Оно начинается словами: «Вот здесь, когда меня не станет...» (ср. у кн. И.М. Долгорукова «Вот здесь, когда меня не будет...»). В этом стихотворении кн. Дмитрий выражает свою концепцию поэтической преемственности. Он очень ценит поэтический дар кн. И.М. Долгорукова и считает, что именно этот дар, который у каждого проявляется по-своему, и есть высшее доказательство того, что он продолжает дело своего отца. Пусть кн. Дмитрий ориентируется на другие поэтические образцы, но от отца он получил в наследство самое основное – этот поэтический дар, который накладывает на человека обязательство творить. В стихотворении «Большому свету» кн. Дмитрий пишет:

«Моя мечта! Скажи ты миру,
Как сладок мне души покой;
Как чтить во всем святую лиру –
Наследства мне призыв родной»²⁸.

²⁵ Долгорукий И.М., кн. Повесть... Т. 1. С. 660.

²⁶ Долгорукий Д.И., кн. Звуки. С. 40–42.

²⁷ Под этим названием см. в изданиях: [Долгоруков Д.И., кн.] Звуки. М.: Тип. А. Семена, 1857. С. 27–29; Долгорукий Д.И., кн. Звуки: Стихотворения. М.: Тип. Каткова и Комп., 1859. С. 50–52. В издании Долгорукий Д.И., кн. Звуки: Стихотворения. Изд. испр. и доп. М.: Тип. Каткова и Комп., 1860. С. 40–42 опубликовано уже под названием «Подражание».

²⁸ Долгорукий Д.И., кн. Звуки. С. 95.

Этот «призыв родной» «читать святую лиру» мы можем найти у кн. И.М. Долгорукова в стихотворении «Черты свободного писателя»²⁹. Автор призывает писателя не осквернять своего дара сочинением льстивых и лживых похвал богатым вельможам, писать только правду, чтобы потомки получили истинное представление о добре и зле:

«Ученый муж писать обязан для вселенной
Из пользы лишь одной, для цели той священной,
Чтоб разум и сердца людския убедить,
В согласьи меж собой с благоприязнью жить;
Очистив от скорлуп разврата дики нравы,
Поставить миру храм в пустынях хищной славы».

Для кн. Дмитрия авторитет отца и история семьи имеет огромное значение. Он отдает дань этому сюжету в стихотворении «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая»³⁰, в котором прославляет свою знаменитую прабабку. Князь Дмитрий считает, что пример кн. И.М. Долгорукова воспитал его гораздо лучше всех учителей, поэтому он имеет с ним глубокое внутренне сходство. В стихотворении «Детство» сказано:

«Пример отца, его смиренье
Борьба с неправдой, нищетой,
Мне были лучшим поученьем
И нрав образовали мой»³¹.

Князь И.М. Долгоруков самым лучшим своим стихотворением считал «Камин в Пензе»³², которое и на самом деле очень хорошо. Князь Дмитрий, желая сделать своему отцу приятное, сочиняет свой «Камин»³³, в котором стремится показать, как им поняты образы, созданные кн. И.М. Долгоруковым. В своем поэтическом творчестве кн. Дмитрий старается выразить

---

²⁹ Долгорукий И.М., кн. Сочинения... Т. I. С. 161–167.

³⁰ Долгорукий Д.И., кн. Звуки. С. 30–34.

³¹ Там же. С. 25.

³² *Его же*. Сочинения... Т. I. С. 348–355. Оценку этого произведения самим И.М.Д. см.: *Он же*. Повесть... Т. 1. С. 407–408. Надо отметить, что первоначально стихотворение было напечатано под названием «Камин» (*Долгорукий И.М., кн. Камин*. С франц. переводом Карла Авиата де Ватай. [М.]: Chez Rüdiger et Claudi, 1799. – 23 с.), и только с появлением у автора другого «Камина» сменило название.

³³ Русский архив. 1914. Т. II. №6–7. С. 213–215.

мысли и настроения, присущие и его отцу, однако он пытается облечь их в другие формы.

Таким образом, творчество и кн. Дмитрия, и кн. Александра, оказалось под сильным влиянием мировоззрения кн. И.М. Долгорукова. Оба сына унаследовали от отца нравственные идеалы, систему ценностей и потребность в литературном труде. Князь Дмитрий пытается вписать идеи кн. И.М. Долгорукова в стилистику романтизма, с поэтикой отца его роднит прежде всего содержание. Князь Александр старается формально воспроизводить поэтическую манеру кн. И.М. Долгорукова, но, при всем своем стремлении подражать стихам отца, не вполне справляется со своей задачей. Не обладая большим дарованием, он не всегда замечает, что за внешней простотой поэзии кн. И.М. Долгорукова, напоминающей легкую светскую болтовню, стоит изящество мысли, видение художника и подлинный дар слова.

**Поэтическое творчество князя
Александра Ивановича Долгорукова (1793–1868)
как генеалогический источник¹**

Как это ни странно, в генеалогии детей и внуков князя Ивана Михайловича Долгорукова, известного поэта, много неясного. Даже количество и порядок старшинства его детей до недавнего времени оставалось неизвестным. Теперь, благодаря публикации мемуаров князя Ивана Михайловича², картина с именами и датами рождения детей (а также датами смерти умерших в детстве и юности) прояснилась. Даты смерти пятерых детей, доживших до совершеннолетия (Павла, Александра, Варвары (по мужу Новиковой), Дмитрия и Рафаила-Михаила), тоже известны из разных источников. А вот с датами бракосочетаний и даже с их количеством, а также с количеством, именами и датами рождения княжеских внуков неясностей ещё очень много. Согласно опубликованным родословиям, детей имели только Дмитрий и Варвара, причём Дмитрий – только дочерей. На примере этого семейства очень ярко предстаёт вымирание аристократии: князь Иван Михайлович имел 10 детей, из них 7 сыновей, из них 4 стали взрослыми, из них 3 женились (в общей сложности составив не менее пяти браков), но ни одного внука князя Долгорукова у Ивана Михайловича при этом не было. А ведь речь идёт о старшей линии рода князей Долгоруковых: Иван Михайлович был старшим в роде, его сыновья Павел и Александр – тоже, а после смерти Александра старшим в роде стал князь Алексей Владимирович, его четвероюродный брат. Настоящий доклад призван внести некоторые коррективы в картину вымирания семейства, хотя кардинально она, конечно, не изменится.

К счастью, по крайней мере, двое из сыновей князя Ивана Михайловича унаследовали его страсть к литературному творчеству. И если использование произведений самого Ивана Михайловича (особенно его мемуаров)

---

*Максим Олегович Мельцин, член Совета РГО, доцент Северо-Западный институт печати Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна, декан исторического факультета Петербургского института иудаики.

¹ Из материалов XI Петербургских генеалогических чтений «Генеалогия и литература», Санкт-Петербург, 2007 г.

² Долгоруков И.М., кн. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-м году от рождения моего... / Издание подготовили Н.В. Кузнецова, М.О. Мельцин. Отв. ред. В.П. Степанов. Т.1–2. СПб.: Наука, 2004–2005.

как генеалогического источника уже достаточно отработано, то использование в этом плане поэтического наследия его сыновей пока никем не осуществлялось. В данном докладе будет рассмотрено творчество Александра.

Впервые князь Александр выступил в печати с поэтическим сборником «Мои счастливейшие минуты в жизни» в 1840 году³. Значительное место в его творчестве занимает так называемая «датская» поэзия и послания родственникам и друзьям, однако большинство произведений не датированы, и это затрудняет использование их как источника. В 1859 году князь выпустил уже трёхтомник своих произведений в прозе и стихах⁴. Наконец, за год до смерти он отдельной брошюрой выпустил посвящение друзьям⁵. Вот, собственно, и всё его литературное наследие, если не считать биографии врача А.И. Овера⁶, к теме настоящего сообщения отношения не имеющей.

Первый вопрос, на который удаётся найти ответ, – вопрос о дате первой женитьбы князя. Имя первой жены – Елена Ивановна Колошина – имеется и в генеалогических справочниках⁷, и в мемуарах⁸, и подтверждается

---

³ Долгорукий А.И., кн. Мои счастливейшие минуты в жизни: Стихотворения. М.: В типографии Николая Степанова, 1840. – 133 с.

⁴ Долгорукий А.И., кн. Сочинения князя Александра Ивановича Долгорукого в прозе и стихах. Ч. I–III. М.: В типографии Л. Степановой при Императорских Московских Театрах, 1859. Ч. I. – 281, [1], V с. Ч. II. – 290, III с. Ч. III. – 298, III с.

⁵ Долгорукий А.И., кн. Тризна по друзьям отшедшим [Бехтееву и Гагарину] на память оставшимся Ивану Петровичу Хомутову и Михайлу Дмитриевичу Козловскому. М.: Типография Л. Степановой, 1867. – [6] с.

⁶ Долгорукий А.И., кн. Александр Иванович Овер: [Биография]. М.: Типография В. Готье, 1865. – 43 с.

⁷ Власьев Г.А. Потомство Рюрика: Материалы для составления родословий. Т. I: Князя Черниговские. Ч. 1–3. СПб., 1906–1907. Ч. 3: Князя Долгоруковы, Щербатовы, Тростенские, Волконские. СПб., 1907. С. 145; [Аргутинский-] Долгорукой Ф.С., кн. Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. Ч. II. СПб., 1913. С. 92; Долгоруков П.В., кн. Российская родословная книга, издаваемая Князем Петром Долгоруковым. Ч. I–IV. СПб., 1854–1857. Ч. I: Список фамилиям, входящим в состав Российской родословной книги. Гл. I: Фамилии российско-княжеские [начало]. СПб., 1854. С. 101; Ermerin R.-I. Annuaire de la Noblesse de Russie. A.I–II. SPb., 1889–1892. A.I: Contenant les Princes de l'Empire augmenté d'un grand nombre de notice sur les familles alliées. SPb., 1889. P.91.

⁸ Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово / Издание подготовила Т.И. Орнатская. Л.: «Наука», ЛО, 1989. С.267.

стихами самого князя⁹. А вот о дате этой женитьбы сведения были весьма скудны: лишь в «Рассказах бабушки» говорится, что женился он «после холеры»¹⁰, да в «Сенатских объявлениях о запрещениях не имения» его жена упоминается в декабре 1833 г. как княгиня Долгорукова, а в соответствующих объявлениях о разрешениях упоминается заклад ею имения в июне 1832 г., и в этом упоминании она названа княгиней¹¹.

Несмотря на обилие стихов, посвящённых Елене Ивановне, сначала невесте, потом жене, потом её памяти, в том числе и в годовщину свадьбы, точной даты этой свадьбы князь Александр нигде не назвал. Впрочем, в одном стихотворении названо число без года – 3 июня¹². Исходя из известных уже данных, можно предположить, что это был июнь 1832 года, хотя не исключён и более ранний год¹³. В других стихах князя имеются указания, что это именно 1832-й: в 1837 году на Пасху он написал, что они вместе уже пять лет¹⁴, в стихотворении «Я женатый», написанном осенью свадебного года, он сообщил, что ему *скоро* сорок лет¹⁵ (он родился 7 июня 1793 года¹⁶), в стихах и посвящении памяти жены написал, что они прожили

---

⁹ Долгорукий А.И., кн. Сочинения... Ч. I. С. 22, 24; Ч. II. С. 265, 270.

¹⁰ Рассказы бабушки... С. 267.

¹¹ Сенатские объявления о запрещениях на имения. 1834 г. № 13 (31.03.1834). С. 758; Сенатские объявления о разрешениях на имения. 1837 г. №30 (24.07.1837). С. 648.

¹² Долгорукий А.И., кн. Сочинения... Ч. II. С. 270 (стихотворение «3-го июня – день, в который я на ней женился»).

¹³ Свадьба не могла состояться во время Петрова поста. Заговенье на Петров пост происходит через неделю после Троицы, в 1831 году оно было 14 июня, а в 1832 году – 5 июня. Таким образом, венчаться 3 июня было возможно и в том, и в другом году.

¹⁴ Долгорукий А.И., кн. Сочинения... Ч. I. С. 27 (стихотворение «Ей же» [Жене] 1837 года, на Пасху).

¹⁵ Там же. Ч. II. С. 24, 28 (стихотворение «Я женатый»).

¹⁶ Долгоруков И.М., кн. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-м году от рождения моего... / Издание подготовили Н.В. Кузнецова, М.О. Мельцин. Отв. ред. В.П. Степанов. Т. 1–2. СПб.: Наука, 2004–2005. Т. 1: [Вступление, 1764–1806]. 2004. С.336; Власьев Г.А. Указ. соч. Т. I. Ч. 3. С. 145; [Аргушинский-]Долгорукой Ф.С., кн. Указ. соч. С.92; Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. I – / Гл. ред. П.А. Николаев. М., 1989– . Т.П: Г – К. М.: Фанит, Большая российская энциклопедия, 1992. С. 147.

18 лет¹⁷ (княгиня Елена Ивановна умерла в октябре 1850 года¹⁸). Из стихотворения «Я женатый» мы узнаём и место бракосочетания – Москва¹⁹.

Гораздо более важная генеалогическая информация содержится в других стихах. В недатированном стихотворении «Мой кабинет», перечисляя свои жизненные утраты, князь пишет:

А вот вдобавок к огорченьям
И Саша мой лежит в гробу,
И чем бы быть мне утешеньем,
Могилу вырыл я ему²⁰.

Наиболее естественное истолкование этих строк – что у князя был сын Александр, который умер. Согласно генеалогическим справочникам, однако, детей у него не было. Может, это внебрачный сын? Тем более, что обеим женам кн. Александра Ивановича к моменту замужества было или под сорок, или за сорок... Но в том же томе обнаруживается датированное 23-м декабря 1857 года стихотворение «Сашиньке»²¹, целиком посвящённое этому умершему сыну и заканчивающееся четверостишием:

В жизни скорбной и унылой
Не забуду я тебя;
Так прости, мой ангел милый,
Помолися за меня²².

---

¹⁷ Долгорукий А.И., кн. Сочинения... Ч. II. С. 9–10 (стихотворение «Мой кабинет»), 263 (текст посвящения «Елене»), 265 (стихотворение «26-го февраля, в день ея рождения»).

¹⁸ Ссылка на свидетельство о смерти называет 9 октября // Архив СПбФ ИРИ РАН. Колл. 238: Н.П. Лихачев. Оп. 2. Картон 133. Ед. хр. 3: О наследовании имения княгини Елены Ивановны Долгорукой, урожденной Колошиной, в Кинешемском уезде Костромской губ. Л.4; эта же дата многократно упоминается в прошениях её родственников // Там же. Л. 1, 20, 40, 43; она же указана на надгробии и опубликована в: [Саитов В.И., Модзалевский Б.Л.] Московский некрополь. Т. I–III. М., 1907–1908. Т. I: А – I. СПб., 1907. С. 390. Тем не менее генеалогические справочники называют 10 октября // Власьев Г.А. Указ. соч. Т. I. Ч. 3. С. 145; [Аргутинский-]Долгорукой Ф.С., кн. Указ. соч. С. 92, Долгоруков П.В., кн. Российская родословная книга... Ч. I. С. 101, Ermerin R.-I. Annuaire... A.I, P. 91. Для задач данного доклада эта разница не существенна.

¹⁹ Долгорукий А.И., кн. Сочинения... Ч. II. С. 28–30 (стихотворение «Я женатый»).

²⁰ Там же. Ч. II. С. 12 (стихотворение «Мой кабинет»).

²¹ Там же. Ч. II. С. 257–258.

²² Там же. Ч. II. С. 258 (стихотворение «Сашиньке»).

Тут уже сомнения в законности его происхождения отпадают, и вот почему. В «Московском некрополе» значится погребённым в Донском монастыре князь Александр Долгорукой, отрок, умерший 24 декабря 1857 года, на надгробии которого – мраморный бюст с эпитафией:

В жизни скорбной и унылой
Не забуду я тебя;
Так прости, мой ангел милый,
И молися за меня»²³.

Так как на надгробии не указано отчество, определить, из какого именно семейства этот умерший отроком князь Александр Долгорукий, было бы практически невозможно, если бы не эпитафия, явно указывающая на то, что это – тот самый «Сашинька» – ранее неизвестный князь Александр Александрович Долгоруков. Хотя бросается в глаза, что эпитафия написана за день до смерти отрока, это может быть вызвано отсчётом дня, указанного на надгробии, с вечера. На надгробии он назван князем Долгоруким – то есть был, очевидно, законным сыном.

Однако загадки и недоумения на этом не заканчиваются. На надгробии юный князь Александр Александрович назван отроком. Строго говоря, это означает, что ему от 7 до 15 лет²⁴, то есть он – от первого брака (второй раз князь женился в 1854 году²⁵). Правда, само стихотворение «Сашиньке» скорее обращено к совсем маленькому ребёнку, он не предстаёт в нём, собственно, отроком – только малышом. Кроме того, первая жена князя Александра Ивановича 1790 года рождения²⁶, она вышла замуж 42-х лет и, если и имела детей, то, очевидно, в первые годы брака – но тогда по-

---

²³ [Саитов В.И., Модзалевский Б.Л.] Указ. соч. Т. I. С. 392.

²⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в четырёх томах. Т. II: И – О. М.: «Цитадель», 1998. [Репр. с: СПб.–М.: Т-во М.О. Вольф, 1914]. Стлб. 1949.

²⁵ Высочайшее разрешение на брак фрейлины баронессы Анны Львовны Бодэ с князем Александром Ивановичем Долгоруковым было дано 27 марта 1854 г., и 4 апреля ей пожаловано на приданое 3428 руб. серебром // РГИА. Ф. 472: Канцелярия Министерства Императорского двора. Оп. 4. Д. 277: О дозволении фрейлинам вступать в брак. Л. 11, 13, 15; с другой стороны, в книге *Долгоруков П.В., кн.* Российская родословная книга... Ч. I. С. 101 она уже названа женой кн. Александра Ивановича, а часть I вышла в том же 1854 году.

²⁶ В ссылке на свидетельство о смерти сказано, что она умерла в возрасте 60 лет // Архив НИА СПбИИ РАН. Колл. 238. Оп. 2. Картон 133. Ед. хр. 3. Л. 4. Князь Александр называет и дату рождения – правда, без года: 26 февраля // *Долгорукий А.И., кн.* Сочинения... Ч. II. С.265 (стихотворение «26-го Февраля, в день ея рождения»).

койному Александру не могло быть меньше двадцати лет (скорее всего, 23–24). К такому человеку неприменимо слово «отрок», к тому же не обнаружено никаких его следов в адрес-календарях (последнее, конечно, ничего не значит – он мог служить в армейской службе или не служить). Нельзя не отметить, что ни в одном стихотворении князя Александра Ивановича живой Саша не упоминается, нигде нет даже намёка на наличие у него детей. В недатированном стихотворении «Завещание»²⁷ князь упоминает буквально всех – друзей, жену, крепостных, слугу (про последнего сказано: «Ты прослужил мне сорок лет»²⁸, что позволяет датировать стихотворение не ранее чем 1840-ми годами) – но не упоминает сына, что, казалось бы, можно объяснить только тем, что в момент написания сына у него или ещё, или уже не было. К сожалению, стихотворение написано так, что по нему нельзя даже сказать, написано оно ещё при жизни первой жены или уже во втором браке.

Дополнительным фактором выступает ещё одно обстоятельство. Князь Алексей Владимирович (тот самый, который в 1868 году стал бы старшим в роде князей Долгоруковых, если б не был с 1863 года лишён титула за двоежёнство; впрочем, в 1872 году он будет помилован²⁹), посвящая свою вышедшую в 1853 году (цензурное разрешение – 1 декабря 1852 года³⁰) книгу своему четвероюродному брату князю Александру Ивановичу, назвал его старейшим в роде, а себя – четвертым по родостарейшинству³¹. У князя Александра Ивановича был живой тогда младший брат Дмитрий, но больше в их поколении между ними никого живых не было, не было в живых и их родителей и дядьев. Единственное обоснование того, что князь Алексей Владимирович назвал себя четвертым, а не третьим, может состоять в наличии сына либо у князя Александра Ивановича либо у князя Дмитрия Ивановича. Согласно генеалогическим справочникам, у Дмитрия не было сыновей. Но посвящение это написано до второго брака князя Александра Ивановича. Если оно имеет в виду именно «Сашиньку», то он родился от первого брака. Либо надо предположить наличие другого сына

---

²⁷ Долгорукий А.И., кн. Сочинения... Ч. II. С. 283–290.

²⁸ Там же. Ч. II. С.288 (стихотворение «Завещание»).

²⁹ Отношение С.-Петербургского окружного суда // РГИА. Ф. 759: Собственная его императорского величества канцелярия по Учреждениям императрицы Марии. Оп. 41. Д. 311: По просьбе состоявшего магнетизером при больницах СПб. учрежденный ведомства «императрицы Марии» князя Долгорукого о дозволении ему носить мундир и о выдаче аттестата. Л. 12-12об. Копия извещения о помиловании // Там же. Л. 3.

³⁰ Долгорукий А.В., кн. Фамильные заметки. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1853. С. 2.

³¹ Там же. С. 8.

у Александра или сына у Дмитрия. Никаких сведений об этих сыновьях не имеется, и это предположение чисто умозрительное.

В настоящий момент тайна рождения Александра разгадана не полностью: он как будто рождён, причём законно, в годы, когда супруге князя Александра Ивановича было за 50. Тем не менее, мы имеем не только новую фигуру в роду князей Долгоруковых, но князя, старшего в своём поколении, так сказать, «престолонаследника», которому лишь смерть помешала стать со временем старшим в роде князей Долгоруковых.

Не менее запутана история и с браками князя Дмитрия Ивановича, младшего брата Александра Ивановича. Согласно генеалогическим справочникам, их было два: первый, заключённый 9 января 1844 года³², – с голландской подданной Марией Ивановной Десворт-Сальт-Бомель³³; второй – с Софией Никаноровной Мясоедовой, урождённой Хитрово³⁴. При этом генеалогические справочники показывают у князя Дмитрия трёх дочерей: Евгению, Наталию³⁵ и Екатерину³⁶. Годом рождения второй показан 1849-й, последней – 1859-й³⁷, год рождения старшей в справочниках не указывается. Замужем была только старшая, за Сергеем Александровичем Апряниным³⁸. Многочисленные формулярные списки отца называют датой

³² Власьев Г.А. Указ. соч. Т. I. Ч. 3. С. 146; [Аргутинский-]Долгорукой Ф.С., кн. Указ. соч. С. 93

³³ Власьев Г.А. Указ. соч. Т. I. Ч. 3. С. 146; [Аргутинский-]Долгорукой Ф.С., кн. Указ. соч. С. 93. Формулярный список о службе ее мужа 1847 года // РГИА. Ф. 1349: Формулярные списки чинов гражданского ведомства (коллекция). Оп. 5. Д. 5720: Формулярные списки Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Л. 105; Формулярный список о службе ее мужа от 31.08.1850 // Там же. Д. 3131. Л. 62; Формулярный список о службе ее мужа от 30.09.1853 // Там же. Д. 5513: Формулярные списки Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Л. 47 называют ее Марией Ивановной Десворт, голландской подданной

³⁴ Власьев Г.А. Указ. соч. Т. I. Ч. 3. С. 146; [Аргутинский-]Долгорукой Ф.С., кн. Указ. соч. С. 93, Лобанов-Ростовский А.Б. кн. Русская родословная книга. Т. I–II. Изд. 2-е. СПб., 1895. Т. II: Н – Я. С. 330, см. также Мурзанов Н.А. Словарь русских сенаторов. [Рукопись]. // ОР РНБ: 1971. 7². Л. 116 об.

³⁵ Власьев Г.А. Указ. соч. Ч.3. С.165; [Аргутинский-]Долгорукой Ф.С., кн. Указ. соч. С. 103; Долгоруков П.В., кн. Указ. соч. Ч. I. С. 104.

³⁶ Власьев Г.А. Указ. соч. Ч. 3. С. 165; [Аргутинский-]Долгорукой Ф.С., кн. Указ. соч. С. 103.

³⁷ Власьев Г.А. Указ. соч. Ч. 3. С. 165; [Аргутинский-]Долгорукой Ф.С., кн. Указ. соч. С.103.

³⁸ [Аргутинский-]Долгорукой Ф.С., кн. Указ. соч. С. 103. Другие генеалогические справочники называют его фамилию иначе: Апрянинов // Власьев Г.А. Указ. соч. Т. I. Ч. 3. С. 165, Долгоруков П.В., кн. Российская родословная книга... Ч. IV. С. 418.

её рождения 19 сентября 1832 года³⁹, а датой рождения её сестры – 16 мая 1849 года⁴⁰. В любом случае, даже если полагать здесь ошибку, факт упоминания замужества старшей из сестёр в четвертой части «Российской родословной книги», вышедшей в 1857 году, делает крайне маловероятным её рождение после 1844 года. Получается, что она рождена задолго до первого брака своего отца. То ли был ещё один брак, о котором не сообщают справочники, то ли, как предполагается в каталоге выставки «Воспоминания об Италии», «брак Д.И. Долгорукова и М.И. Десворт-Сальт-Бомель был признан в России в 1844, а совершился ранее (такие прецеденты известны)»⁴¹. В пользу этого предположения говорит и то, что Мария – голландская подданная, а князь в 1831–1838 годах служил при российской миссии в Гааге⁴². Логично, что он познакомился с нею тогда. Затем в 1838–1843 гг. он служил в Неаполе⁴³, в 1843–1845 гг. – в Констан-

---

³⁹ Формулярный список о службе кн. Д.И. Долгорукова от 31.08.1850 // Ф. 1349. Оп. 5. Д. 3131: Формулярные списки Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Л. 62; Формулярный список о службе кн. Д.И. Долгорукова от 30.09.1853 // Там же. Д. 5513. Л. 47; Формулярный список о службе кн. Д.И. Долгорукова от 27.11.1856 // Там же. Оп. 3. Д. 705: Формулярные списки: Долгов, Ф.Я. – Долгорукий, Я.А. Л. 99. В формулярном списке о службе кн. Д.И. Долгорукова 1847 года не фигурирует // РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 5720. Л. 105.

⁴⁰ Формулярный список о службе кн. Д.И. Долгорукова от 31.08.1850 // Ф. 1349. Оп. 5. Д. 3131. Л. 62; Формулярный список о службе кн. Д.И. Долгорукова от 30.09.1853 // Там же. Д. 5513. Л. 47; Формулярный список о службе кн. Д.И. Долгорукова от 27.11.1856 // Там же. Оп. 3. Д. 705. Л. 99. В формулярном списке о службе кн. Д.И. Долгорукова 1847 года не фигурирует // РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 5720. Л. 105; Надгробие на кладбище Донского монастыря. Кроме того, директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел Лев Григорьевич Сенявин в письме к кн. Д.И. Долгорукову (тогда послу в Персии) от 13.07.1849 писал: «Сейчас получил я, любезнейший князь, письмо Ваше от 18 мая и поспешаю от души поздравить Вас с новорожденною. Дай Бог ей здоровья и счастья, а Вам утешения» // Русский архив: Ист.-лит. сб. 1916 г. №1. С. 117.

⁴¹ Воспоминания об Италии: Свидетельства: [Кат. выст.: К 300-летию Санкт-Петербурга / Авт. аннот.: Григорий Голдовский и др.; Пер. с ит. Анна Речнова]. СПб.: Palace edition, 2003. С. 83.

⁴² Формулярный список о службе 1847 года // РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 5720. Л. 106об.–107, 108об.–109; Формулярный список о службе от 31.08.1850 // Там же. Д. 3131. Л. 63об.–64, 65об.–66; Формулярный список о службе от 30.09.1853 // Там же. Д. 5513. Л. 48об.–49, 50об.–51. Формулярный список о службе от 27.11.1856 // Там же. Оп. 3. Д. 705. Л. 104об.–105, 106об.–107.

⁴³ Формулярный список о службе кн. Д.И. Долгорукова 1847 года // РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 5720. Л. 108об.–110; Формулярный список о службе кн. Д.И. Долгорукова от 31.08.1850 // Там же. Д. 3131. Л. 65об.–66. Формулярный список о службе

тинополе⁴⁴, затем был назначен в Тегеран⁴⁵. Выходит, брак с голландской подданной человека, семь лет прослужившего в Голландии, состоялся (или был узаконен) в период службы при миссии в Константинополе. Казалось бы, вероятнее, что именно был узаконен, а состоялся раньше. С другой стороны, 17-летняя разница в возрасте между сёстрами (при отсутствии других детей) делает более вероятным их рождение от разных матерей. Надо также отметить, что в формулярном списке 1847 года указано, что он «женат на голландской уроженке Марии Десворт», но ничего не сказано о дочери⁴⁶. Очевидно, к 1847 году дочь ещё не была узаконена. Другие известные формулярные списки указывают двоих дочерей, причём согласно списку 1850 года, жена и старшая дочь протестантского исповедания, а младшая – православного⁴⁷, согласно же спискам 1853 и 1856 годов, все члены семьи православные⁴⁸. В этой довольно запутанной ситуации есть ещё одна деталь: недатированное стихотворение князя Александра Ивановича «К брату Кн. Дмитрию Ивановичу Долгорукому» начинается строками:

кн. Д.И. Долгорукова от 30.09.1853 // Там же. Д. 5513. Л. 50об.-51. Формулярный список о службе кн. Д.И. Долгорукова от 27.11.1856 // Там же. Оп. 3. Д. 705. Л. 106об.-109

⁴⁴ Формулярный список о службе кн. Д.И. Долгорукова 1847 года // РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 5720. Л. 109об.-110. Формулярный список о службе кн. Д.И. Долгорукова от 31.08.1850 // Там же. Д. 3131. Л. 65об.-67. Формулярный список о службе кн. Д.И. Долгорукова от 30.09.1853 // Там же. Д. 5513. Л. 50об.-52. Формулярный список о службе кн. Д.И. Долгорукова от 27.11.1856 // Там же. Оп. 3. Д. 705. Л. 107об.-110

⁴⁵ Формулярный список о службе 1847 года // РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 5720. Л. 109об.-110. Формулярный список о службе от 31.08.1850 // Там же. Д. 3131. Л. 66об.-67. Формулярный список о службе от 30.09.1853 // Там же. Д. 5513. Л. 51об.-52. Формулярный список о службе от 27.11.1856 // Там же. Оп. 3. Д. 705. Л. 108об.-110

⁴⁶ Формулярный список о службе кн. Д.И. Долгорукова 1847 года // РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 5720. Л. 105.

⁴⁷ Формулярный список о службе кн. Д.И. Долгорукова от 31.08.1850 // РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 3131.

⁴⁸ Формулярный список о службе кн. Д.И. Долгорукова от 30.09.1853 // РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 5513. Л. 47; Формулярный список о службе кн. Д.И. Долгорукова от 27.11.1856 // Там же. Оп. 3. Д. 705; Формулярные списки: Долгов, Ф.Я. – Долгорукий, Я.А. Л. 99.

И так, мой друг, твой брак свершился
И дань любви ты заплатил;
Ты с одиночеством протился,
К нам в полк женатых поступил⁴⁹,

а сам князь Александр впервые женился 3 июня 1832 года, то есть первый брак Дмитрия был явно совершен позже. Даже если это произошло относительно вскоре, дочь, родившаяся 19 сентября 1832 года, законной быть всё равно не может. Поэтому, очевидно, её узаконение потребовало отдельной процедуры.

---

⁴⁹ Долгорукий А.И., кн. Сочинения... Ч. I. С. 87 (стихотворение «К брату Кн. Дмитрию Ивановичу Долгорукому»).

**Воспоминания В.Н. Обуховой
как источник по истории дворянского рода Обуховых
и их московского окружения
(по материалам книги
«Обломки давно минувших дней»)¹**

Из нескольких ветвей большого рода ОБУХОВЫХ московские Обуховы («Обуховы-Трофимовичи» по семейной терминологии) не были самыми многочисленными или самыми состоятельными, но именно они оставили, несомненно, самый заметный след в русской культуре и искусстве. Достаточно назвать певицу Надежду Андреевну Обухову – без сомнения самую известную из московского «обуховского клана», имя которой навсегда вписано в историю русского искусства XX века. Об истории этой семьи и повествуют воспоминания Веры Николаевны Обуховой, урожденной Хвошинской – жены одного из четырех братьев-Трофимовичей, составивших «костяк» этой «старостоличной» ветви рода – вышедшие в Москве в 2001 г. благодаря стараниям наследницы московских Обуховых – Софьи Анатольевны Кельчевской-Гальцевой².

Обуховы, ведущие свое начало с середины XV века из Переяславского и Ростовского (а, затем, Юрьевского (Юрьево-Польского)) уездов, обосновались в Московской губернии в первой половине XIX в. и к началу XX столетия были известной московской фамилией. Произошло это, в первую очередь, благодаря их вкладу в культурную жизнь старой столицы, а также их родственным и общественным связям с известными деятелями культуры и искусства того времени. Из их родственно-семейного окружения следует назвать такие фамилии, как Боратынские, Хвошинские, Головины, Перфильевы, бар. Шёппинг, Кельчевские. Частыми гостями в их подмосковном имении Миловидово-Новое (о котором подробнее будет сказано ниже) были Анна и Федор Тютчевы (дети поэта Ф. Тютчева), Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886), известный публицист, один из лидеров славянофилов, сын автора «Семейной хроники» и «Детские годы Багрова-

---

* *Алексей Юрьевич Плотников* – кандидат исторических наук, Всероссийская академия внешней торговли, член РГО, действительный член ИРО в Москве

¹ Из материалов XI Петербургских генеалогических чтений «Генеалогия и литература», Санкт-Петербург, 2007 г.

² *Обухова В.Н.* Обломки давно минувших дней. Жуковский: Авиационный Печатный Двор, 2001.

внука». Их друзьями были братья Шереметевы Борис и Николай, сыновья композитора Б.С. Шереметева, и Алексей Жемчужников (известный поэт и драматург, один из создателей «Козьмы Прутков»).

Все московские Обуховы, о которых пойдет речь, происходят от Ивана Трофимовича Обухова (1776–1826) – «полковника и кавалера», участника войн конца XVIII – начала XIX веков, поселившегося в Москве после отставки в 1811 г., ставшего родоначальником не только «новомосковской», но и саратовской ветви рода. Сразу скажем, что в кругу потомков Ивана Трофимовича, достаточно редкое в дворянской среде имя «Трофим» употреблялось на протяжении четырех поколений)³.

Обуховы-Трофимовичи были разносторонне образованной и одаренной семьей. Почти все они были так или иначе связаны с имением Миловидово-Новое Клинского уезда, бывшим, по сохранившимся воспоминаниям, их любимым семейным местом отдыха и встреч. В Миловидово они продолжали жить некоторое время и после революции.

О Миловидово следует сказать подробнее. Имение это, основанное во второй половине XIX века и находившееся в версте от станции Подсолнечная Николаевской железной дороги, включало расположенный на берегу пруда усадебный дом, построенный в 1880-х годах в английском стиле, регулярный благоустроенный парк с дорожками и цветочными клумбами и большой яблоневый питомник. Сажены деревьев и цветов из этого питомника в начале XX века продавались в Москве и Московской губернии⁴. При въезде в усадьбу располагались красивые въездные ворота с двумя башенками в псевдоготическом стиле.

Миловидово-Новое возникло недалеко от имения Абрама Петровича Хвоцинского (деда В.Н. Обуховой) и Трофима Ивановича Обухова (отца четырех братьев Обуховых) – сельца Миловидовка Солнечногорской волости, где в начале XX в. располагался «санаторий для нервных больных на 100 человек». Ранее, в первой половине XX в., Трофиму Ивановичу принадлежало также старинное село (потом деревня) Обухово, расположенное чуть дальше («в пяти верстах») от станции Подсолнечная.

Первоначально, после смерти в 1887 г. Трофима Ивановича Обухова, Миловидово-Новое находилось в совместном владении его сыновей Сергея, Александра, Бориса и Андрея Трофимовичей, затем, с конца XIX в., принадлежало Сергею Трофимовичу Обухову и его жене Надежде Николаевне, урожденной Хвоцинской.

---

³ Архив Обуховых // ЦГИА Москвы. Ф. 4. Оп. 8. Д. 1022; РГИА. Ф. 1343. Оп. 26/2, Д. 2985, 2989.

⁴ Каталог питомника в имении «Миловидово-Новое» С.Т. и Н.Н. Обуховых. М.: Издание Московского автомобильного общества, 1913.

На родной сестре Надежды Николаевны – Вере Николаевне Хвощинской – был женат родной брат Сергея, автор известного романа «Калитка», Александр Трофимович Обухов. Таким образом, двое родных братьев-Обуховых были женаты на двух родных сестрах Хвощинских.

Хвощинские были известной московской семьей, главное подмосковное имение которых, всего 5 верст от Дорогомиловской заставы, – Волыньское в Кунцево – располагалось рядом с таким известными сооружениями, как Ближняя дача Сталина в Давыдково и Волыньская больница (Клиническая больница №1 Управления делами Президента РФ) в современном московском районе Кунцево.

Популярность Миловидова-Нового, которое, кроме Обуховых и их ближайших родственников, как отмечалось, посещали многие известные лица (главным образом деятели искусства), во многом связана с деятельностью старшего из братьев, Сергея Трофимовича Обухова (1855–1928). Как и отец, Сергей Трофимович начал службу военным (закончил Московское Александровское военное училище), вышел в отставку штабс-капитаном. Параллельно с военной службой, в 1880-х гг. Сергей Трофимович учился в московском Училище живописи и ваяния, его учителем, в частности, был преподававший в Училище А.К. Саврасов. В Училище он познакомился с И.И. Левитаном, который в конце 1890-х гг., незадолго до своей смерти, посетил Миловидово-Новое.

Сергей Трофимович был сам неплохим художником, писавшим, в основном, пейзажи. С Сергеем Трофимовичем связано и посещение Миловидова в 1910-х гг. известным художником Константином Коровиным.

Сергей Трофимович не чурался общественной деятельности – следует отметить его участие в выборных дворянских организациях: в 1884–1890 гг. он был депутатом московского дворянства от Клинского уезда, в 1905–1908 гг. – помощником Клинского уездного предводителя дворянства, в 1915–1917 гг. – кандидатом в предводители дворянства Клинского уезда.

Главной государственной службой Сергей Трофимовича была его деятельность в 1910–1917 гг. на постах управляющего Московской конторой Дирекции императорских театров (к которой относились Большой и Малый императорские театры) и директора Московского театрального училища, где, по отзывам современников, он проявил себя талантливым организатором (в частности, немало способствовал поддержке и поощрению молодых исполнителей), чему, в немалой степени, способствовала его работа в прошлом (в 1890-х – начале 1900-х гг.) в качестве оперного певца,

солиста в театрах «Ла Скала» и Большом (сценические псевдонимы Орби-лиар и Волынский)⁵.

Сергей Трофимович Обухов с семьей эмигрировал в 1922 г. и умер во Франции в 1928 г.⁶ У Сергея Трофимовича от брака с Надеждой Николаевной Хвоцинской была одна дочь – Елизавета Сергеевна (1882–1949), замужем за М.П. Штером, умершая в эмиграции во Франции⁷.

Брат Сергея Тимофеевича, часто бывавший в Миловидове, упоминавшийся автор известного романа «Калитка» (1906), который был любимым в репертуаре Н.А. Обуховой – Александр Трофимович Обухов – младший из братьев – окончив военное училище, служил в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку в Варшаве. Выйдя в отставку, перешел на службу в Московское земство. В 1901–1916 гг. служил земским начальником Московского уезда, в 1912 г. был произведен в статские советники⁸. Александр Трофимович умер в Москве в 1929 г. и был похоронен на «Обуховском участке» Ваганьковского кладбища (где после революции похоронено большинство московских Обуховых).

Александр Трофимович вместе с женой и детьми – Юрием Александровичем Обуховым и Варварой Александровной Обуховой (1901–1988), актрисой Малого театра, народной артисткой РСФСР – был, вероятно, последним их Обуховых, посещавших Миловидово после революции.

В начале 1900-х и 1910-х гг. посещала Миловидово-Новое и самая известная певица из семьи московских Обуховых, дочь Андрея Трофимовича, выдающаяся представительница русской вокальной школы Надежда Андреевна Обухова (1886–1961). Её дед по материнской линии – Адриан Семенович Мазараки (1835–1906) – музыкант, меценат, основатель Воронежского филармонического общества.

По имеющимся сведениям, Миловидово, незадолго до своего отъезда за границу во Францию в 1918 г., посещал сын Бориса Трофимовича – Николай Борисович Обухов (1893–1954, Париж) – известный в первой половине XX века композитор и музыкант, представитель русского музыкального авангарда, выпускник Петербургской консерватории (ученик М. Штейнберга и Н. Черепнина), близко знавший М. Равеля, изобретатель первых электроакустических музыкальных инструментов (его любимым

---

⁵ Адрес-календарь и памятная книжка Московской губернии; Вся Москва. 1900–1917.

⁶ Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997 в 6 томах. Т. 5. Н – Пер. М.: «Пашков дом», 1999. С. 193.

⁷ *Ikonnikov N.* NDR la Noblesse de Russie. Tome L. 1. Oboukhov. Paris, 1960; Воспоминания И.Я. Обуховой. Рукопись. 1970.

⁸ Памятная книжка Московской губернии; Вся Москва. 1900–1917.

инструментом был так называемый “Сгоіх sonoge” – «Звучащий крест»), один из создателей новой (двенадцатитоновой) композиторской техники XX в., автор многочисленных камерных музыкальных произведений и неоконченной оратории «Книга жизни». Памятник в виде «Сгоіх sonoge» установлен на его могиле на парижском кладбище Сен-Клу⁹.

В заключении следует также сказать о Якове Николаевиче Обухове (1857–1934), двоюродном брате «Трофимовичей» (сыне родного брата Трофима Ивановича – Николая Ивановича Обухова), помощнике военного прокурора Московского военного округа (1896–1905), генерал-майоре, члене Совета и смотрителе Дома призрения московского дворянства имени гвардии полковника Владимира Борисовича Казакова для бедных дворян обоюбого пола, человека, близко связанного с «Трофимовичами», но представляющего иную, не «миро-искусственническую» область деятельности, также неразрывно связанного с семейной историей «московских Обуховых».

Но это уже другая тема.

---

⁹ Русские композиторы. История отечественной музыки в биографиях ее творцов / Сост. и научн. ред. Л.А. Серебрякова. Челябинск: Урал Л.Т.Д., 2001. 509 с.

Стихотворения Петра Андреевича Фенина как источник сведений по генеалогии его рода¹

Дворянский род Фениных – род моей бабушки по матери. Когда я заинтересовался всерьёз своими предками, обнаружилось, что, к сожалению, ни в одном генеалогическом справочнике родословной Фениных нет. Даже в энциклопедии Брокгауза-Ефрона, где огромное количество генеалогических заметок по истории древних родов, тоже не было ни строчки. Только в справочнике графа А. Бобринского «Дворянские роды, внесённые в Общий гербовник» был приведён герб Фениных, внесённый в 1798 г. во второй том «Общего гербовника дворянских родов» (далее – ОГДР), и указывалось, что Фенины были жалованы поместьями в 1649 и других годах².

Из рассказов родственников мне был известен дед моей бабушки, Валериан Иванович Фенин, его братья и сёстры, но более ранние поколения известны не были. Правда, существовало достаточно смутное воспоминание о том, что в роду Фениных был какой-то сановник во времена не то Елизаветы Петровны, не то Екатерины II.

Когда мне удалось, наконец, попасть в РГИА и ознакомиться там с делом о дворянстве Фениных³, выяснилось, что родоначальником дворян Фениных, получившим за службу поместье в Курском уезде от царя Алексея Михайловича в 1649 г., был Никита Фенин⁴. Его дети, внуки и правнуки были рядовыми помещиками и ничем не прославились, а вот один из его праправнуков, Андрей Макарович (1713–1774), сделал при дворе карьеру. В 20 лет он, будучи на военной службе, стал секретарём канцелярии генерал-фельдмаршала графа Б. Миниха⁵, в 24 года получил чин подполковника и был определён на должность генерал-аудитор-лейтенанта при нём же⁶, в 27 лет стал полковником и указом императрицы Анны Иоанновны

---

* *Вадим Николаевич Рыхляков*, радиоинженер, член Совета РГО, член Центрального Совета РФФ, член-корреспондент Международной Академии Генеалогии, главный редактор журнала «Генеалогический вестник».

¹ Из материалов XI Петербургских генеалогических чтений «Генеалогия и литература», Санкт-Петербург, 2007 г.

² *Бобринский А.А., гр. Дворянские роды, внесённые в Общий гербовник*. СПб., 1890. Т. 2. С. 220.

³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 31. Ед. хр. 650.

⁴ Подробнее о Фениных см.: *Рыхляков В.Н. Фенины*. СПб., 1999. 104 с.

⁵ Сборник Русского исторического общества. 1899. Т. 106. С. 167–168; 1900. Т. 108. С. 445.

⁶ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Ед. хр. 623. Л. 91.

был назначен рекетмейстером Высочайшего двора⁷, то есть должен был рассматривать все челобитные, поступавшие на имя императрицы и готовить её решения по ним⁸.

Вскоре Анну Иоанновну сменил Иоанн Антонович, а меньше чем через год, в результате переворота, воцарилась Елизавета Петровна. Миних был отставлен и арестован. Отставлен и арестован был и Андрей Фенин⁹.

Его долго допрашивали, желая получить компромат на Миниха¹⁰. Самого Фенина обвиняли в получении nepзволительных подарков, а в конце концов разжаловали в капитаны и выслали... в Москву¹¹! В этом чине он и служил до воцарения Екатерины II, которая вернула Фенину чин полковника, и он вышел в отставку¹².

Как следовало из дела о дворянстве, у Андрея Фенина было 5 сыновей и несколько дочерей. Одним из сыновей был секунд-майор Иван Андреевич, прадед бабушки, по прошению которого герб Фениных был внесён в ОГДР. Среди его братьев в прошении о гербе был упомянут отставной артиллерийский поручик Пётр Фенин, 32-х лет (в 1797 г.). Указывалось, что он холост и владеет именьями в Старооскольской округе Курской губернии и Веневской округе Тульского наместничества со 131 душой крестьян обо-его пола. Других сведений о нём в деле не оказалось¹³.

Из книги по истории 2-го кадетского корпуса¹⁴ удалось узнать, что в 1783 г. Пётр Фенин окончил это учебное заведение штык-юнкером, а в «Азбучном указателе имён русских деятелей, имеющих быть помещёнными в «Биографическом словаре»¹⁵ указывалось, что он являлся «писателем пиитических произведений» и что в 1803 г. он выпустил в Москве книгу

---

⁷ Полное собрание законов Российской Империи (собрание первое) (Далее-ПСЗ-1). СПб., 1830. Т. XI. С. 302. № 8288.

⁸ Внутренний быт русского государства с 17 октября 1740 по 25 ноября 1741. М., 1886. Т. 2. С. 384.

⁹ ПСЗ-1. Т. XI. С. 367. № 8345; Внутренний быт... Т. 2. С. 16-18.

¹⁰ Экстракт из допросов б. фельдмаршала Миниха (1742 года) // Русский архив. 1864. № 5-6. С. 518, 523, 536.

¹¹ Баранов П. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII в. СПб., 1878. Т. 3. С. 268. № 8732; Сенатский архив. СПб., 1891. Т. 4. С. 236.

¹² РГАДА. Ф. 286. Кн. 512. Л. 263; РГВИА. Ф. 16. Оп. 1/118. Ед. хр. 832. Л. 307-309об.

¹³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 31. Ед. хр. 650. Л. 186.

¹⁴ Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. СПб., 1862. С. III.

¹⁵ Азбучный указатель имён русских деятелей, имеющих быть помещёнными в «Биографическом словаре». Т. 2 // Сб. Русского исторического общества. СПб., 1888. Т. 62. С. 380.

«Собрание разных мелких сочинений, или не в скуке проведённое время Петром Фениным». В самом «Русском биографическом словаре» статьи о нём не оказалось, да и стихи его долгое время найти не удавалось. Книга отсутствует в РНБ, в РГБ в Москве (бывш. Ленинской) и других крупных библиотеках.

В конце концов, она нашлась в отделе редкой книги Библиотеки Академии наук. И когда удалось с ней познакомиться, оказалось, что автор не случайно был включён в словник РБС: многие стихотворения сборника были довольно высокого для допушкинской поры поэтического уровня. Это было приятной неожиданностью. Но главное для меня было то, что несколько стихотворений были посвящены семейным событиям и содержали ценный генеалогический материал.

Всего в книге на 48-ми страницах, кроме авторского предисловия, помещено 24 стихотворения, из которых 5 прямо посвящены ближайшим родственникам. Да и весь сборник посвящён Федосею Михайловичу Раевскому (1768–1824), мужу младшей сестры Петра Андреевича – Александры Андреевны. К нему же обращено и предисловие автора. Федосей Михайлович и Анна Андреевна – родители Владимира Федосеевича Раевского, так называемого «первого декабриста», друга А.С. Пушкина, а сам Федосей Михайлович был предводителем Старооскольского дворянства. С Александрой Андреевной и её мужем, как видно из содержания сборника, Петра Фенина связывали самые дружеские отношения.

Какая же генеалогическая информация оказалась в поэтических опусах моего дальнего родственника?

Одно из стихотворений называется так: «В 23-й день июня, в который последовала несчастная кончина матери моей, после рождения нас с сестрою»¹⁶. Из его текста следовало, что мать Петра Андреевича и его сестры (позднее удалось установить, что речь шла о Стефаниде Андреевне Фениной, в замужестве Сонцовой) умерла при родах. Это позволило, во-первых, установить точную дату рождения Петра Андреевича и его сестры и дату смерти их матери. А, во-вторых, стало ясно, что их отец, Андрей Макарович, был женат дважды, так как у Петра была младшая сестра уже упомянутая Александра Андреевна Раевская. Из документов, связанных с делом Миниха, было известно, что жену Андрея Макаровича звали Матрёна Васильевна – она писала челобитную на имя государыни, когда муж был арестован¹⁷. Она и была матерью Петра Андреевича. Имя второй жены

---

¹⁶ Фенин П.А. Собрание разных мелких сочинений, или не в скуке проведённое время. М., 1803. С. 10.

¹⁷ Внутренний быт... Т. 2. С. 18; Сенатский архив. Т. 4. С. 135, 136, 196.

Андрея Макаровича, матери Александры Андреевны, удалось найти в картотеке Б.Л. Модзалевского в ИРЛИ¹⁸ (её звали Феодосия Ивановна).

Другое стихотворение П. Фенина называется «Надпись к портрету С. Г. З.»¹⁹. Оно повествует о безвременной смерти юной особы, и в нём с большой теплотой говорится о её несчастной матери. Не только тон стихотворения, но и всё содержание сборника, в основном посвящённого близким людям, заставляли полагать, что речь в этом стихотворении идёт о какой-то близкой родственнице автора. Изучение круга родственников П.А. Фенина позволило установить, что речь в стихотворении идёт о Софии Герасимовне Завалишиной, племяннице Петра Андреевича, дочери ещё одной его сестры – Анны Андреевны, которая была замужем за отставным поручиком Герасимом Никифоровичем Завалишиным (когда-то сведения о муже Анны Андреевны мне прислала Генриетта Михайловна Морозова из Калуги)²⁰. Так как до этого стихотворения о существовании этой дочери известно не было, то именно оно стало основой для установления этого генеалогического факта.

Два стихотворения сборника посвящены Александре Андреевне Раевской, урождённой Фениной. Известно, как трудно устанавливать имена женщин в родословных периода XVIII – начала XIX века, а точные даты их жизни – ещё труднее. Одно из этих двух стихотворений, о которых идёт речь, называется: «А. А. Р. 9 марта 1800 года, в день её рождения»²¹. Второе называется: «9 марта, в день рождения сестры моей А. А. Р. 1803 года». Это позволило установить точную дату рождения Александры Андреевны, что важно, так как она была матерью столь известного человека, как Владимир Федосеевич Раевский.

Пятое стихотворение, посвящённое родственникам, называется «На отставку А. А. Ф.» и посвящено брату автора, Александру Андреевичу Фенину, действительному статскому советнику²², являвшемуся сначала боевым офицером, потом директором Государственного ассигнационного банка²³ (при Екатерине II), а при Павле I, получив орден Св. Иоанна Иерусалимского и имение в Саратовской губернии 3000 десятин²⁴, Александр Фенин, вслед за своим патроном кн. А.Б. Куракиным, был отставлен, но остался

---

¹⁸ РО ИРЛИ. Картотека Б.Л. Модзалевского. № 760.

¹⁹ Фенин П.А. Указ. соч. С. 18.

²⁰ ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Ед. хр. 90.

²¹ Фенин П.А. Указ. соч. С. 14, 28–30.

²² Список состоящим в гражданской службе чинам первых пяти классов на 1799 год. СПб., 1799. С. 56.

²³ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Ед. хр. 2337. № 3.

²⁴ Там же; Сенатский архив. Т. 1. СПб., 1888. С. 635.

ничем не запятнанным, что и отразилось в стихах брата. Вот отрывок из этого стихотворения:

Герой мой чудных дел в сем свете не явил,
И летопись его в отличных не сочтет.
Он с юных самых лет Отечеству служил,
И в оной честь одна была его предмет.
Без покровительства, без случаев возвышался,
Чрез труд и бдение чины приобретал:
Он беспристрастием и правдой отличался,
И мзды с виновных он на пагубу не брал.
Лесть, хитрость, ябеда от мест его бежала,
Не смея пред лицом его себя явить;
Пред ним Фемиды вес и книга та лежала,
По коей правый прав, а ябедник дрожит.
Не искусился он ничьим лихим советом,
Вслед честности идя, богатств не приобрёл;
Не дрогнет дух его пред страшнейшим ответом,
Понеже мзда чужда решённых правдой дел!²⁵

Таким образом, стихотворения Петра Андреевича Фенина позволили установить следующие генеалогические факты: точные даты рождения троих Фениных, дату смерти Матрёны Васильевны Фениной, факты существования второй жены у Андрея Макаровича Фенина и рано умершей дочери у Анны Андреевны Фениной-Завалишиной.

К этому следует добавить, что помещённая в этом же сборнике «Эпитафия И. Ф. Б.» позволила нашему коллеге М.О. Мельцину установить, что в них речь идёт об Иване Фёдоровиче Башилове, соседе Фенина по имению, фигуре, значимой для курского краеведения, и дату его смерти – 3 декабря 1801 г. Об этом им был сделан доклад на XIX Международной научной конференции в РГГУ в Москве в январе 2007 года²⁶.

Так стихи малоизвестного автора рубежа XVIII и XIX вв. оказались ценным источником генеалогической информации.

---

²⁵ Фенин П.А. Указ. соч. С. 10.

²⁶ Мельцин М. О. Новые данные о И.Ф. Башилове как результат атрибуции героя стихотворения П.А. Фенина // Единство гуманитарного знания: новый синтез: Материалы XIX Международной научной конференции. Москва, 25–27 января 2007 г. М., 2007. С. 222–224.

«Дневник Францишки Красинской» Клементины Гоффмановой–Таньской¹

В августе 1825 года в варшавском журнале «Rozrywki dla Dzieci» был помещен первый отрывок из «Дневника Францишки Красинской»², сразу же привлечший к себе внимание. Уже через два года после окончания публикации он выходит снова, а до конца XIX века последовало еще 6 изданий. Через 10 лет после первого издания появился перевод на французский язык, затем новый перевод на французский язык, а в конце XIX - начале XX века еще два перевода. В это же время появляются английский, немецкий и итальянский переводы.

Популярность этого произведения имела различные причины. Менее семи десятилетий прошло со времени описываемых событий – тайного брака дочери польского магната Францишки Красинской (1742–1796) и сына польского короля Августа III – герцога Курляндского Карла (1733–1796). Хотя на «Дневнике Францишки Красинской» стояло имя автора – Клементины Гоффмановой, многими читателями он воспринимался как подлинный. А в Западной Европе интерес к польским проблемам был большим. Внук героини, Карл Альберт (1798–1849) в 1831 году вступил на сардинский престол, а ее правнук Виктор Эммануил II (1820–1878) стал первым королем объединенной Италии.

Автор этого произведения, Клементина Гоффманова, ур. Таньская (1798–1845), росла в доме племянницы Францишки Красинской, Анели Шимановской (ум. 1839), урожденной Свидзинской. Вероятно, из слышанных в детстве рассказов и родился замысел книги, к тому же у Клементины Гоффмановой была возможность использовать подлинные письма героини. Ценным источником оказались и старые газеты, особенно «Kurier Polski». Помимо исторических фактов, К. Гоффманова почти дословно взяла из него описания торжеств и церемоний, охоты и свадьбы³ 25 февраля 1759 года сестры героини – Барбары Красинской (ум. 1789), вышедшей замуж за Михаила Свидзинского (ум. 1788)⁴.

---

* Александр Александрович Бовкало, инженер-физик, член Совета РГО.

¹ Из материалов XI Петербургских генеалогических чтений «Генеалогия и литература», Санкт-Петербург, 2007 г.

² В данной заметке используется издание *Hoffmanowa Klementyna z Tańskich. Dziennik Franciszki Krasieńskiej*. Warszawa, 1961 [Далее – *Dziennik*].

³ *Dziennik*. S. 186.

⁴ *Kurier Polski*. 21.03.1759.

Поскольку в книге упоминается много известных фамилий, в ней приводятся более или менее подробные сведения, представляющие интерес для генеалога. Попробуем прокомментировать некоторые из них. «Дневник» записью начинается 1 января 1759 года, сделанной в Малешовском замке. «Я родилась в 1743 году⁵». На самом деле точная дата рождения Францишки – 9 марта 1742 года. Она, вероятно, впервые была опубликована еще в 1897 году⁶, однако до последнего времени не была широко известна (см., например, многочисленные «королевские» генеалогии в интернете).

На первых страницах «Дневника» представлена генеалогия Красинских⁷, взятая из гербовника Несецкого⁸, и только об одном представителе рода – Александре, добавлена семейная легенда об его мужественном противостоянии в Малешовском замке татарам в начале XVII века, что, впрочем, не соответствует действительности, поскольку тогда татары уже не проникали так далеко.

Кроме старшей сестры Барбары, у Францишки Красинской были две младшие сестры, почти не упоминаемые в книге. На это были свои причины: К. Гоффманова противопоставляет двух сестер – амбициозную и самовольную Францишку и добродетельную, но ничем не выделяющуюся Барбару. Жизнь Францишки, несмотря на блестящее замужество, складывалась непросто, а Барбара должна была стать примером следования традициям, послушания и воплощением семейного счастья и мира (у нее было 6 дочерей и 2 сына). Возможно, осуществление этого замысла внесло неточности в описание исторических событий.

Так, знакомство Францишки Красинской и Карла произошло раньше, чем это описано в книге. Неправильно указана а «Дневнике» и дата венчания: 18 мая Францишка пишет: «я буду женой королевича»⁹, 4 ноября: «я стала женой королевича»¹⁰. На самом деле венчание состоялось в марте 1760 года. Встречается и вымышленный персонаж — сын каштеляна Кохановский¹¹.

Последняя запись в «Дневнике» относится к 15 января 1761 года. Однако, в соответствии с литературными традициями того времени Клемен-

---

⁵ Dziennik. S. 22.

⁶ *Posse O.* Die Wettiner Genealogie des Gesamtthauses Wettin, Ernestinischer und Albertinischer Linie mit Einschluss der regierenden Häuser von Grossbritannien, Belgien und Bulgarien. Leipzig u. Berlin: Giesecke & Devrient, 1897. Tafel 30. # 12.

⁷ Dziennik. S. 23-27.

⁸ *Niesiecki K.* Korona Polska. T. 1-4. Lwów, 1728–1744.

⁹ Dziennik. S. 128.

¹⁰ Dziennik. S. 141.

¹¹ Dziennik. S. 187.

тина поместила отрывки из подлинных писем Францишки (1781–1793) – к сестре Барбаре Свидзинской, ее детям Яну Свидзинскому и Анеле Шимановской, а также к своей тетке – княгине Софье Любомирской, ур. Красинской. Именно в них имеются ценные генеалогические сведения (отметим, что известные польские гербовники – А. Бонецкого и С. Урусского были изданы первый до буквы М, а второй – R, буквы S и Ś в них уже не вошли). В этих письмах и примечаниях к ним самой К. Гоффмановой указаны даты смерти Михаила Шимановского (15 августа 1789)¹², Барбары Свидзинской (8 сентября 1789)¹³, Михаила Свидзинского (17 августа 1788)¹⁴. В письмах есть также информация о браках детей Барбары и Михаила Свидзинских: о свадьбе Марианны Свидзинской: «Признаюсь, что исполнились [...] мои молитвы, так как я давно хотела графа Яблоновского [видеть мужем] одной из моих племянниц»¹⁵, «Зося [Софья] идет за Карчевского»¹⁶, «удачная партия для твоей сестры Боны – другой Карчевский»¹⁷.

В заключение отметим, что крестница и любимая племянница Францишки Красинской, Анеля Шимановская, в 1973 году вновь стала героиней книги – были опубликованы 99 писем к ней¹⁸ ее деверя Иосифа Шимановского¹⁹. А 13-14 октября 2012 года в Польше состоялась научная конференция, посвященная Францишке Красинской, по материалам которой был издан сборник «Franciszka z Krasińskich Wettyn. Księżna Kurlandii i Semigalii. Prababka dynastii królów włoskich. Dziedzictwo rodziny Krasińskich w regionie świętokrzyskim. Kielce-Lisów, 2012».

---

¹² Dziennik. S. 157.

¹³ Dziennik. S. 157.

¹⁴ Dziennik. S. 158.

¹⁵ Dziennik. S. 160.

¹⁶ Dziennik. S. 160, 161 (дата).

¹⁷ Dziennik. S. 164.

¹⁸ Szymanowski J. Listy do starościny wyszogrodzkiej. Tekst opracował, wstępem i komentarzem opatrzył Franciszek Korwin-Szymanowski. Warszawa, 1973.

¹⁹ От брата Михаила и Иосифа – Доминика Шимановского – происходил известный композитор Кароль Шимановский (1882–1937).

**Генеалогия в романе Владимира Набокова
«Ада, или Радости страсти: Семейная хроника».
Соотносятся ли конфигурация родственных связей
между главными персонажами романа с событиями
драмы, разыгравшейся некогда в семье Набоковых?»¹**

В мировой художественной литературе известны случаи, когда сами авторы снабжали свои произведения генеалогической таблицей, наглядно отображающей состав персонажей и иллюстрирующей родственные отношения между ними. Речь, прежде всего, идет о тех произведениях, в основу которых положена история какой-либо семьи, особенно если эти произведения большого объема, а сама история семьи охватывает несколько поколений и насыщена столь многочисленными персонажами, что не только читателю, но подчас и самому автору становится затруднительно помнить, кто кому и кем приходится.

Упомянем, например, «Сагу о Форсайтах» Голсуорси, первый том которой начинается с родословной таблицы, помогающей читателю ориентироваться в просопографии романа. Вспоминается также Фолкнер, составивший родословную семейства Компсонов – героев романа «Шум и ярость». Еще одним примером может служить серия «Ругон-Маккары» Золя: одна из книг этого монументального цикла снабжена генеалогической таблицей, которая помогает не только читателю, но и самому автору не запутаться в персональном составе разветвленного, многоколенного и весьма многочисленного родственного клана, им самим порожденного.

Отдал дань этому приему и Владимир Набоков.

Своему знаменитому роману «Ада, или Радости страсти: Семейная хроника», впервые опубликованному в 1969 г.², писатель предпослал родословную таблицу (см. таблицы 1а и 1б), иллюстрирующую происхождение двух главных героев книги, Ивана (Вана) Вина и Аделаиды (Ады) Вин, и

---

* Игорь Васильевич Сахаров, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, руководитель Института генеалогических исследований Российской национальной библиотеки, член Геральдического Совета при Президенте Российской Федерации, Президент Русского генеалогического общества, Первый вице-президент Международной Академии Генеалогии.

¹ Из материалов XI Петербургских генеалогических чтений «Генеалогия и литература», Санкт-Петербург, 2007 г.

² *Nabokov, Vladimir. Ada or Ardor: A Family Chronicle. New York, 1969.*

родство между ними и вписывающую их в их ближайший родственный круг.

В конце 1990-х гг. этот роман случайно оказался у меня в руках. Времени читать его тогда у меня не было, но генеалогическая таблица привлекла мое внимание. Более того, уже тогда она смутно напомнила мне о другой таблице, некогда составленной мною и, кстати, связанной с Набоковым: в ней были показаны родственные связи, соединявшие семью Набоковых с семьей Голубцовых (об этом пойдет речь ниже).

Самое же главное состояло в том, что я сразу уловил нечто общее не только в формальной конфигурации обеих таблиц, но и, главное, в сути той ситуации, которая являлась смысловым центром обеих схем.

Наличие в романе генеалогической таблицы побудило меня в начале 2007 г. снова взять его в руки и, на этот раз, ознакомиться с его содержанием. Дело в том, что в июне 2007 г. должны были состояться очередные, XI Петербургские генеалогические чтения – научная конференция, ежегодно организуемая Русским генеалогическим обществом и Институтом генеалогических исследований Российской национальной библиотеки, иногда при участии некоторых других научных объединений (на этот раз – при участии Международной Академии Генеалогии), и основная тема чтений, по моему предложению, на этот раз была сформулирована следующим образом: «Генеалогия в художественной литературе». Взавшись за подготовку этой конференции в качестве председателя ее оргкомитета и задумавшись над тем, с докладом на какую тему выступить, я и вспомнил об «Аде».

Поначалу я думал, что для доклада будет достаточно бегло ознакомиться с содержанием романа. Однако едва я открыл первые его страницы, как текст меня заворожил, я прочитал весь роман «на одном дыхании» (пропуская, впрочем, некоторые абзацы), после чего понял, что одного раза недостаточно, и взялся за более внимательное чтение, вдумываясь в содержание и пытаясь понять подтекст.

Довольно скоро стало очевидно, что я отношусь к той многочисленной категории читателей, общекультурная эрудиция которых, деликатно говоря, уступает набоковской, и которые, к тому же, не будучи профессиональными литературоведами, не владеют методами анализа текста произведений художественной литературы. Это могло бы меня огорчить и даже заставить отказаться от решения подготовить доклад, если бы некоторым своего рода утешением не послужило то, что, по зрелом размышлении, я пришел к выводу, что вообще вряд ли существуют читатели (в том числе даже профессиональные литературоведы), которые могли бы претендовать, скажем так, на *адекватное* прочтение текста «Ады» (адекватное тому содержанию, которое вложил в текст, в каждый его абзац, если, иной раз, не в отдельные фразы, сам автор), и что, более того, строго говоря, у этого романа вообще

был только один по-настоящему компетентный читатель – это сам Набоков, и приходится лишь пожалеть, что в свое время он не додумался до создания такого жанра литературоведческого исследования, как анализ собственного произведения как бы «со стороны». С другой стороны, моя основная задача была не прокомментировать весь текст романа более или менее всесторонне, а остановиться лишь на вопросах, так или иначе связанных именно с генеалогией, и в этом, как я надеялся, я был достаточно компетентен.

Независимо от того, в какой степени и как быстро «усваивалось» содержание «Ады», неоспоримым достоинством текста – и это сразу бросалось в глаза – был его язык, и, поскольку читать роман я начал в переводе, стало очевидным мастерство переводчика.

Здесь хотелось бы подчеркнуть, что, к счастью, по чистой случайности, роман попал мне в руки в переводе Сергея Ильина³. Позже, когда я узнал о существовании других переводов «Ады»⁴ и когда я счел нужным (разумеется, выборочно) сопоставить их с переводом С. Ильина, а затем и, в редких случаях, с набоковским англоязычным оригиналом, мне стало ясно, что перевод С. Ильина (хотя и в нем обнаружился ряд неточностей и спорных решений, о чем будет упомянуто ниже) является лучшим. Текст

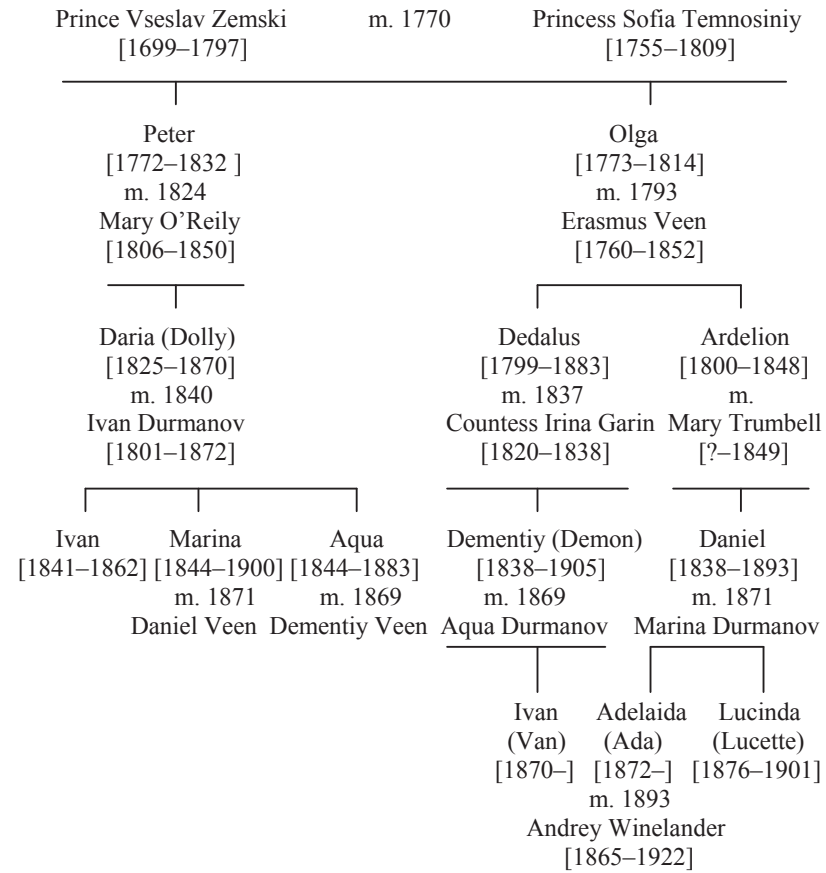
---

³ *Набоков В. Ада, или Радости страсти: Семейная хроника*. М.: ДИ-ДИК, 1996. 576 с.: ил. (Альманах «Модерн классики»). Ниже ссылки (в скобках) на текст романа относятся именно к этому изданию.

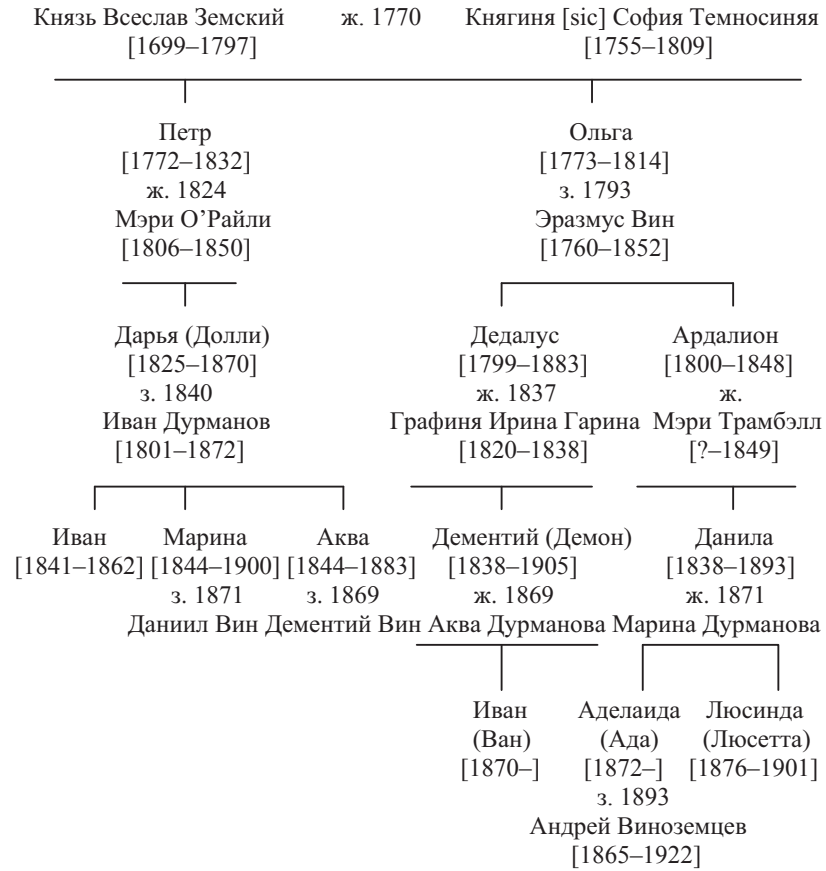
⁴ Впервые в переводе на русский язык этот роман («Ада или страсть») был опубликован в 1995 г. совместно киевским издательством «Атика» и кишиневским издательством «Кони-Велес», переводчики О. Кириченко, А. Гиривенко и А. Дранов. Однако *a priori* меня не мог не смутить тот факт, что за перевод, напечатанный в 1995 г., взялось сразу три автора, причем отдельные главы романа они поделили между собой. Почему упомянутые издательства приняли (или даже сами заказали?) перевод трем лицам, можно догадаться. Но ведь вполне очевидно, что такой подход, и то с оговорками, может быть оправдан лишь в тех случаях, когда речь идет о каком-нибудь рядовом детективе, разного рода второсортном чтиве, которое, к тому же, желательно опубликовать как можно быстрее. Но это никак не может относиться к переводу романов такого выдающегося мастера слова, каким является Набоков, а к переводу «Ады» – в особенности. Не случайно свое предисловие к опубликованному им тексту С. Ильин, подчеркивая его многоплановую сложность и вместе с тем сознавая, что его собственный перевод не может считаться бесспорным и совершенным, озаглавил следующим образом: «Вот книга, которую будут переводить еще много раз и *не переведут никогда*» (курсив мой. – И. С.).

Затем роман был издан в переводе, осуществленном полностью одной О. Кириченко: *Набоков, Владимир. Ада, или Эротиада. Семейная хроника*. М.: АСТ, 1999. Никким образом не ставя задачу проводить последовательное сопоставление переводов С. Ильина и О. Кириченко, я все же, в некоторых случаях, не смог удержаться от такого сопоставления.

Таблица 1а. Family tree [по Набокову]

Таблица 16. Фамильное древо [по Набокову] (в переводе С. Ильина)

«дышит» талантом, переводческим даром, и чувствуется, что С. Ильин старался переводить именно «под Набокова», по возможности так, как это мог бы сделать сам писатель, возмись он за перевод на русский язык собственного произведения.

По ходу изложения я буду время от времени касаться перевода романа на русский язык⁵, однако прежде всего обратимся к главному – к содержанию генеалогической таблицы 1, которая представлена выше как в оригинале на английском языке, так и в переводе на русский (по С. Ильину).

Таблица показывает, что главные герои романа – Ван Вин и Ада Вин – связаны между собою отношениями сложного и многоступенчатого родства.

Прежде всего обратим внимание на то, что они имеют общее отдаленное происхождение: пращурами и Дурмановых, и Винов являются князь Всеслав Земский и его супруга София из рода князей Темносиних. Отметим, что, по воле автора, их брачный союз был заключен, когда князю Земскому было за 70, а княжне Темносиней 15 лет.

Что еще можно сказать об этой прародительской паре? В частности, почему Набоков дал им такие фамилии?

Американский литературовед, профессор Калифорнийского университета в Санта-Барбаре Дональд Бартон Джонсон в своей блестящей работе, посвященной «Аде»⁶ (к этой работе мы еще не раз вернемся), говоря о

---

⁵ Взявшись за написание настоящей статьи, я планировал уделить особое внимание вопросу о том, какими словами обозначал родственные отношения между главными героями романа сам Набоков и как были переведены эти слова С. Ильиным и О. Кириченко. Однако, по зрелом размышлении, я решил посвятить этой теме отдельную работу. Отмечу здесь только, что идентичные ситуации Набоков иногда обозначал по-разному. Например, единоутробных брата и сестру (Вана и Аду) он в одних случаях называет half-brother and half-sister (буквально – полубратом и полусестрой), а в других прибегает к таким прилагательным, как uterine или даже vaginal (буквально единовлагалищным). В свою очередь, С. Ильин (между прочим, не следуя строго соответствующему конкретному словоупотреблению в англоязычном тексте) называет брата и сестру (Вана и Аду) то единоутробными (это общепринятый термин родства), то единоматочными, стеснительно избегая при этом прилагательного «единовлагалищные» (О. Кириченко поступает смелее и иногда употребляет в соответствующих местах прилагательные «единовагинальные» или просто «вагинальные»). В одном месте В. Набоков обозначает Вана и Аду словом siblings, и С. Ильин, не употребляя принятый в генетике термин «сиблинги», переводит его как «единокровки».

⁶ *Джонсон, Дональд Б. Лабиринты инцеста в «Аде» Набокова // В.В. Набоков: Pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и*

фамилиях лиц, поставленных «во главе» таблицы, трактует вопрос лишь в контексте будто бы подразумеваемого Набоковым сопоставления земли (Земский) и неба (Темносиня), или земли и моря. Такая трактовка сама по себе вполне уместна, хотя и представляется несколько надуманной.

Между тем, Д.Б. Джонсон не замечает, что за обоими прародителями главных героев романа стоит некий реальный контекст (чего не усматривается в отношении остальных лиц, представленных в таблице).

Так, с нашей точки зрения, фамилию Земский следует прежде всего соотносить не с землей, а с фамилией князей Вяземских. О том, что здесь подразумевается один из князей-рюриковичей, «сигнализирует», помимо усеченного родового именованья князей Вяземских, имя Всеслав, которое носили несколько ближайших потомков князя Рюрика – основателя древнерусского государства. Более того (и на это ссылается С. Ильин в своих комментариях к роману), тот факт, что сын вымышленного князя Всеслава князь Петр был женат на О'Райли, четко ассоциируется с конкретными *реальными* лицами – известным литератором и государственным деятелем князем Петром Андреевичем Вяземским (1792–1878) и его матерью ирландкой О'Райли (О'Рейли)⁷. Разумеется, никакого князя Всеслава Вяземского (которому, к тому же, приписана должность губернатора Брад'Ора – вымышленной «американской провинции на северо-востоке нашей великой и пестрой отчизны»), жившего в XVIII столетии, не существовало (в родословной реальных князей Вяземских человека с таким именем не обнаруживается и в другие столетия), и к женатому на ирландке реальному князю Андрею Вяземскому, равно как и к его сыну князю Петру этот персонаж не имеет никакого непосредственного отношения.

Что же касается княжны Софии Темносиней, то Д.Б. Джонсону, очевидно, был неизвестен тот факт, что среди многочисленных ветвей потомства князя Рюрика действительно существовали князья Темносиние.

Набоков, устами персонажа романа, так говорит об отце княжны Софии (здесь попутно укажем на одну из немногих ошибок переводчика: в таблице 16 София Темносиня титулована как княгиня, тогда как следовало назвать ее княжной; в английском языке оба эти титула обозначаются одним словом *princess*): «...Князь Иван Темносиний, ... прямой потомок

зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 1997. С. 395–428. Впервые опубликовано в 1986 г.: *Johnson, Donald Barton. The Labyrinth of Incest in Nabokov's "Ada" // Comparative Literature. 1986. Vol. 38. No. 3. P. 224–255.*

⁷ *Ильин С.* Замечания к «Аде», стр. 557. См. также: *Сахаров И.В.* «Мне не чужда Зеленая Эрина...». Ирландская кровь в жилах русской аристократии: Князь Андрей Вяземский, его супруга княгиня Евгения, урожденная Джени О'Рейли, и их российское потомство... // Санкт-Петербург – Ирландия: Люди и события. – СПб., 2011. С. 73–94; ил., табл.

ярославских властителей дотатарских времен, происходил из тысячелетнего рода». Упоминание писателем этой отрасли Рюриковичей как отрасли именно удельных князей Ярославских свидетельствует о том, что его генеалогические познания были более обширны и основательны, чем обычно думают – ведь далеко не всякий даже профессиональный генеалог осведомлен о существовании князей Темносиних и, тем более, о том, что они принадлежали именно к ветви князей Ярославских.

Следует пояснить, что речь идет о так называемой второй династии Ярославских князей, родоначальником которой был живший во второй половине XIII столетия князь Федор Ростиславович, принадлежавший по рождению к роду князей Смоленских. Потомство его было весьма многочисленным и разветвленным, и вскоре после его кончины единое Ярославское княжение стало дробиться на мелкие самостоятельные единицы, причем сыновья, внуки и правнуки основоположника династии дали начало многим княжеским родам, за которыми закрепились различные прозвища и фамилии. Один из правнуков жившего приблизительно на рубеже XIV – XV веков князя Глеба Васильевича князь Владимир Семенович действительно имел прозвище Темносиний. Это прозвище перешло и к его сыну князю Василию, но уже оба сына последнего именовались иначе: князь Дмитрий имел прозвище Сандырь, и от него пошли князья Сандыревы, а князь Петр – прозвище Засека и стал родоначальником старшей ветви князей Засекиных. Таким образом, в роду ярославских князей известны лишь два князя Темносиних, жившие приблизительно во второй половине XV – первой половине XVI столетий, причем эти персоны не оставили сколько-нибудь заметного следа в истории Руси. Каким образом об их существовании стало известно Набокову, мы можем только гадать⁸, но, так или иначе, писателю бросилось в глаза их необычное прозвище, поэтичность которого он ощутил и, между прочим, вложил это ощущение в генеалогическое сознание Вана Вина. Добавим для ясности, что не только князя Ивана Темносинего, но и вообще какого-либо князя, носившего это прозвище, не могло быть ни в XVIII веке (куда Набоков с присущим «Аде» нарочитым смещением времен и имен, «поместил» князя Ивана и его дочь), ни даже в XVII столетии; что начало династии ярославских князей было положено не в дотатарские времена, а в период татарского ига;

---

⁸ Единственный известный нам опубликованный сводный труд, в котором обстоятельно рассмотрен персональный состав всех ветвей династии Ярославских князей, это работа А.В. Экземлярского: *Экземлярский А.В.* Ярославские владетельные князья. Ярославль, 1887 (князья Темносиние упоминаются вскользь на с. 44). Князья Темносиние числятся и в «Бархатной книге»: Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... Ч.1. М., 1787. С. 127–128.

и что, наконец, прозвищу Темносиних никак не тысяча лет, а от силы немногим более пятисот.

На примере слов, относящихся к князю Ивану Темносинему, снова коснемся вопроса о качестве перевода текста романа, сопоставив разные его версии. Так, перевод С. Ильина (см. выше) достаточно точно воспроизводит англоязычный оригинал («a direct descendant of the Yaroslav rulers of pre-Tatar times had a millennium-old name») (стр. 20). Однако О. Кириченко перевела эту фразу следующим образом: «...Князь Иван Темносиний, ... прямой потомок Ярославичей, правителей дотатарских времен, имел фамилию древнейшую, известную уже тысячу лет тому назад...» (Стр. 27). Увы, этот перевод не только далек от оригинала сам по себе, но и просто искажает реальную историю. У Набокова речь идет не о *Ярославичах*, а о *князьях, княживших в городе Ярославле*. Между тем, это далеко не одно и то же. Дело в том, что практически все потомки князя Рюрика происходят от его праправнука князя Ярослава Владимировича, по прозвищу Мудрый, жившего в первой половине XI столетия, поскольку потомство его родного брата Изяслава Владимировича вскоре пресеклось, а единственный двоюродный брат Святополк Ярополкович потомства не оставил⁹. Поэтому употребление антропонима «Ярославичи» может иметь смысл лишь в плане именованя сыновей, внуков и правнуков Ярослава Мудрого, в частности, с целью различения ближайших потомков Ярослава и ближайших потомков его брата Изяслава (Ярославичи в отличие от Изяславичей), что применимо лишь к лицам, жившим в XI–XII вв. Если же говорить о более поздних временах, то понятие «Ярославичи» по существу является тождественным понятию «Рюриковичи» и, соответственно, не употребляется. Что же касается «фамилии древнейшей, известной уже тысячу лет тому назад...», то тысячу лет назад фамилий тот есть антропонимически устойчивых родовых прозваний, на Руси вообще не существовало (как не существовало их и несколько столетий спустя). К тому же, наименование «Темносиний» само по себе представляет типичное личное прозвище, не связанное, в частности, с каким-либо устойчивым названием удела князей Темносиних.

Несколько слов о некоторых персонажах «Ады» – ближайших потомках князя Всеслава и княгини Софии.

Так, упомянем дочь князя Петра Земского Дарью (Долли), вышедшую замуж за бывшего коменданта вымышленной «Юконской фортеции» генерала Ивана Дурманова, зажиточного пожилого помещика-рогоносца («ветвисторогатого», как находчиво перевел С. Ильин дословно не переводимое

---

⁹ См., например: *Власьев Г.А.* Потомство Рюрика: Материалы для составления родословий. Т. 1. Князья Черниговские. Ч. 1. СПб., 1906. С. 1–3 и далее.

выражение «sur-royally antlered»; в неуклюжем переводе О. Кириченко – «сверх меры орогаченного»). Это дед и бабушка Вана и Ады с материнской стороны.

Что касается потомков князя Всеслава Земского от его дочери Ольги, вышедшей замуж за богача Эразмуса Вина, принадлежавшего к старинному англо-ирландскому роду, то заметим, что старший ее сын Дедалус Вин был женат на графине Ирине Гариной. Это дед и бабушка главных героев романа с отцовской стороны. Здесь тоже уместен антропонимический комментарий. В разделе «Замечания к “Аде”» (стр. 561) С. Ильин сообщает, что фамилия Ирины Гариной, по предположению известного литературоведа А. Долинина, соотносится с героиней тургеневского «Дыма» (дым – гарь) графини Ирины Осининой. Однако, по аналогии с Земскими-Вяземскими, нам приходит в голову другая «антропонимическая пара» – Гарины-Гагарины, отсылающая нас к другой отрасли Рюриковичей – реально существовавшим и существующим поныне князьям Гагариным.

Попутно еще одно замечание из области антропонимики, на этот раз касающееся мужа Ады. Заслуживает всяческой похвалы творческий подход к преобразованию фамилии этого «русского фермера из Аризоны»: С. Ильин переименовывает Вайнлендера (Winelander в англоязычной версии) в Виноземцева (вполне в стиле Набокова, по удачной ассоциации с такими старинными фамилиями, как Иноземцевы или Своземцевы). Действительно, фамилия Вайнлендер, носимая Андреем Андреевичем в англоязычной среде (и сохраненная в переводе О. Кириченко), так мало подходит к этому человеку, всем своим поведением подчеркивавшему свою русскость и, особенно, свою приверженность православию!

* * *

Теперь перейдем к анализу таблицы «с другой стороны», переключив наше внимание на главных героев романа – Вана и Аду.

Каково родство между ними?

Согласно рассматриваемой нами генеалогической таблице, по отцовским линиям они троюродные брат и сестра. Ван – сын Дементия (Демона) Вина и внук Дедалуса Вина, Ада – дочь Данилы (Дана) Вина и внучка Ардалиона Вина, Дедалус же и Ардалион – родные братья.

По материнской же линии они приходятся друг другу двоюродными братом и сестрой: мать Вана Аква Дурманова и мать Ады Марина Дурманова – родные сестры, даже сестры-близнецы, дочери упомянутого выше генерала Ивана Дурманова. Ада и Люсетта – родные сестры, Ван и Люсетта, соответственно, – двоюродные брат и сестра.

Оставляя в стороне вопрос о том, насколько названные родственные отношения между персонажами романа соответствуют действительности (об этом речь пойдет ниже), подчеркнем, что эти отношения определяли *официальный* родственный статус Вана и Ады и принимались как данность их общественным окружением. Более того, это учитывалось и самими Ваном и Адой: став любовниками и повзрослев, они не раз задумывались о возможности заключения брака между ними и при этом сознавали, что состоят в непозволительно близком родстве, что служило непреодолимым препятствием для бракосочетания. Дело в том, что матери обоих главных героев по происхождению и воспитанию русские, а по религии – православные (возможно, в православной церкви был крещен и Демон-Дементий, поскольку мать его – графиня Ирина Гарина – русская). В те времена, в которые «поместил» их Набоков, гражданские браки в России, в отличие от большинства стран Западной Европы и Америки, вообще не были законодательно предусмотрены: законными считались лишь браки, венчанные в церкви (это относилось и к русским-православным, жившим за пределами России). Поэтому можно предположить, что, выходя замуж за кузенов Винов, вероятно – католиков (впрочем, одна из их бабушек, княжна Ольга Земская, опять-таки была русской и православной), Аква и Марина Дурмановы не только зарегистрировали свой гражданский брак в мэрии, но и венчались, причем, скорее всего (как это обычно бывало при замужестве русских), – в православной церкви. Надо полагать, что и их дети были крещены в православной церкви, и Ван и Ада вполне сознавали свою, по традиции, принадлежность к православию – так, Ада, вступая в брак с Андреем Виноземцевым, была обвенчана с ним в православной церкви (стр. 437).

Брачное же право Русской православной церкви строго запрещало, в частности, браки между двоюродными братом и сестрой; да и браки двоюродных братьев, с одной стороны, с родными сестрами, с другой (случай кузенов Демона и Дана Винов и сестер Аквы и Марины Дурмановых) считались сомнительными, в старину же рассматривались определенно как незаконные. Поэтому не случайно Ван и Ада, обсуждая вопрос о своем возможном (или, лучше сказать, невозможном) бракосочетании, учитывают установления православного брачного права.

В качестве примера приведем следующий отрывок из разговора между ними:

«Ада сказала:

– Официально мы с тобой двоюродные по матери, а двоюродным разрешают жениться особым указом, если они обязуются стерилизовать первых пятерых детей [последнее нелепое условие, разумеется, – выдумка Набокова, вернее (он-то был хорошо осведомлен о действительных поло-

жениях брачного права на этот счет), выдумка, которую Набоков счел нужным приписать Аде. *И. С.*] ... Ко всему прочему тесть [sic! Здесь С. Ильин снова допустил в переводе терминологическую ошибку – следовало перевести «свекор»¹⁰. *И. С.*] моей матери приходится братом твоему деду. Так?

– Так мне, во всяком случае, говорили, – безмятежно ответил Ван.

– Недостаточно дальние, – задумчиво пробормотала она, – или все же достаточно?

– Чем далее, тем удалее» (стр. 137).

В другой раз, обсуждая ту же проблему, Ван ставит вопрос о постепенном превращении их обоих «во все более дальних и дальних родственников со все более искусно подделанными документами» (в этой связи помещенную в романе таблицу, как будет показано ниже, можно рассматривать в качестве первой такой подделки), пока наконец они не станут обыкновенными однофамильцами (стр. 178).

* * *

Вернемся к содержанию рассматриваемой таблицы под другим углом зрения.

Она построена таким образом, чтобы создать у читателя иллюзию ее достоверности. Эта цель достигается, в частности, обилием точных дат – указаны годы рождения и смерти персонажей и даже годы их вступления в брак, и в то же время отмечены случаи, когда составителю таблицы соответствующие даты «остались неизвестными».

Как уже говорилось, таблица отражает официальную и вместе с тем общепринятую версию – ситуацию, подтверждаемую документами, ситуацию, которая в обществе, в том числе и в той среде, к которой непосредственно принадлежат главные герои романа, не подвергается сомнению.

Однако эта версия совершенно не соответствует действительности, то есть той генеалогической ситуации, которая представлена в тексте романа!

По существу таблица приведена (причем приведена в самом начале романа, то есть читатель знакомится с нею до того, как начинает читать сам текст, и, тем самым, с самого начала как бы принимает её на веру, что мешает ему сразу увидеть реальную картину) вовсе не для того, чтобы помочь читателю разобраться в родственных отношениях, соединяющих

---

¹⁰ У Набокова значит «father in law». Разумеется, применительно к матери Ады перевести эти слова как «тесть» – ошибка переводчика. *Father in law* может означать либо «отец мужа», то есть «свекор», либо, достаточно редко, «отчим» (как синоним «step father»). Однако следует иметь в виду, что в контексте нарочито запутанной генеалогической ситуации, не вполне ясно, кого именно Ада имеет в виду.

персонажей романа. Напротив, цель поставлена противоположная: ввести читателя в заблуждение. В тексте же самого романа истинное положение вещей тоже не лежит на поверхности: повествование сознательно усложнено, реальная картина нарочито запутана, завуалирована и вырисовывается лишь путем сопоставления фрагментарно разбросанных по тексту фактов, как бы случайных реплик, намеков, аллюзий. Разобраться во всем этом возможно лишь путем внимательного и целенаправленного прочтения текста, требуются определенные интеллектуальные усилия (что, а priori, под силу далеко не каждому).

Между тем, на самом деле за кажущимся обычным и благополучным фасадом кроется ситуация более чем скандальная. Во-первых, в действительности Дементий (Демон) Вин, женатый на Акве Дурмановой, является отцом не только Вана, но и Ады (в отличие от Люсетты, отец которой, несомненно, – Даниил Вин). Во-вторых, Марина Дурманова, состоявшая официально в браке с Даниилом Вином, была любовницей брата своего мужа и является матерью не только Ады, но и Вана. Иными словами, главные герои романа – не только кровные, но и единоутробные брат и сестра. Заметим также, что тем самым Ада и Люсетта приходились друг другу единоутробными сестрами, равно как Ван и Люсетта были единоутробными братом и сестрой.

В связи с принципиальным расхождением между картиной, которая зафиксирована в таблице 1, и реальным положением вещей, изложенным в тексте романа, интерес представляет вопрос, кто же формально является ее «автором», «составителем». «Сам» Набоков, автор романа? Или, по замыслу Набокова, один из героев романа? Д.Б. Джонсон приписывает «авторство» этой таблице не непосредственно Набокову, а, предположительно, Вану или Аде, или другому персонажу романа – Рональду Оранже-ру [Оринджеру], выступающему в роли «издателя» его текста¹¹. В пользу того, что это не Набоков, а также, кстати, что это и не Ван или Ада, а именно Оранже-р или некий англоязычный аноним, просто отразивший в таблице общепринятую точку зрения, говорит, как нам представляется, то обстоятельство, что, судя по всему, её составитель (в отличие от членов семьи Винов, в совершенстве владевших русским языком) русского языка не знает: это явствует из того, что фигурирующие в таблице, опубликованной на английском языке, фамилии русских по национальности женщин приведены в мужском роде, причем если фамилии графини Ирины Гариной и, тем более, фамилия Аквы и Марины Дурмановых в зарубежной, в частности в англоязычной и франкоязычной, среде и могут не иметь форму женского рода (то есть писаться в мужском роде, по мужу или по отцу),

---

¹¹ Джонсон, Дональд Б. Лабиринты инцеста в «Аде» Набокова . С. 411.

то княжна София Темносиня никак не могла бы именоваться в мужском роде. Это, возможно, означает, что, помещая таблицу в своем романе, Набоков и «вместе с ним» Ван и Ада как бы демонстративно отстранились от авторства, словно не желая нести ответственность за ее содержание.

* * *

Начало любовной связи между Ваном и Адой относится к тем временам, когда они не догадывались о реальном положении вещей, а если со временем и стали догадываться, то, по молодости лет (их роман начался, когда Вану было 14, а Аде – 12 лет) не придавали этому значения. Между тем, их взаимное влечение друг к другу сразу оказалось столь неодолимым и переросло в столь сильное чувство, в такую всепоглощающую страсть, что когда им стало известно, что они – родные брат и сестра и что связь между ними недопустима и с точки зрения закона, и в глазах общественного мнения, и, наконец, с позиции их родителей, это уже не могло их остановить. На какое-то время они расстались, что было связано с решительным вмешательством их общего отца Демона Вина, когда тот к своему ужасу узнал о любовной связи между ними, что едва не привело к самоубийству Вана (об этом см. главу 11 части второй, стр. 400–407). Ада даже вышла замуж за упомянутого выше Виноземцева. Однако через несколько лет любовники соединились и прожили вместе, упиваясь взаимным общением, до глубокой старости.

Тема кровосмешательства красной нитью проходит через текст романа. Вспомним, как в части первой в главе 13 (стр. 82–83), когда персонажи стали играть в англоязычные анаграммы (мы бы сказали «играть в слова») и за исходное было взято слово *insect* (насекомое), Ада тотчас находит соответствующее ему слово *incest* (инцест, то есть кровосмешение). Вообще, по словам Ады, «Земские были страшными развратниками»: например, один обожал маленьких девочек, а другой упражнялся в скотоложестве (глава 37, стр. 211), да и сам брак князя Всеслава, которому было за семьдесят, когда он женился на 15-летней княжне Софии, вряд ли можно считать нормальным явлением. В этом контексте не приходится удивляться тому, что в главу 21 (стр. 124–126) включено весьма красноречивое и нарочито шокирующее своего рода «мини-эссе» об инбридинге, на протяжении столетий распространявшемся на просторах мифической Татарии. Оно содержит, в частности, немыслимую историю о некоем американце шестидесятилетнем Иване Иванове, жителе не менее мифического Юконска (кстати, упомянутый выше генерал Дурманов был «комендантом Юконской фортеции», а юконским мэром, между прочим, был некий Косыгин – см. стр. 15 и 465), который в сомнамбулическом состоянии ухитрился каким-то образом опло-

дотворить (у С. Ильина – обрюхатить) сперва собственную пятилетнюю правнучку (в переводе О. Кириченко ошибочно – праправнучку), а затем родившуюся от этой связи свою малолетнюю дочь, после чего женился на последней, и о том, как этот извращенный генеалогический фарс довел до одури окончательно запутавшееся в перекрестно-родственных хитросплетениях юконское общество, и без того не отличавшееся чистотой нравов.

Д. Б. Джонсон вообще захвачен своего рода *idée fixe* – мыслью о том, что кровосмесительные связи имели место и в других, более ранних поколениях потомков князя Земского и пытается это обосновать и доказать, что «... кровосмесительные отношения между Адой и Ваном – это только финальный эпизод в серии инцестуальных браков, заключавшихся между Винами и Земскими в течение ряда поколений»¹². Более того, он пишет, что «можно предположить, что семейство Ивановых – это сатирически вульгаризированное изображение клана Земских – Винов...»¹³. Путем блестящего и тонкого, можно сказать, филигранного анализа истории семьи (хотя иной раз его выводы не вполне убедительны, в чем он, впрочем, и сам отдает себе отчет) ученый обосновывает предположение, что Аква и Марина были дочерьми «своевольной» княжны Долли Земской не от ее рогоносца-мужа Дурманова, а от ее кузена Дедалуса Вина. Разыгравшееся воображение увлекшегося литературоведа наводит его далее на мысль о том, что, более того, Долли, возможно, была матерью не только Марины и Аквы, но и Демона. «Это означает, что Демон женился на одной и вступил в любовную связь с другой своей родной сестрой»¹⁴.

* * *

Теперь обратимся ко второй части заглавия нашей статьи.

В неоднократно упомянутой выше работе Д.Б. Джонсон большое внимание уделяет литературным предшественникам набоковской «Ады» – творчеству тех литераторов (среди них – Шатобриан, Байрон, Пушкин), знакомство с произведениями которых, по мнению автора статьи, вдохновило Набокова на то, чтобы сделать тему инцеста центральной темой романа.

Хотелось бы сразу отметить, что, действительно, Набоков не мог не быть хорошо знаком с этими произведениями и, соответственно, в той или иной степени не мог не испытать их влияния на свое творчество (между прочим, «Ада» насыщена явными и неявными отсылками к этим произве-

---

¹² Там же. С. 412.

¹³ Там же. С. 423.

¹⁴ Там же. С. 413–416.

дениям). Однако представляется, что степень этого влияния Д.Б. Джонсоном преувеличена. Набоков был настолько одарен безудержной фантазией и безграничным воображением, что, по существу, не нуждался в каких-либо непосредственных заимствованиях у своих предшественников; ему было достаточно лишь «прикоснуться» к теме инцеста, чтобы породить очередной всплеск творческого процесса.

Я вполне отдаю себе отчет в том, что моя попытка проникнуть в творческую лабораторию такого писателя, как Набоков, может показаться самонадеянной (таковой она, возможно, и является), а выводы, к которым я прихожу, – недостаточно убедительными (что тоже приходится допустить и признать). Тем не менее, я решаюсь эту попытку предпринять, поскольку рассматриваемый вопрос в значительной степени носит именно генеалогический характер.

Представляется, что источником интереса писателя к теме инцеста – и здесь я перехожу к главной идее настоящей статьи – могли быть не только литературные произведения, но и реальные события.

Достаточно, например, сказать, что он не мог не знать о своеобразной ситуации, сложившейся в семье своего современника и старшего собрата по перу, литератора и мыслителя, тоже оказавшегося за рубежом, – Вячеслава Ивановича Иванова (1866–1949). Напомним: Вячеслав Иванов после развода с первой женой вступил в брак с Лидией Дмитриевной Зиновьевой (причем в результате развода церковные власти осудили его на вечное безбрачие, из-за чего им пришлось венчаться за границей). Для Л.Д. Зиновьевой это тоже был второй брак – до того она была замужем за Константином Семеновичем Шварсалом (с которым тоже развелась) и имела от последнего троих детей, в том числе родившуюся в 1890 г. дочь Веру. У Вячеслава и Лидии Ивановых в 1896 г. родилась дочь Лидия. В 1907 г. Лидия-старшая умерла, и через несколько лет Вячеслав Иванов женился на своей юной падчерице Вере Шварсалон, хотя с точки зрения брачного права православной церкви этот брак был абсолютно недопустим. В 1912 г. у супругов родился сын Дмитрий. В результате возникла двусмысленная ситуация: дети Вячеслава Иванова Лидия и Дмитрий по отцовской линии были единокровными сестрой и братом; в то же время по материнской линии они приходились друг другу соответственной тетушкой и племянником! Можно себе представить, сколь богатую пищу для творческого воображения давала эта ситуация Набокову!

Однако еще более занимательная история в недалеком прошлом случилась в собственном родственном окружении писателя.

Перенесемся мысленно к событиям, имевшим место за сто лет до того, как Набоков взялся за сочинение своего знаменитого романа.

В начале 1860-х гг. в семье Набоковых разыгрались драматические события.

Речь идет о родных сестрах деда писателя, видного государственного деятеля Дмитрия Николаевича Набокова (1826–1904), в то время действительного статского советника и гофмейстера Высочайшего Двора (вскоре ему предстояло стать министром юстиции и членом Государственного Совета), – Вере Николаевне (1830–1862) и Елене Николаевне (1841–1904) Набоковых.

В конце 1850-х гг. Вера Набокова вышла замуж за помещика Новоржевского уезда Псковской губернии Виктора Николаевича Голубцова (1832–1903), а ее младшая сестра Елена в начале 1860 г. стала женой поручика Гвардейской конной артиллерии барона Федора Федоровича Корфа (см. таблицу 2). Судьбе было угодно, чтобы оба эти брака, хотя и по совершенно разным причинам, оказались недолговечными.

У четы Голубцовых один за другим появляются на свет дети – Мария, Николай, Вера. Однако, родив Веру, молодая мать скончалась.

Тем временем, оскорбительное обращение барона Корфа с молодой женой (детали этой прискорбной ситуации остаются нам неизвестными) вынудило ее обратиться за заступничеством к своим братьям, и в апреле 1860 г. один из них вызвал барона на дуэль и застрелил его.

На руках овдовевшего В.Н. Голубцова осталось трое малолетних детей, но по своему болезненному состоянию (в частности, он почти ослеп) он не только не мог надлежащим образом заботиться о них, но и сам нуждался в постоянном попечении. Эти заботы взяла на себя 19-летняя сестра его жены, только что овдовевшая при столь трагических обстоятельствах. Ситуация способствовала их сближению, и вскоре оба они приходят к решению вступить в законный брак. В 1863 г. они были обвенчаны в Санкт-Петербурге, а в 1864 г. на свет появился их первенец, Михаил.

Эти события положили начало новой драме.

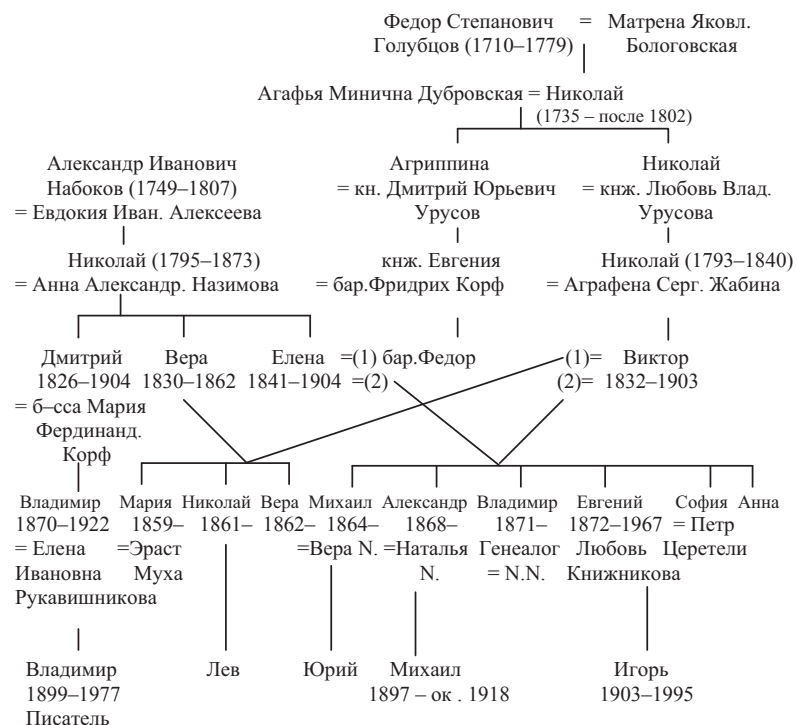
Дело в том, что становление нового семейного союза опять-таки вступило в противоречие с церковным брачным правом.

Каноническое право Русской православной церкви основано на так называемой Кормчей книге – сборнике узаконений и правил, источником которых служило византийское право. В частности, Кормчая безусловно запрещала браки в кровном родстве до шестой степени включительно (например, не допускались браки не только между двоюродными, но и между троюродными братом и сестрой). При этом аналогичные строгости распространялись и на браки, заключаемые в свойстве, которое как бы приравнивалось к кровному родству. Хотя в XIX в. Русская церковь (указами Святейшего Синода от 1810, 1841 и 1859 гг.) пошла по пути смягчения в

области применения брачного права, круг полностью запрещенных, а также и нежелательных браков оставался достаточно широким.

Вглядимся под этим углом зрения в таблицу 2.

Таблица 2. Родственные связи между Набоковыми и Голубцовыми

На первый взгляд, родословная, представленная в ней, имеет мало общего с родословной, содержащейся в таблице 1. Однако это только на первый взгляд.

Прежде всего, брак Елены Набоковой с бароном Федором Корфом с точки зрения церковного права относился если и не к запрещенным, то к нежелательным. Дело в том, что родная сестра Елены Вера, как мы знаем, состояла в браке за Виктором Голубцовым, однако последний приходился

барону Корфу троюродным братом: как показывает таблица, дед Голубцова по отцовской линии Николай Голубцов и бабушка барона по линии его матери Агриппина Николаевна были родными братом и сестрой. Бросающееся в глаза родство между названными лицами по линии князей Урусовых на самом деле было достаточно далеким, а вот соединяющее их родство троюродное хотя и перестало к середине XIX в. служить непреодолимым препятствием к заключению брака, все же считалось нежелательным. Это относилось и к браку барона Корфа, поскольку он женился на родной сестре жены своего троюродного брата, и ко второму браку баронессы Елены Корф и Виктора Голубцова, так как в первом браке она была женой его троюродного брата.

Однако это было, так сказать, полбеда.

Беда же состояла в том, что Виктор Голубцов во второй раз женился *на родной сестре своей первой жены*. Согласно же церковному брачному праву сестры жены по степени родства (хотя это было свойство, то есть квазиродство) приравнивались к родным сестрам мужа, то есть баронесса Елена Корф состояла с Виктором Голубцовым *в первой степени двухродного свойства*.

Иными словами, этот союз с точки зрения действовавшего брачного права приравнивался к браку с родной сестрой и подлежал непременно расторжению, вернее, признанию его недействительным, а родившегося в этом противозаконном союзе сына следовало признать внебрачным.

Заметим, что в России браки между близкими свойственниками и даже близкими родственниками хотя и считались незаконными, были нередки. Но в большинстве случаев священники, венчавшие такие пары, или не были осведомлены о столь близком родстве или свойстве между брачующимися, или просто закрывали на это глаза (иногда – за соответствующую мзду). С другой стороны, хотя о таких уже состоявшихся браках мог знать достаточно широкий круг людей, в большинстве случаев никому не приходило в голову доносить об этом «куда следует». В случае же с Голубцовыми священник, крестивший младенца Михаила в 1864 г. (мальчик родился и был крещен в церкви при имени Голубцовых на Псковщине), счел нужным официально доложить о возникшем казусе епархиальному начальству, после чего в Псковской духовной консистории делу о «неправильном» браке не мог не быть дан ход. Решение же, в соответствии с каноническим брачным правом, могло быть для родителей новорожденного только неблагоприятным: их брак не мог быть признан законным, а их сын не мог считаться законнорожденным. Можно представить себе, каковы были бы последствия такого исхода дела для всей семьи.

Положение спасло лишь личное вмешательство Императора Александра I, секретно повелевшего дело о браке Голубцовых «положить под сукно».

Излагать подробности этой истории не входит в задачу настоящей статьи¹⁵. Нас же интересует соотношение генеалогического и правового контекста реальной ситуации, в которой оказались Виктор Голубцов и Елена Набокова, с содержанием романа Набокова, с положением, в котором, по воле писателя, оказались Ван Вин и Ада Вин, – и, в частности, сопоставить две представленные родословные таблицы, в которых отражена генеалогическая структура обеих ситуаций.

Следует сказать, что Набокова никоим образом нельзя отнести к числу людей, увлеченных или даже просто активно интересующихся генеалогией своего собственного родственного окружения. Несмотря на то, что среди его предков было немало персон, оставивших след в истории, он не придавал этому большого значения и ощущение корневой принадлежности к истории своей семьи не входило в число основополагающих сторон его самосознания. «Восемнадцать лет покинув Петербург, – писал Набоков в своих воспоминаниях, – я был слишком молод в России, чтобы проявить какое-либо любопытство к моей родословной; теперь я жалею об этом – из соображений технических: при отчетливости памяти личной неотчетливость семейной отражается на равновесии слов»¹⁶. Когда Набоков писал о Ване Вине, что тот оставался «невосприимчивым к пышным восторгам генеалогического самопознания и равнодушным к обстоятельству, которым ослы объясняют сразу и холодность, и горячность снобизма» (стр. 20), он, по-видимому, в какой-то степени мог бы отнести эту характеристику и к самому себе. Впрочем, Ван (и «вместе с ним», можно предположить, и сам Набоков) на самом деле совершенно равнодушным к своей родословной не был, разбирался в ней и предками своими гордился. Об этом косвенно свидетельствуют его слова, обращенные к своей единоутробной сестре Люсетте: «Я и помыслить не мог, что девица, чей род восходит к скандинавским королям, великим русским князьям [лучше было бы перевести «к русским великим князьям». – И. С.] и ирландским баронам, способна усвоить язык сточной канавы» (стр. 344).

Так или иначе, история, приключившейся с супругами Голубцовыми, была Набокову известна. Сомневаться в этом не приходится. В своих мемуарах, затрагивая вопросы генеалогии Набоковых и их родственного окру-

---

¹⁵ Интересующихся я отсылаю к моей статье на эту тему: *Сахаров И.В.* К истории семейной драмы Голубцовых и Набоковых: находка в архиве // Набоковский вестник. Вып.2. Набоков в родственном окружении. – СПб., 1998. С. 120–129.

¹⁶ *Набоков В.* Другие берега. Ann Arbor, 1978. С. 43.

жения, он писал: «Уже в эмиграции кое-какими занятными сведениями снабдил меня двоюродный мой дядюшка Владимир Викторович Голубцов, большой любитель таких изысканий»¹⁷. Упомянутый дядюшка, как видно в таблице 2, – ни кто иной, как один из сыновей Виктора Николаевича Голубцова и Елены Николаевны, урожденной Набоковой, и, естественно, он не мог не изложить Набокову все перипетии семейной истории и их генеалогический контекст.

Это дает нам основание предположить – с достаточной долей уверенности, – что история этой драмы и лежащее в ее основе генеалогическое содержание не могли не заинтересовать писателя. Изогранный же ум и безудержное воображение Набокова направили писателя по пути творческого осмысления и переосмысления драмы, разыгравшейся в родственной ему среде. Как далеко ни уходил бы писатель от первоначальной, исходной ситуации, он все же как бы «отталкивался» именно от нее (или, во всяком случае, в частности от нее) и притом во многом оставался «в той же системе координат». Это можно сказать, например, о замене квазикровосмещения, которым был отмечен второй брак Голубцовых, на действительно предосудительную и потенциально кровосмесительную связь, соединившую главных героев «Ады» (впрочем, реального кровосмещения в данном случае последовать не могло, так как Ван Вин был от природы бесплоден). В данном случае обе ситуации имеют, так сказать, «односистемный» характер, и это подчеркивает сходство между ними. Ван Вин и Ада Вин составляют пару если и не идентичную паре Виктора Голубцова и Елены Набоковой, то с нею соотносимую.

Разумеется, я далек от мысли утверждать – и даже предполагать, – что драма, случившаяся в семье Набоковых – Голубцовых, представляет собой главный источник сложной, запутанной генеалогической «структуры» «Ады» и, тем более, полагать, что именно эта история опосредованно натолкнула писателя на мысль сделать кровосмещение едва ли не лейтмотивом романа. В некоторых отношениях роман этот отразил все богатство внутреннего мира Набокова, в нем нашла свое отражение присущая ему эрудиция, как кажется, не имеющая границ, – эрудиция, накопленная на протяжении всей его жизни. У такого произведения, как «Ада», нет и не может быть одного источника вдохновения. Но в том творческом богатстве, которое унаследовал и приобрел Набоков и которое было преобразовано его выдающимися дарованиями и запечатлено в романе «Ада», – я уверен – некое, пусть даже скромное место занимает память о семейной драме, случившейся некогда в кругу его добропорядочных родственников и едва не разрушившей благополучие некоторых из них.

---

¹⁷ Там же. С. 43.

**«Знать формулу своей сложнейшей крови»:
Леонид Лихачёв – генеалог и поэт**

В Архиве РАН, в фонде Н.П. Лихачёва, есть единица хранения, озаглавленная «Стихотворения, посвящённые Лихачёву Н.П.». Среди четырех содержащихся там стихотворений выделяется одно с названием «Genealogia»¹. Оно дважды, без каких-либо дополнительных комментариев и атрибуции, было опубликовано в качестве приложения к тексту доклада, прочитанного М.Е. Бычковой на заседании Ученого совета ИРИ РАН 4 апреля 2002 г. и посвященного 140-летию академика Николая Петровича Лихачёва² – историка, палеографа, генеалoga и коллекционера. Приведем это стихотворение здесь с сохранением пунктуации и орфографии подлинника и убрав попавшие в ранние публикации досадные опечатки и неверные прочтения, иногда меняющие смысл фразы.

---

* Александр Викентьевич Родионов, профессор, доктор биологических наук, Биологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий лабораторией биосистематики и цитологии Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН, член-корреспондент РАЕН, действительный член Académie Internationale de Généalogie, член Совета РГО.

* Ольга Андреевна Флоренская, художник.

¹ Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее: СПФА РАН). Ф. 246. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 3.

² *Бычкова М.Е.* К 140-летию Н.П. Лихачёва // Русский родословец: Альманах. Черноголовка (Московской обл.): Территория, 2002, № 1(2). С. 49-53; *Ее же.* К 140-летию Н.П. Лихачёва // Русско-литовская знать XV-XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика. Сост. *О.И. Хоруженко, Р.Б. Казаков.* М.: Квадрига, 2012. С. 33-40. Текст доклада, с библиографическими ссылками, отсутствующими в вышеприведенных публикациях, но без стихотворного приложения, опубликован также: *Ее же.* Николай Петрович Лихачёв (12(24).04.1862-14.04.1936) // Труды Института российской истории. Вып. 6 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. *А.Н. Сахаров.* М., 2006. С. 18-33.

Многоуважаемому и милому дяде Коле
от любящего племянника

Genealogia

На сумерках потрескавшихся фанов³,
В косноязычьи грамот и указов,
Года, поступки, лица и названия –
– Единой цепи спутанные звенья.
Но в полумраке часть их скрыта тенью,
И бликами подчеркнута другая;
Пра-прадеда в забвеньи случай топчет⁴,
Прозванье бабки уцелело в купчей.
И сохранившееся завещанье
Рассказывает о полудне рода.
Бумагами, крестами и вещами
Цепляются столетья друг за друга,
И поколенья льнут одно к другому,
И люди смерть преодолевают ими.
Тщеславие? Оно глупцов забава:
Перед лицом веков позор и слава
Два одинаково неслышных слова,
Две капли в той неумолимой лаве,
Которой мы название дали: – «время».
Но ощущать себя тысячелетним⁵,
Учитывать слагаемые суммы,
Знать формулу своей сложнейшей крови,
Доказывать себя как теорему
На основаньи линий родословья
И траурный ультра-марин⁶ Хованских,
И кровь Пожарских – пламя спиртовое
С берлинскою лазурью Тизенгаузен

---

³ Возможно, здесь имеется ввиду абажур (плафон) настольной лампы – от греческого (Φανός)[*phanos*] – «факел, светлый, яркий – лампа», однако нам кажется более вероятным второй вариант: в основе «фан» – фр. *fané* – «высохший», этим словом называют, в частности, высушенные и расправленные листья растений – может быть, так можно назвать и страницы старинных манускриптов?

⁴ Так в рукописи. В публикации М.Е. Бычковой (2012): «Прапрадеда в забвеньи случай топчет»

⁵ Так в рукописи. В публикации М.Е. Бычковой: в тысячелетьи

⁶ Так в рукописи. В публикации М.Е. Бычковой: ультрамарин

Смешать в сосуде памяти и мысли; –
Вот чем я занят краткими ночами
Грядущее на гибком коромысле
Уравновесить с прошлыми веками!⁷

В семье Наук⁸, своих сестер державных,
Генеалогия не знает равных!⁹

Л. Лихачёв

9 июня 1929 года,
СПб¹⁰

Прежде всего, отметим одну особенность текста стихотворения – датированный 1929 годом, он, между тем, написан с использованием буквы «ять» (ѣ) в окончаниях дательного и предложного падежей существительных I склонения и дательной и предложной форм личных местоимений, а также в корнях исконно русских слов, где буква «ять» должна стоять по правилам правописания, существовавшим до реформы орфографии 1918 г. В этом есть какой-то смысл, какой-то авторский умысел – в тексте известных нам дневников автора стихотворения этого времени такое написание не встречается.

Автор стихотворения, подписавшийся как Л. Лихачёв, – это Леонид Александрович Лихачёв (1903–1943) – двоюродный племянник академика Николая Петровича Лихачёва. Отец Леонида – Александр Андреевич Лихачёв (р. 10.11.1878, Казань – † 4.05.1920, Пирей, Греция¹¹) юрист, выпускник

⁷ Так в рукописи. В публикации М.Е. Бычковой без знака !

⁸ Так в рукописи. В публикации М.Е. Бычковой: наук

⁹ Так в рукописи. В публикации М.Е. Бычковой без знака !

¹⁰ Так в рукописи. В публикации М.Е. Бычковой (2012) ошибочно поставлен 1924 год, аббревиатура СПб опущена. Отметим, что Л.А. Лихачёв постоянно жил в Москве, но часто гостил в Ленинграде, в доме Н.П. Лихачёва на Петрозаводской улице. Стихотворение «Genealogia», судя по дате, написано в один из этих приездов, имевший место (19–22) мая – 6 июля 1929 г.

¹¹ Дата 4 мая 1920 г. стоит в сообщении о смерти Александра Андреевича Лихачёва, 42 лет, похороненного на Русском кладбище в Пирее, Греция, опубликованном в «Новик. Историко-генеалогический журнал» (Нью-Йорк). 1940. Вып. 4(28). Часть II. С. 53. Сам Л.А. Лихачёв полагал, что отец его умер 19 мая 1920 г. («Лихачёвы» – РО ИРЛИ. Ф. РІ. Оп. 45. Ед. хр. 4. «Л». Л. 114 об.). Вероятно, дата смерти, попавшая в «Новик», 4 мая (быть может, должно быть 6 мая ?) указана по старому стилю, а Л.А. Лихачёву была сообщена дата уже по новому стилю, как 19 мая. Могила А.А. Лихачёва к настоящему времени не сохранилась – *Талалай М.Г.* Русское кладбище имени Е.К.В. Королевы Эллинов Ольги Константиновны в Пирее (Греция) / *Русский Некрополь*. Вып. 12. СПб.: ВИРД, 2002. 48 с.; *Жалнина-Василькиоти И.*

Казанского университета. Мать – Вера Леонидовна рожд. Афанасьева (р. 1.10.1888), окончила Казанскую гимназию, во время гражданской войны эмигрировала в Египет, умерла 9 февраля 1935 г., погребена на греческом кладбище в Александрии¹².

Леонид – единственный ребенок Александра Андреевича и Веры Леонидовны, родился 11 апреля 1903 г. в Казани. Его дед – Андрей Федорович Лихачёв (1832–1890) – выдающийся казанский коллекционер, нумизмат и археолог-любитель, чья обширная коллекция легла в основу современного Национального музея Татарстана. С 1914 года семейство Лихачёвых обосновалось в Харькове – Александр Андреевич Лихачёв получил место товарища прокурора Харьковского окружного суда. В Харькове Леонид поступил в гимназию. К этому периоду относятся его первые стихотворные опыты. Седьмой класс гимназии ему не удалось закончить – в декабре 1919, перед приходом красных, семья покинула Харьков.

Шесть лет спустя Леонид вспоминал Харьков декабря 1919 года: «...Из домов выносили вещи – тянулись обозы с учрежденческим имуществом и пожитками частных граждан, их обгоняли военные автомобили...<...>. Лошади были не только поданы, но уже тронулись в путь. Выйдя из переулка на Сумскую, мы как раз натолкнулись на унылый обоз, увозивший нашу жизнь из Харькова. Я совсем не помню состав этого гротескного поезда, состоявшего из легковых саней и розвальней <...>. Помню только, что с Сумской, по которой трудно было передвигаться на полозьях, мы свернули очень скоро вправо и поехали какими-то предместьями, быстро превратившимися в поля. Весь кортеж состоял из двадцати двух подвод. <...> Как брезентовый купол цирка висело плохо натянутое скомканное небо. Снег был местами болезненно предсмертно-голубым, местами пожелтел. Он, да черный кустарник, двойные запятые ворон, выламывающихся над деревьями – складывались в тонко прочувствованную декорацию для драмы из русской жизни любого века. Бегство от татар? Ссылка удельных при Грозном? Эпизод Смуты? Опала послепетровских царствований? Не все ли равно, раз – снег, голые сучья, русское небо, птицы и сознание, что на тысячи верст кругом – птицы, голые сучья, снег. Это воспринималось то как сон, то как пробуждение от сна с чиновничьим европеизмом квартирных кулис <...>. Это воспринималось то

«Родной земли комок сухой!». Русский некрополь в Греции. М.: Книжница-Русский путь, 2012. С. 94.

¹² Эта дата стоит в родословной росписи Лихачевых в Рукописном отделе ИРЛИ, Ф. РІ. Оп. 45. Ед. хр. №4. Л. 111–119 об. В опубликованном В.В. Беляковом списке русских захоронений в Египте сказано, что Лихачева В.Л. скончалась в апреле 1935 г. – см.: *Беляков В.В.* Российский некрополь в Египте. Серия «Российский некрополь». Вып. 11. /Ред. А.А. Шумков. М: Гуманитарий, 2001. С. 23.

Портрет Л.А. Лихачева, Тверь, 1924 г.
(из семейного архива Я.М. Тюлина)

как катастрофа, как божественный каблук, топнувший по самой верхушке муравейника, то как освобождение бабочки из кокона, как выход на улицу после красивой, но чересчур затянувшейся пьесы. Это во всяком случае воспринималось как эпилог жизни семейной и начало личной <...>.

В моей покинутой комнате на Сумской ещё стояли мои книги, валялись тетради с генеалогией Капетингов и стихотворными потугами. Кое-что из них я собирался захватить <...> – Я не жалел об этих вещах, но разлука с ними казалась мне символичной. Кому нужна генеалогия Капетингов и Северяниноподобные мои вирши под русским небом, среди безграничных снегов, черных сучьев и былинных ворон наступившего сегодня?

И ещё я запомнил замечательный стаффаж Левитановского того ввещения. За одной из подвод, ревя в голос и утирая слезы углом головного платка, шла наша кухарка Ирина, которая до последней минуты не могла решить, поедет ли она с нами или останется. Я как сейчас вижу идиотски торчащие ушки её новых мужских штиблет, разъезжавшихся по скользи. На каком-то повороте она сгнула <...>¹³

Во время этого бегства семейство Лихачёвых разделилось, а лучше сказать – распалось. Леонид с бабушкой Ольгой Михайловной Афанасьевой, рожд. Боровковой¹⁴ и кем-то ещё из многочисленной родни странствовали по югу России – Херсонская губерния, Владикавказ, Ессентуки. В Ессентуках в 1920 году Леонид закончил гимназию (школу?). Отец Леонида, волей обстоятельств гражданской войны, оказался в Греции и умер в 1920 г., был погребен в Пирее. Братья отца Алексей и Фёдор пропали без вести – Алексей в 1919-ом году, Фёдор в 1920-ом¹⁵. Есть сведенья, что Фёдор был в армии А.В. Колчака¹⁶.

---

¹³ Здесь и далее публикуются отрывки из дневника Л.А. Лихачёва за 1924–1934 гг., сохранённого Яковом Михайловичем и Степаном Яковлевичем Тюлиными. Дневник сейчас готовится к печати.

¹⁴ Ольга Михайловна Боровкова, родилась 13 июля 1863 г. в имение отца и деда слободе Александровка-Донская Павловского уезда Воронежской губ., умерла в Москве 25 января 1928 г., погребена на Миусском кладбище. Она дочь отставного штаб-ротмистра Михаила Александровича Боровкова и жены его Надежды Петровны, рожд. Вишневской. Жена д.с.с., товарища председателя Казанского окружного суда (1903) Леонида Николаевича Афанасьева (†21.07.1914, Тула, погребён в г. Лубны Полтавской губ.) – РО ИРЛИ. Ф. РІ. Оп. 46. Ед. хр. 1. «А-Б». Л. 267.

¹⁵ В СПб филиале Архива РАН в фонде Н.П. Лихачёва есть две фотографии Федора Андреевича Лихачёва в военной форме с погонами подпоручика и поручика. На обороте надпись: «убит» – СПФА РАН. Ф. 246. Оп. 2. Ед. хр. 41. Л. 5, 6.

¹⁶ Флам Л.С. Заметки по родословию Лихачёвых в XIX–XX вв. // Летопись Историко-Родословного Общества в Москве. 2005. С. 142–149.

Мать осела в Египте, в Александрии. Скучала о сыне – косвенное упоминание о Леониде находим в словесном портрете Веры Леонтьевны времён её пребывания в Египте, оставленном художником И.Я. Билибиным, тоже беженцем из Новороссийска.

«...Познакомился <...> с г-жой Лихачёвой. Ничего себе. Дама, имеющая взрослого сына (его здесь нет), но очень умело молодящаяся, так что порой выглядит совсем молодой. Вот бы мне обучиться этой науке. Держит себя хорошо, немножко развязно, очень хорошо говорит по-французски и прекрасно ведёт общий разговор на какую угодно тему. Сидит, закинув ногу на ногу, курит папиросы (мундштук длинный, маленькая золотая спичечница), обладает отшлифованными остроконечно остриженными ногтями и носит легкое декольте, причем одно плечо, как бы нечаянно обнажается несколько больше, чем другое, платье черное и простое; нога маленькая, чулки черные, прозрачные. Губы сильно подкрашены; волосы тоже, очевидно, крашенные; цвет золотистой соломы. Вот видите, какой подробный портрет...»¹⁷.

Мать в письмах звала сына к себе...

И я когда-нибудь уеду за границу,
Найду спокойную, культурную страну,
И в книге жизненной переверну страницу,
На шее галстучек цветистый затяну.

И буду я служить в шикарном магазине,
А там, со временем, ещё прочней осев,
Женюсь, как следует солидному мужчине,
Чтоб слушать вечером семейно «T.S.F.»¹⁸

И буду за город ходить по воскресеньям,
Роскошно тратиться на пиво и кино,
И сыну говорить с сердечным умилением,
Что в наших жилах бьет варяжское вино.

Но выпив как-нибудь не в меру много кружек,
Я вспомню дикую, нелепую страну,
И гвоздь нащупаю... и много-много туже
На шее галстучек цветистый затяну.

(Л.А. Лихачёв, «Галстучек», 1926)

¹⁷ Письмо И.Я. Билибина – Л.Е. Чириковой из Каира, 7–9 мая 1922 г., цит. по: И.Я. Билибин в Египте. Письма, документы и материалы. М.: Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына Русский Путь, 2009. С. 95–96.

¹⁸ T.S.F. – марка радиоприемника.

Запись в дневнике 20 февраля 1927 г.: «Я знал, что этот момент настанет и боялся его. Люс¹⁹ зовет меня к себе. Нельзя жить в постоянном самоубегании. А между тем письмо, уже написанное и которое я сегодня пошлю, покачивается как девка на канате: «С одной стороны... с другой стороны... с десятой стороны...» И сколько их этих сторон! В этом водовороте завинтились все колебания последних лет. Повидать Египет мне бы, понятно, очень хотелось, но обречь себя на вечный, даже на долгий Египет... В прошлом я любил Люса и ненавидел его. Какое из этих чувств воскресло бы при встрече? Ужасно не чувствовать никаких долгов. Испытай я долг по отношению к матери, и долг по отношению к родине, я немедленно сравнил <бы> их, увидел бы который больше и поступил бы согласно его велению. Но я чувствую себя совершенно свободным. О своем человеческом активе я не могу сказать ни что я одинок здесь, ни что отношения, сложившиеся у меня с окружающими, могли бы меня удержать. Мара²⁰? Лиля²¹? Было бы химерой верить в прочность этих тепличных связей – особенно Лиля. Стоило бы мне очень полюбить её, как она тотчас же нашла бы меня надоедливый и смешным. Мы только и делаем всю жизнь, что гоняемся друг за другом, и когда я бегу за ней она ускользает от меня, а потом роли меняются. <...>. У меня ещё хватило бы сил наберовать себе легион близких (таких близких) в новых условиях. Но есть одно возражение. Мне как воздух необходимо русское Дорогомилово–Отрада–Федя, как бы оно ни называлось и в каком бы ни являлось костюме. Страшно, не будучи патриотом, быть народником – и народником в определенно патриотических границах. Я очень хорошо знаю что меня не потянет ни в какое Египетское дорогомилово и феллахская отрада лишена для меня всякого attrait²². И вот эта маленькая гирилка кажется перевесит очень большие (они ведь другие!)».

Дорогомилово упомянуто здесь не случайно – там, в подмосковном Дорогомилово, на 1-ой и 2-ой Извозных улицах, стояли дворы московских извозчиков, с их бесконечными навесами, «телегами и пролетками, зало-

---

¹⁹ Домашнее имя матери Л.А. Лихачёва – Веры Леонидовны Лихачёвой.

²⁰ Мара – домашнее имя Марии Николаевны Лихачёвой (в зам. Бабыниной) (17.10.1905–1942), дочери Н.П. Лихачёва. Мара окончила школу в Ленинграде, работала шофером. Умерла во время блокады в сентябре 1942 г., погребена на Пискаревском кладбище.

²¹ Лиля – домашнее имя Елизаветы Николаевны Кашкиной (15.01.1904–26.06.1951). Лиля в самом начале 1920-х гг. была женой Л. Лихачёва, затем замужем за Андроником Борисовичем Ушковым, затем за архитектором Николаем Николаевичем Соболевым (1906–1980).

²² attrait (фр.) – привлекательность, прелесть.

мившими оглобли к небу – то звездному, то дневному». Ну а «Отрада» – это, в целом, терпкий мир московских извозчичьих чайных. Ему, этому миру, и отношению к нему было посвящено несохранившееся стихотворное или прозаическое произведение Л.А. Лихачёва «Отрада», над которым он работал много лет (в дневнике «Отрада» упоминается и в 1926, и в 1933 г., когда «Отрада» была кардинально переработана). Из контекста ясно, что Федя – или герой «Отрады», или реально существовавший московский ломовой извозчик.

Запись в дневнике 27 сентября 1927 г.: «...довольно долго пробыл с Феодором. Заходили с ним в пивную. Он много рассказывал о деревне, о катаньи с горы, о драках... Ужасно смешно, что он докторально осуждает красноармейцев, которые пьют выдаваемый им на паек чай, вместо того чтобы продавать его. Он считает это транжирством и отвратительной гордостью».

Вот как описывается в дневнике чайная в Газетном переулке (на дворе декабрь 1926 года): «...Пахнуло Никитской, и ярко вспомнилась моя «Отрада». А ведь без неё из сложного механизма моей жизни вынут какой-то очень важный винт, отсутствие которого я постоянно ощущаю. <...> Люди с красными лицами и черными руками, суконные гиппопотамы, пахнущие навозом, телом, водкой и махрой, примитивно мыслящие существа, казалось бы, столь полярные мне, развинченному и переутонченному выродку, какою-то своей стороной теснее соприкасаются со мной, чем Гриши²³, Лихи²⁴, Топы²⁵, чем самые близкие мне люди «своей» среды. Иногда я думаю, что точкой такого соприкосновения является скепсис — у них от невежества, у меня от ироничности и атеизма (в самом широком смысле этого понятия)».

---

²³ «Четыре Гриши» – дружеская компания начала 1920-х годов, так называли себя Леонид Лихачёв, Яков Тюлин, Иван Гродецкий и, по-видимому, Константин Дунин-Борковский. «Четвертым-пятым» Гришей в дневнике называется Мара Лихачёва.

²⁴ Лихачёвы

²⁵ Топы – московская семья графов Ростопчиных. Один из ближайших друзей Леонида – граф Фёдор Борисович Ростопчин («Топ») (1904–29.07.1937) в 1918 г. в 13 лет добровольцем ушел в составе Красной гвардии защищать Петроград от немцев, в 1918–1921 гг. в Красной армии, с 1919 по 1921 в комсомоле, откуда вышел, увлекшись анархизмом. Затем окончил среднюю школу и Московский институт востоковедения имени Нариманова, в 1926–1931 гг. ассистент в Коммунистическом университете трудящихся Востока, иранист. До 1928 г. член («рыцарь») тайной анархо-мистической организации «Орден тамплиеров». В 1928 г. разочаровался в анархизме. Переехал в Ленинград. В марте 1935 г. выслан из Ленинграда в Бухару, там 11.02.1937 г. арестован, в мае 1937 перевезен в Москву, где осужден и расстрелян.

В 1920 году Леонид приехал в Москву и был принят как сын в семью своего двоюродного дяди – академика Николая Петровича Лихачёва и его жены Натальи Геннадьевны, дочери историка Г.Ф. Карпова. Многочисленное семейство Лихачёвых проживало на Большой Ордынке, в доме № 36. Этот дом до революции принадлежал матери Натальи Геннадьевны, Анне Тимофеевне Карповой (в девичестве Морозовой), сестре Саввы Тимофеевича Морозова²⁶. Семья Н.П. Лихачёва ещё в 1917 году переехала в Москву из Петрограда, спасаясь от голода и наступления немцев. В Петрограде у них оставался собственный трехэтажный дом (Петрозаводская улица, 7), построенный в 1903 году специально для того, чтобы разместить там все разраставшееся семейство, многочисленные коллекции и библиотеку Н.П. Лихачёва.

Здесь Леонид оказался в компании своих молодых кузенов и кузин, многие из которых были его ровесниками. В семье Лихачёвых было девять взрослых детей: Сергей (11.11.1894–1942, Москва), Анна (1898–январь, 1942, Ленинград), Геннадий (17.07.1899–2.11.1972), Наталья (4.12.1900–1977), Клавдия (Кава) (6.08.1902–февраль, 1942, Ленинград), Алексей (Алик) (1904–1992), Мария (Мара) (1906–сентябрь 1942, Ленинград), Иван (1907–1940, Магадан), Петр (1910–29.09.1957, Москва). Кроме них в семье жила осиротевшая в послереволюционное лихолетье племянница Наталья Геннадьевны Анна Николаевна (Аннушка) Ненарокова (1901–1978).

Тогда же Леонид встретил и полюбил на всю жизнь (хотя к 1923 году их брак уже распался) Елизавету (Лилю) Кашкину, дочь инженера путей сообщений Николая Николаевича Кашкина (1867–1934) и Ольги Никаноровны, рожд. Анненковой (1877–1963). До 1925 г. жил, сначала с Лилей, потом один, в маленькой комнате в квартире Софьи Николаевны Ньюберг-Кашкиной на Остоженке. В 1925 г. окончательно переехал в московский дом Лихачёвых на Ордынке. Служил в Государственном Историческом музее – водил экскурсии в Кремле, в соборе Василия Блаженного. Бедствовал, любил бродить по извозничьим чайным, водил дружбу с извозчиками, был знатоком и любителем цыганского пенья. Свои похождения подробно описывал в дневнике, который вёл регулярно (сохранились тетради с записями с июня 1924 по июнь 1934 года; 13 исписанных тетрадей, вероятно, тоже дневник, были изъяты при аресте в 1936 году и пропали). Писал стихи, поэмы, известные нам только по названиям: «Трясина», «Петр I», «Петр II», «Павел». Не делал никаких попыток их опубликовать, зато много и часто читал их в компании многочисленных друзей и знакомых. Часто посещал

²⁶ *Филаткина Н.А.* Династия Морозовых: лица и судьбы. М: Издательский дом ТОНЧУ, 2011. С. 406.

литературные вечера во Всероссийском союзе поэтов в Доме Герцена (Тверской бульвар, 25). Вероятно не без влияния Н.П. Лихачёва много и упорно занимался генеалогией.

Как им самим же и сказано (перефразируем):

«Вот чем я занят краткими ночами – на основании линий родословья грядущее на гибком коромысле уравниваю с прошлыми веками...»

1924, Август 16. <...> Дядя Коля²⁷ прислал мне «Генеалогическую» ист<орию> <одной помещицкой> библиотеки»²⁸.

1924, Август 20. <...> Вчера Костя,²⁹ зайдя за мной в читальню Исторического музея, укоризненно качал головой глядя на толстые вольюмы Долгорукого и Власьева, потом уселся перелистывать studio.

1924, Декабрь 2. <...> От мысли, что все окружающие заняты штудированием Пушкина, невольно тянет к генеалогии Радзивиллов.

1926, Июль 8. <...> В сущности, я по-прежнему вишу в воздухе. Однако моя привычка к такому воздушному положению столь велика, что никаких неудобств от него я не испытываю. Вечерами сижу дома. Черчу родословные.

1927, Октябрь 16. <...> Сейчас я весь в родословных. Кажется порядочно удастся собрать о Л.³⁰, хоть это я делаю в угоду дяде ибо нет семьи которая самого меня интересовала бы меньше.

1927, Октябрь 20. <...> Продолжаю работу по собиранию материалов о Л-вых.

1928, Февраль 10. <...> У Трутовского³¹ взял новых книг по генеалогии.

---

²⁷ Николай Петрович Лихачёв

²⁸ *Лихачёв Н.П.* Генеалогическая история одной помещицкой библиотеки // Русский библиофил. 1913. № 5. С. 3-101.

²⁹ По-видимому, Константин Дмитриевич Дунин-Борковский (р. 1901–† не ранее мая 1945). Начиная с 1918 г. неоднократно арестовывался ЧК, в частности, в 1924–1926 г. был заключённым Бутырской тюрьмы. В феврале 1925 г. выслан из Москвы («минус шесть»), поселился вместе с Я.М. Тюлиным и И.А. Гродецким в Твери. В апреле 1926 г. разрешено свободное проживание. Затем инженер, в 1942 г. жил в Коми (в ссылке?), призван Сыктывкарским военкоматом, гвардии старшина, сапер, в 1943 г. ранен, награжден орденом Славы 3-й степени, орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги» – сайт «Подвиг народа» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://podvignaroda.mil.ru/> – обращение 21.11.2014.

³⁰ Лихачёвых.

³¹ Трутовский Владимир Константинович (1862–1932) – археограф, востоковед, нумизмат, музейный деятель.

1932, Январь 14. <...> Познакомился через Яшу³² со Степаном Борисовичем Веселовским с которым думаю поработать по генеалогии.

1933, Май 13. <...> ... мне сейчас по-странному хорошо. Дни идут монотонно. Вернувшись со службы, разжигаю керосинку – наследство израэлитской моей невестки Жюли³³. <...> и сажусь в ожидании чая за генеалогию. Мой сборник сделал огромные успехи. Потом вода закипает. Заварка воруетя из Аликина³⁴ шкафа. Уезжая в Рузу, этот расточительный человек забыл в лаковой коробочке, украшенной изображением царя Михаила Фёдоровича, 50 грамм чая. Как известно, чай действует на меня как валерианка на кошек, т.е. вышибает из всяческих этических норм и условных приличий. Хлеб выклянчивается у Марии Ивановны. Одоевские

---

³² Тюлин Яков Михайлович (15.03.1900–1947, Москва), окончил Поливановскую гимназию, аспирантуру научно-исследовательского института архитектуры и искусства, научный сотрудник-искусствовед, библиограф, генеалог, друг Леонида Лихачёва, сохранивший его дневники и подборку стихотворений.

³³ Лихачёва Юлия Евсеевна, рожд. Вишневкина (р. 1908–?), первая жена Алексея Николаевича Лихачёва.

³⁴ Алик – Алексей Николаевич Лихачёв (21.01.1904–27.04.1992, Москва), сын Н.П. Лихачёва. Окончил школу 2-й ступени в Москве. 19 декабря 1919 г. поступил добровольцем в 1 аэрофотографический отряд геодезического отдела корпуса военных топографов Красной армии. В 1923 г. демобилизовался и поступил в Сельскохозяйственную академию имени К.А. Тимирязева. В апреле 1926 г. был арестован по «делу бойскаутов» и выслан на три года в Семипалатинск. Затем работал в ВАСХНИЛ. 6 июля 1941 г. ушел добровольцем в составе дивизии народного ополчения Москворецкого района (с 26.08.1941– 17-я стрелковая дивизия) на фронт. В боях под Спас-Деменском 6 октября 1941 г. ранен и контужен, в январе–феврале 1942 г. участник боев под Медынью и Кошниками, затем капитан административной службы (начальник армейского подсобного хозяйства), награжден орденом Красной Звезды (9.05.1945), медалями «За оборону Москвы», «За боевые заслуги» (17.11.1943), орденом Отечественной войны 1-ой степени (1985) – сайт «Подвиг народа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://podvignaroda.mil.ru/> – обращение 21.11.2014. После войны – научный сотрудник, животновод, кандидат сельскохозяйственных наук. Похоронен на Сушкинском кладбище в Данках (Серпуховской район Московской области), рядом с братом Геннадием Николаевичем Лихачёвым, сестрой Натальей Николаевной Лихачёвой и её мужем Александром Кондратьевичем Процкевичем (1899–1968).

и Троекуровы продолжают часов до 9, когда ко мне приходит кто-нибудь, либо я иду пройтись, иногда с заходом к Ивану³⁵ или к Рыжовым³⁶.»

1933, май 30. <...> Собственную же историю я охотно подменяю историей России 17 века, в частности изучением событий 1682 года³⁷. Мне всегда совестно употреблять слова вроде: «изучение». Я много читаю (Туманского³⁸, Вивлиофику, «Историю о невинном заточении»³⁹) и пытаюсь по этим данным составить себе возможно полную картину дворцовых отношений за этот год. Получается очень интересно. Параллельно генеалогизирую.

Письмо Л.А. Лихачёв – Н.П. Лихачёву⁴⁰

8 февраля 1934 г.

Милый дядечка!

Вышло страшно глупо. Как Вы могли подумать, что я обижен на Вас, даже если бы потерялись какие угодно письма. А, кроме того, я все получил

---

³⁵ Здесь, вероятно, один из «Гриш» – Иван Алексеевич Гродецкий («Вангр»). Окончил Поливановскую гимназию, художник, 3-й муж Елизаветы Алексеевны Маклаковой.

³⁶ Рыжовы – сотрудник Музея Революции в Москве Илья Павлович Рыжов и его жена Алиса Евгеньевна («Она французская подданная, полунемка (из Эльзаса), на четверть американка, на четверть голландка, что становится совсем заметным если к этому виногрету прибавить отчима англичанина и мужа русского»).

³⁷ Имеются в виду события 1682 г. в Москве, стрелецкий бунт, при котором пострадали, в частности, Алексей и Михаил Тимофеевичи Лихачёвы. Родословная роспись Лихачёвых говорит, что «а великих государей грамоты и наказы» XVI века «были у окольничего Михаила Тимофеевича и во 190 (1682) году в смутное время те писма пропали» – *Лихачёв Н.П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1888. С. 151.

³⁸ Полное описание деяний Его Величества Государя Императора Петра Великого, сочиненное *Феодором Туманским*. Часть первая. Во граде Святого Петра, печатано с дозволения Указного в Книгопечатне Шноора 1788 года. [*Его же*] Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях Государя Императора Петра Великого, изданное трудами и иждивением Феодора Туманского. Части I-IX, СПб: у Шнора, 1787-1788.

³⁹ [*Молоствов Т.*] История о невинном заточении ближнего боярина, Артемона Сергеевича Матвеева; состоящая из челобитен, писанных им к Царю и Патриарху, также из писем к разным особам, с приобщением объявления о причинах его заточения и о возвращении из оногo. – СПб., 1776.

⁴⁰ СПФА РАН. Ф. 246. Оп. 3. Ед. хр. 223. Л. 1–2об. Атрибуция с ошибкой: написано: Лихачёв Леонид Алексеевич, племянник, надо: Лихачёв Леонид Александрович, двоюродный племянник.

в сохранности. Несчастье в том, что на Вашу первую открытку я ответил не сразу, а когда пришла вторая решил, что она с моим ответом разошлась. На самом деле она, видимо, пропала. Простите же мне мое невежество. Относительно завещания как Алексея, так и Михаила Тимофеевичей, их я не видел и не слышал о них⁴¹. Но в «Московских Актовых Книгах XVIII века»⁴² есть такое известие: 7 мая 1722 года душеприказчики А<лексея> Т<имофеевича> – стольники Юрий Степ<анович> Нелединский-Мелецкий и Никита Осип<ович> Коковинский⁴³ продали двор его между Тверской и Никитской в приходе ц. Успенья на Успенском вражке (Том III, стр. 171); причем, уже в 1720 г. два других его двора, находившихся рядом за Никитскими воротами были проданы теми же лицами за сравнительно высокую цену – 400 рб. (Там же, с. 46⁴⁴). В тех же книгах сохранилось известие, что 23 ноября 1703 года Михаил Тимофеевич Лихачёв⁴⁵ купил за 300 руб. двор своего брата Алексея на Бронной (Т. I, стр. 281⁴⁶).

А вот, знаете, что меня чрезвычайно смущает? Вы, конечно, помните в Лобановской росписи Вас<илия> Юрьевича Муху <Лихачева>, помещика Бежецкой пятины и 2-го воеводу в Лиговере в 1576 г. В Вивлиофике, т. XIV, стр. 293 есть Муха Чихачёв, бывший в том же году первым русским воеводой в Лиговере, после того как ратью кн. Афанасия Шейдякова город был взят у ливонцев. Там же, на стр. 313 упоминается Муха Васильев Чихачёв; а в 1578 Михайла Чихачёв (м.б. одно лицо с предыдущим) был воеводой в Велиже. Эти известия путаются со сведеньями, приводимыми росписью

---

⁴¹ Известно завещание М.Т. Лихачёва от 10 октября 1706 г.: уже похоронивший детей и так и не дождавшийся внуков, окольный Михайл Тимофеевич Лихачёв завещал Белозерские вотчины своим шестиюродным племянникам и внукам «Дорофею да Любиму Афанасьевым детям, Ивану да Никите Ивановым детям, Ивану Иванову сыну, Ивану Евстигнееву сыну, Логину Васильеву сыну и Степану Самсонову сыну Лихачёвым», демонстрируя тем самым, как подчеркивает Н.П. Лихачёв (1913), единство рода. Завещание это сохранилось в Архиве Министерства Юстиции в Отказных книгах Белозерского уезда 1707 года – см.: *Лихачёв Н.П.* Генеалогическая история... С. 26.

⁴² Правильно: Москва. Актовые книги XVIII столетия. Том III. М.: Типография А.Г. Кольчугина, Волхонка, дом Воейковой. 1895.

⁴³ Так в письме, в цитируемом источнике на этой странице нет имен и отчества душеприказчиков, но они есть в ниже цитируемом документе.

⁴⁴ Правильно: С. 47.

⁴⁵ В письме, ошибочно: Казин

⁴⁶ Москва. Актовые книги XVIII столетия. Том I. М.: Типография А.Г. Кольчугина. 1892. В письме, как и в книге, указана страница 181, но это опечатка (в книге, начиная как раз со стр. 281 и до конца тома, напечатано 181, 182 и так далее).

о Михаиле Афанасьевиче Нечае (Лихачёве), который будто бы был в 1576 на воеводстве в Лиговере, а в 1578 – в Велиже. В Боярском списке 1577 г. в 1-м томе «Актов Московского государства» опять находим «Изо Пскова высланы: Муха Васильев сын Чихачёв (сверху отмеч.: «в Лиговери»).»

Кем же был ЛигOVERский и Велижский воевода Муха – Чих. или Лих. ?⁴⁷

У меня за последнее время было очень много работы и мелких неприятностей на службе, именно сейчас у меня отпуск, который продлится два месяца. Меня очень огорчило через Аннушку⁴⁸ полученное известие, что Мара снова безработная. Мы живем здесь понемногу, мирно и благополучно, конечно торчим без гроша, ну да это универсальное.

Большое спасибо, милый дядя, за указания на источники, которыми я не премину воспользоваться. Меня обещали познакомить с Чулковым⁴⁹ и мне этого очень хочется. Над росписями своими работаю много. Сначала я ведь задался целью по возможности дополнить и проверить сборник Руммеля, но постепенно в круг задач втягиваются всё новые и новые семьи. Если удастся прожить – выйдет нечто столь же монументальное, как китайская энциклопедия.

Целую Вас, милый дядя, и всех наших.

Любящий Вас Леонид

P.S. Но с Алексеем Тимофеевичем вот ещё какая вещь – в 1720 душеприказчики продают его двор, а мне помнится, что в торжествах Ништад-

---

⁴⁷ По-видимому, Л.А. Лихачёву не было известно, что «смешивание» Михаила Лихачёва родословных росписей с Михаилом (Мухой) Чихачёвым, известным из Разрядов, было отмечено Н.П. Лихачёвым в примечаниях на стр. 150–151 в книге «Разрядные дьяки XVI столетия», М., 1888. Ответ Н.П. Лихачёва на заданный в этом письме вопрос нам не известен, однако, судя по тому, что в обстоятельной статье о роде Лихачёвых 1913 г. («Генеалогическая история...») Н.П. Лихачёв обходит молчанием успехи Михаила Нечае и Василия Мухи Лихачёвых на стратилатском поприще, подробно рассказывая только об одном Лихачёве – деятеле времён Ливонской войны – о дьяке, «специалисте по артиллерии» Терентии Григорьеве сыне Лихачёве, ответ был бы в пользу сведений, содержащихся в Разрядах, а не в Росписи.

⁴⁸ Аннушка – Анна Николаевна Ненарокова (1901–1978), племянница Н.П. Лихачёва, дочь Алевтины Геннадьевны, рожд. Карповой (1876–15.11.1919) и Николая Васильевича Ненарокова (1867–26.08.1919, расстрелян как заложник), д.с.с., владимирского вице-губернатора. В начале 1920-х годов А.Н. Ненарокова служила переписчицей в аэрофотографическом отряде геодезического отдела корпуса военных топографов РККА. Затем преподаватель греческого языка и латыни в Московском университете. Похоронена на кладбище Донского монастыря в Москве.

⁴⁹ Чулков Николай Петрович (1870–1940) – генеалог, историк Москвы.

ского мира он принимал участие в одной из процессий (был «в терлике»⁵⁰). К несчастью, у меня под руками нет Устрялова – это в приложении к одному из томов⁵¹.

Письмо Л. Лихачёва – Н.П. Лихачёву⁵², без даты, на письме приписка рукой Н.П. Лихачёва «Получено 7 сентября 1934 г. Н. Лихачёв»

«Милый дядя Коля!

Мне очень хотелось придумать какое-нибудь напоминание о себе, которое могло бы Вам доставить хоть маленькое удовольствие. Присылаю Вам печать Федора Семеновича⁵³. Простите, что она не очищена от сургуча, но мне удалось её найти за час до Мариного отъезда. Я по прежнему очень много занимаюсь генеалогией; пожалуй даже в ущерб своим служебно-бытовым интересам, но зато теперь я могу сказать, что у меня действительно значительная проделана работа по этой части. <...>

Искренне любящий и почитающий Вас племянник

Леонид

P.S. О моих служебных надеждах, срывах, достижениях и разочарованиях Вам расскажет Мара».

27 февраля 1934 года Л.А. Лихачёв был арестован – у «Органов» вызвала подозрение его странная для окружающих дружба с ломовыми извозчиками. Почти обошлось – уже в мае того же года Леонид был выпущен из тюрьмы. После ареста он был уволен из Исторического музея и, выйдя из заключения, вновь вернуться в музейное сообщество не пожелал. Работал научным сотрудником Дома архитектора и экскурсоводом Постоянной строительной выставки Наркомтяжпрома. 23 октября 1936 г. был арестован вновь, на этот раз «по обвинению в участии в контрреволюционной группе

---

⁵⁰ Терлик – одежда, употреблявшаяся в конце XVII века при дворе во время приёма послов и торжественных выходов.

⁵¹ В Приложении к тому 4, часть 2, Устрялов приводит список боярский 1705 г., где в статье «Окольничие» есть имена Александра (так!) Тимофеевича и Михаила Тимофеевича Лихачёвых. ([Устрялов Н.] История царствования Петра Великого Н. Устрялова. Т. 4, часть II. Приложения. СПб., 1863. С. 490.), но списков участников торжеств по поводу Ништадского мира в опубликованных Устряловым материалах нет.

⁵² СПФА РАН. Ф. 246. Оп. 3. Ед. хр. 223. Л. 4–4об.

⁵³ Федор Семенович Лихачёв (1796–1835), отставной ротмистр, дед Николая Петровича Лихачёва и прадед автора письма.

и проведении антисоветской пропаганды». В частности, в деле упоминалось о том, что Лихачёв злонамеренно раздавил ногой гипсовый бюстик Ленина, а также, что он, «происходя из известной дворянской семьи, утверждал об исключительности дворянства, допускал резкие контр-революционные выпады и клеветнические измышления против членов советского правительства и говорил, о народившейся якобы в СССР новой аристократии в лице членов ВКП(б), играющих такую же роль, как в дореволюционной России дворяне». Обвинения Л.А. Лихачёв категорически отрицал, но, тем не менее, 7 июня 1937 года он был приговорен Особым совещанием НКВД г. Москвы к 8 годам лишения свободы как контрреволюционный элемент.

Был заключенным в Архангельской области. В 1944 г. комиссован по состоянию здоровья и выслан в Кировскую область. Известно, что выйдя из лагеря, Леонид доехал до села Шестаково Шестаковского р-на Кировской области, где и умер от туберкулеза 13 марта 1944 г.

Большая часть его стихов и все прозаические произведения – всё, что он заносил в большую тетрадь, специально предназначенную для завершённых вещей (он называл её Гроссбух), по-видимому, пропали после ареста. Два стихотворения запомнил и записал кузен Лили Кашкиной Николай Дмитриевич Ньюберг⁵⁴, одно – Петр Саввич Кузнецов⁵⁵. Четырнадцать стихотворений сохранились у близкого друга Леонида Якова Михайловича Тюлина, тоже генеалога:

Ссылки на генеалогические материалы, собранные Яковом Михайловичем Тюлиным, иногда встречаются в литературе⁵⁶. Роль его в сохранении литературного и генеалогического наследия Л.А. Лихачёва совершенно исключительная. В дневнике Л. Лихачёва о нем говорится так:

---

⁵⁴ Ньюберг Николай Дмитриевич (1898–1967), окончил гимназию Репман в Москве, в 1919 г. – сотрудник Румянцевского музея, в 1925 окончил физико-математический факультет МГУ, затем профессор, математик и биофизик, автор математической теории цвета.

⁵⁵ Кузнецов Петр Саввич (1899–1968), выпускник гимназии Репман в Москве, в 1920-е–1930 г. учился в Институте слова и в 1-ом МГУ, выдающийся лингвист, с 1948 г. профессор МГУ.

⁵⁶ Рыхляков В.Н. Род Пуцциных в допетровскую эпоху: источники и история изучения // Генеалогия допетровского времени. Источниковедение, методология, исследования. Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека. 2012. С. 79.

1927, Сентябрь 28. Встреча с Яшей вышла холодноватой. Потом сгладилось. За спиной у Вани⁵⁷ мы поговорили хоть и о пустяках – о генеалогии, о Фриче⁵⁸, ещё о чем-то, но в нашем обычном, т.е. очень тёплом тоне.

1928, Февраль 26. Эка штука, что я вожусь с Вадькой⁵⁹ или подолгу могу не скучая бывать с Яшей! Один занятен, другой умен и разговорчив, да ещё генеалогией интересуется.

Почувствовав нависшую над собой в конце 30-х годов опасность, предчувствуя новый арест, Л.А. Лихачёв передал Я. М. Тюлину свои дневники за 1924–1934 гг. и Яша сохранил дневники, передав их перед смертью своему сыну Степану Яковлевичу Тюлину. Сейчас они готовятся к изданию.

Настало время написать о судьбе того сборника работ по генеалогии, над которым работал Л.А. Лихачёв, о котором он писал Николаю Петро-

---

⁵⁷ Иван Николаевич Лихачёв – сын Н.П. Лихачёва, родился 14.08.1907, в 1927 г. – студент архитектурного факультета ВХУТЕМАСА, талантливый архитектор, с 1930 работал в Государственном институте проектирования городов, затем в архитектурной мастерской № 2 под руководством А.В. Щусева. С 28.09.1930 женат на Зинаиде Алексеевне Успенской (25.09.1907–3.01.1994) (урожд. Чернай, дочерена А.А. Успенским, мужем сестры матери; это её 2-й брак; в 1-м браке была за кинорежиссером Виктором Викторовичем Моргенштерном; в 3-м браке с 1942 г. за Б.Н. Николаевым), скульпторе, поэтессе, писательнице. В 1936 году И.Н. и З.А. Лихачёвы были арестованы и по статье 58 пункт 10 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) отправлены на Колыму. Там Иван Николаевич работал на золотодобывающем прииске «Мальдяк», Зинаида участвовала в скульптурном оформлении магаданского Дома культуры им. М. Горького, за что была досрочно освобождена в 1941 г., но в 1949-м вновь осуждена за создание в Магадане литературного салона и «клевету на советскую литературу и советское искусство». По свидетельству З.А. Лихачёвой, Иван умер от обморожения, доставленный с прииска Пёстрая Дресва в Магаданскую больницу в 1940 г. (*Бирюков А.* Из истории магаданской контрразведки/[Электронный ресурс] http://www.belmamont.ru/index.php?action=call_page&page=product&product_id=346 – обращение 18.06.2011). В семье Лихачёвых существовала легенда, что Иван умер в поезде, когда, выпущенный из заключения, возвращался в 1944 г. из Магадана в Москву – *Лихачев А.Н.* О моем отце и его семье. Воспоминания в записи *Ю.А. Виноградова*, с.н.с. ЛО Архива АН СССР. Автограф. СПФА РАН. Ф. 246. Оп. 2. Ед. хр. 36. Л. 6.

⁵⁸ Фриче, Владимир Максимович (1870–1929), филолог, искусствовед-марксист, заведующий секцией литературы и искусства при Коммунистической академии общественных наук, профессор 1-го МГУ, автор книги «Социология искусства», М.–Л., 1926 и др.

⁵⁹ По-видимому, Вадим Александрович Приградов, сын известного в 1920-х годах специалиста по брачному праву Александра Александровича Приградова-Кудрина и жены его, учительницы музыки Варвары Васильевны.

вичу и который обещал со временем превратиться во что-то «столь же монументальное, как китайская энциклопедия».

***

В августе 1945 г. в Рукописный отдел Пушкинского дома от проживающего в Москве Я.М. Тюлина поступили семь объемистых папок, зарегистрированных как «Работа по генеалогии русского дворянства» (другое название: «Списки по русской генеалогии, дополненные Я.М. Тюлиным»)⁶⁰. Описание этого собрания было опубликовано в 1962 г. Н.Т. Панченко⁶¹: «Сборник по русской генеалогии, составленный Я.М. Тюлиным. Здесь объединены в общем алфавите расшитые Тюлиным печатные родословные сборники (Руммеля, Голубцова, Лобанова-Ростовского, Ельчанинова, Власьева, Милорадовича и др.), дополненные сведениями (на полях и на отдельных вкладных листах), почерпнутыми из самых разных источников. Сборник содержит данные более чем о 700 фамилиях, расположенных по алфавиту. Объем сборника около 4000 страниц».

Цитируемое описание не совсем точно описывает присланные Я.М. Тюлиным материалы. В 1-м томе этого собрания (в 1-ой папке, лист 5об.) есть запись, сделанная рукой Я.М. Тюлина, разъясняющая происхождение передаваемых в ИРЛИ материалов: «Значительные пополнения работ В. Руммеля, Н. Лобанова, Долгорукова были произведены в течение 1912–1945 г. покойным Леонидом Александровичем Лихачёвым и мною. Я. Тюлин. 1945 г.». Сейчас в собрании не 4 тыс. страниц, а 2399, в нем содержатся данные по генеалогии 790 фамилий.

Основу собрания составляют расшитые на отдельные страницы сборники Руммеля и Голубцова, Милорадовича и Лобанова-Ростовского. Некоторые из листов напечатанных росписей в 2-х экземплярах. На полях расшитых печатных изданий большое число дополнений, выполненных несколькими почерками среди которых мы узнаем «обычную» скоропись Я.М. Тюлина и Л.А. Лихачёва. Выписки из книг Ельчанинова заметно отличаются от прочих – они сделаны по правилам дореволюционной орфографии на листах большого формата. В большинстве случаев, к примечанию дается ссылка на источник сведений, печатный или личного характера (напр.: МАК VIII⁶² 9 или «со слов О.Н.К.⁶³»). Сказано, что во всех случаях,

---

⁶⁰ РО ИРЛИ. Фонд Р1. Оп. 45. Ед. хр. №№ 1–7.

⁶¹ *Панченко Н.Т.* Библиографическое собрание Рукописного отдела Пушкинского Дома//Труды Библиотеки Академии Наук СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. Т. 6. М. –Л., 1962. С. 208.

⁶² То есть: Москва. Актовые книги XVIII столетия. Том VIII. М.: Типография И.А. Баландина, 1898.

⁶³ В данном случае это означает: Ольга Никаноровна Кашкина.

когда проставленная дата не оговорена, она взята из опубликованных Московского, Петербургского и Провинциального некрополей. Список печатных источников приводится в 1-м томе собрания на листе 1, оборот – л. 2. Список этот насчитывает 79 названий (считая каждое из таких изданий как «Русский Архив», «Русская Историческая библиотека», «Русская Старина», «Русский Вестник», «Исторический Вестник», «Столица и усадьба», ЛИРО, ИРГО, сборники материалов, изданных Холмогоровыми и т.п. за единицу). Большая часть рукописных дополнений выполнена легко читаемым почерком с мелкими, похожими на печатные, буквами. В каждом томе много рукописных вкладных листов. Иногда они представляют собой в той или иной степени дополненные новыми сведениями копии росписей, ранее изданных Милорадовичем, Руммелем, Лобановым-Ростовским, но много и оригинальных родословных таблиц. На некоторых из них Я.М. Тюлиным поставлены отметки, указывающие на авторство или источник росписи: «свед. Л.А. Лихачёва», «ЯМТ», «ЛАЛ», «ЛАЛих», «НПЛих и ЛАЛих.», «просмотрено А.А. Сиверсом», «сведенья А.А. Сиверса», «ЯМТ с дополнениями, сделанными Л.П. Архиповой», «ЯМТ из РЗШ». «сообщ. Н.С.Г.», «Булычёв, личн. сведенья», «из Любимова», «по свед. Щелкан», «по свид. гр. Н.И. Татищевой», «А.О. См.-Рос.», «Р-Г», «Милорад.», «Ельчанинов». Из атрибутированных Тюлиным рукописных материалов (росписей) для 59 составителем (автором) указан Л.А. Лихачёв, для 49 – Я.М. Тюлин. Более 200 рукописных вставных листов с родословными росписями, или более-менее обширными дополнениями к опубликованным росписям, не имеют указаний на источник.

Нам известно, что при первом и втором аресте Л.А. Лихачёва родословные росписи у него не изымали, их нет в описях изъятого имущества арестованного. По крайней мере часть текстов Л.А. Лихачёва сохранилась в тюлинском собрании. На авторство Л.А. Лихачёва при составлении какой-то части родословных росписей из собрания Рукописного отдела ИРЛИ показывает, например, текст на листе 118об., тома 1, где среди Арцыбашевых, не вошедших в роспись, значится «Арцыбашева, жена Редкина, мать коей Екатерина Петровна рожд. Вишневская (сестра моей прабабки)» – имеется ввиду прабабка Л.А. Лихачёва со стороны матери Надежда Петровна Боровкова, рожд. Вишневская⁶⁴.

Каким образом росписи Л.А. Лихачёва попали в собрание Я.М. Тюлина? Возможны два варианта. Согласно первому, Лихачёв и Тюлин могли постоянно обмениваться генеалогическими находками и вести два параллельных исследования, имея два разных, но схожих по технологии составления, свода генеалогических таблиц, созданных на основе расширенных ро-

---

⁶⁴ РО ИРЛИ. Ф. РІ. Оп. 45. Ед. хр. 1 «А–Б». Л. 266об.

дословных сборников Руммеля-Голубцова и др. Экземпляр Л.А. Лихачёва, при этом, допустим, пропал после ареста.

С другой стороны, можно предположить, что предчувствуя повторный арест, в 1936 г. Л.А. Лихачёв передал Я.М. Тюлину не только дневники, но и результаты своих генеалогических исследований. Вероятно не сразу, по прошествии времени, может быть, уже после того, как получил письмо с сообщением о смерти Л.А. Лихачёва⁶⁵, Яков Михайлович, готовя сборник к передаче в ИРЛИ, объединил лихачёвские и свои генеалогические материалы, чем, может быть, и объясняется то, что некоторые листы и росписи в собрании представлены в двух экземплярах, а более или менее схожие по содержанию вставки на полях при этом выполнены разными почерками.

Так или иначе, но переданные Я.М. Тюлиным в Пушкинский дом весной 1945 года материалы по генеалогии российского дворянства представляют собой результат исследовательской деятельности двух русских генеалогов предвоенного периода – Я.М. Тюлина и Л.А. Лихачёва.

В качестве приложения к нашей статье, мы помещаем небольшую работу Л.А. Лихачева, как генеалoga. Это родословная роспись дворянского рода Боровковых – семьи, из которой происходила бабушка нашего героя.

Имя основателя дворянского рода Боровковых, тайного советника, сенатора Александра Дмитриевича Боровкова хорошо известно всем любителям отечественной истории. Состоя в 1825 г. чиновником для особых поручений при военном министре графе А.И. Татищеве, А.Д. Боровков 15 декабря 1825 г. составил проект Высочайшего Указа о создании следственной комиссии, назначаемой для изыскания о существовании злоумышленного общества. Написанные им слова Указа: *«Руководствуясь примером августейших предков наших, для сердца нашего приятнее десять виновных освободить, нежели одного невинного подвергнуть наказанию»* вызвали восхищение Государя, сказавшего – *«Ты проникнул в мою душу»*⁶⁶. Этим же Указом А.Д. Боровков был назначен правителем дел Следственной комиссии. Выдающейся заслугой А.Д. Боровкова является создание им в 1827 г. справочника, озаглавленного «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному высочайше учреждённому 17-го декабря 1825-го года Следственной Комиссией составлен 1827-го года». «Алфавит Боровкова» содержит сведения о 570 лицах, так или иначе причастных к восстанию декабристов, а также о лицах подозревавшихся, но оказавшихся непричастными и выпущенными затем

---

⁶⁵ О том, что такое письмо было, рассказывал О.А. Флоренской Степан Яковлевич Тюлин.

⁶⁶ [Боровков А.Д.] Автобиографические записки // Русская Старина. 1898. Ноябрь. С. 335

с оправдательными аттестатами. Описаны в «Алфавите», насколько было возможно, и лица, следствием не установленные если не мифические, вроде «какого-то Бороздина», или некоего «Польмана, ныне покойного». Этот труд А.Д. Боровкова был подготовлен к изданию в 1919 г. выдающимися генеалогами Б.Л. Модзалевским и А.А. Сиверсом⁶⁷.

А.Д. Боровков сообщает некоторые сведения о своем происхождении и семье в «Автобиографических записках»⁶⁸, однако все они требуют проверки. Так, согласно «Запискам» А.Д. Боровкова, отец его, венёвский купец, умер, когда будущему сенатору было 5 лет, то есть в 1793 г. Однако Д.А. Махель, составивший обстоятельную родословную венёвских купцов и мещан Боровковых, впервые упоминаемых в Писцовой книге Венёва 1624 года⁶⁹, обнаружил, что, согласно Ревизской сказке 1795 г., во время V Ревизии отец А.Д. Боровкова, уже перешедший из купечества в мещанство Дмитрий Григорьевич Боровков (р. 1756), был еще жив.

Остается загадкой происхождение А.Д. Боровкова по линии матери. Имя и фамилию её мемуарист не сообщает, говоря, что она древнего дворянского рода, дочь полковника, помещика Тульской губернии⁷⁰. Однако далее, дедом своим он называет сенатора, Соляной конторы директора, тайного советника (чин, как известно, соответствующий чину вице-адмирала или генерал-лейтенанта) Николая Ефимовича Мясоедова, а дядей лейб-гвардии капитана Бакеева⁷¹. Но, как установил Д.А. Махель (личное сообщение), мать А.Д. Боровкова, Каширского уезда дворянку, звали Мария Филимоновна (р. 1761) и трудно представить себе, чтобы сенатор и ордена Александра Невского кавалер Н.Е. Мясоедов, задолжав и испытывая недостаток средств, выдал бы свою юную 14-летнюю дочь за удалого венёвского купца. При этом вышеупомянутый дядя мемуариста, лейб-гвардии капитан Бакеев, не может быть мужем сестры матери мемуариста, поскольку из «Записок» мы знаем, что та была выдана замуж за дворянина, отставного из статской службы⁷², а о брате матери сказано, что он умер

---

⁶⁷ Восстание декабристов: Материалы. Л. 1925. Т. VIII. Алфавит декабристов/ Под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского и А.А. Сиверса. см., также: Декабристы: Биографический справочник. /Издание подготовлено С.В. Мироненко. М: Наука, 1988. С. 215–345.

⁶⁸ [Боровков А.Д.] Указ. соч. // Русская Старина. 1898. Сентябрь. С. 533–564; Октябрь. 41–63; Ноябрь. С. 331–342; Декабрь. 591–616.

⁶⁹ Махель Д.А. Венёвский алфавит: известные венёвские купеческие фамилии // Венёвский уезд. <http://www.veneva.ru/family.html#borovkov> и www.veneva.ru/images/Tree/borovkov.jpg. – Дата обращения 22.11.2014.

⁷⁰ [Боровков А.Д.] Указ. соч. // Русская Старина. 1898. Сентябрь. С. 549, 559.

⁷¹ [Боровков А.Д.] Указ. соч. // Русская Старина. 1898. Октябрь. С. 41.

⁷² [Боровков А.Д.] Указ. соч. // Русская Старина. 1898. Сентябрь. С. 549.

холостым в молодых годах⁷³. Сомнительно также, чтобы мать мемуариста выдали замуж, как только ей минуло 14 лет, как о том сообщает мемуарист – во всяком случае её старшая дочь, сестра А.Д. Боровкова, родилась, когда матери было 19 лет (Д.А. Махель, личное сообщение).

Авторы благодарят сотрудницу Рукописного отдела ИРЛИ А.Г. Носову за полезные советы и помощь в работе, Д.А. Махеля за ценные неопубликованные сведения о Боровковых, М.О. Мельцина – за критические замечания, сделанные при чтении первой версии этой статьи.

Приложение.

Л.А. Лихачев

БОРОВКОВЫ⁷⁴

I

1. Дмитрий Боровков, венёвский купец, женившийся на дворянке. Овдовев, она вышла за его приказчика.

II

2–1. Николай Дмитриевич

3–1. Александр Дмитриевич (<р. 10.06.1788⁷⁵—>†21.11.1856), секретарь комиссии по делу 14 XII 1825, тайный советник, сенатор. Он был отстранен от дел по обвинению в преступлении по должности⁷⁶. Процесс длился много лет и оправдание застало А.Д. в могиле. Он занимался литературой, писал стихи и оставил мемуары (напечатаны в «Русской старине»). В молодости, был он, между прочим, репетитором Дельвига.

ж⁷⁷: Елена Алексеевна Кильштедт⁷⁸, дочь штаб-лекаря, †23.03.1849, оба погребены в церкви принадлежащего им имения с. Доброго Новгородского уезда.

---

⁷³ Там же.

⁷⁴ ОР ИРЛИ. Ф. РГ. Оп. 46. Ед. хр. №1 «А–Б». Л. 266об.–267 – здесь и далее примечания публикатора А.В. Родионова, если не указано иное.

⁷⁵ [Редакционное предисловие] Александр Дмитриевич Боровков и его автобиографические записки // Русская Старина. 1898. Сентябрь. С. 533–547.

⁷⁶ По ложному извету А.Д. Боровков был отставлен от службы и лишен звания сенатора 5 декабря 1846 г. – *Боровков А.Д.* Указ. соч. Русская Старина. 1898. Декабрь. С. 613.

⁷⁷ бракосочетание состоялось 15 сентября 1818 г. – *Боровков А.Д.* Указ. соч., Русская Старина. 1898. Октябрь. С. 58.

⁷⁸ Ей посвящено два стихотворения барона А.А. Дельвига «К Е.А. Кильштетовой» (1818) и «Е.А. Б...вой (Отсылая ей за год перед тем для неё же написанные стихи)»

– 3. Зинаида Александровна, девица, †20.03.1874⁷⁹, погребена с родными в с. Добром Новгородского уезда.

4–3 Николай Александрович, мировой посредник⁸⁰, †29.08.1905, погребен в Ленинградском⁸¹ Новодевичьем монастыре⁸². Его обширные меуары погибли во время революции. Ему принадлежал Липовый хутор в Павловском уезде Воронежской губ.

5–3 Михаил Александрович, отставной штаб-ротмистр (1863⁸³)⁸⁴. В бытность свою кирасиром, проигрался в карты и наделал долгов. Отец заплатил за него, а потом выделил при жизни с вычетом уплаченного. М.А. принужден был оставить полк и остаток жизни проскучал в крошечном уцелевшем у него имении Павловского уезда Воронежской губ. – Дуванке⁸⁵. Сильно пил.

– Дельви́г А.А. Полное собрание стихотворений. М-Augsburg: Im Werden-Verlag, 2002. С. 60, 66).

⁷⁹ По всей видимости, о ней пишет А.Д. Боровков, когда говорит о своей старшей дочери, родившейся в 1828 г., супружество которой с весьма достойным человеком расстроилось после несправедливого его увольнения – *Боровков А.Д. Указ. соч.*, Русская Старина. 1898. Декабрь С. 615.

⁸⁰ Родился 11 ноября 1834 г. Образование получил в Пажеском корпусе. В службу вступил корнетом л.-гв. Гродненского полка, 13.08.1852; поручик того же полка – 15.04.1856; штаб-ротмистр того же полка – 12.04.1859; ротмистр того же полка – 23.04.1861; полковник по армейской кавалерии – 28.02.1866; генерал-майор – 1.01.1880, член комиссии для распределения пособий и управляющий канцелярией для приема просителей и разбора просьб, поступивших в Военное министерство. 1861–1866 – занимал должность мирового посредника Павловского уезда Воронежской губ.; 1877–1878 – председатель комитета для проверки счетов и квитанций по продовольствию армии. Холост. – Список генералам по старшинству по 1 мая 1890 г. СПб., 1890. С. 473. С 1892 г. – отставной генерал-лейтенант (*Фрейман О.Р., фон. Пажи за 183 года (1711-1894). Фридрихсгамн: Типография Акционерного Общества, 1894. С. 466–467*). Им представлены к публикации в «Русской старине» автобиографические записки А.Д. Боровкова, а также «Надгробная песнь масонов» (Русская Старина. 1898. Июль. С. 270), очевидно извлеченная из бумаг его отца, активного деятеля масонской ложи «Избранного Михаила».

⁸¹ Так в рукописи.

⁸² Могила не сохранилась – Новодевичье кладбище / Составители: *Маркина Н.Л., Роголина Н.В., Савинская Л.П., Шмелёва О.А.* СПб.: «Белое и черное», 2003. С. 54.

⁸³ Метрика дочери Ольги – прим. Л.А. Лихачева.

⁸⁴ Окончил Пажеский корпус, выпущен 13 июня 1848 г. в Лейб-Кирасирский полк корнетом – *Фрейман О.Р., фон.* Цит. соч. С. 423.

⁸⁵ Сейчас Александровка–Донская Павловского р-на Воронежской обл.

ж: Надежда Петровна Вишневская, дочь Петра Станиславовича Вишневого и Надежды Михайловны Добровольской⁸⁶, помещицы Полтавской губ. Последние годы жизни Надежда Петровна была помешана; большими странностями отличалась и сестра ее Александра Петровна Боровская, убитая с целью ограбления своим незаконным сыном Леонидом, который пошел на каторгу. Еще у Надежды Петровны была сестра Екатерина за Редкиным (<У нее> две дочери – Дейнеко и Арцыбашева) и несколько братьев. Дочь одного из них – Ольга Владимировна Вишневская была одной из известных Петербургских демимонденок⁸⁷.

6–3 Александр Александрович, †15.09.1887, служил по Министерству иностранных дел⁸⁸, камергер, игрок и жуир. Он не был женат, но долгие годы имел связь с Екатериной Николаевной Волоцкой, рожд. Зубовой. Это скрывалось настолько мало, что Волоцкой он завещал большую часть остатков своего состояния, а она носила по А.А. вдовий траур. Муж её долго был рамолитиком⁸⁹, но сын был, кажется, от него, отцом же своей дочери – Екатерины Александровны, по 1-му браку Фроловой, по 2-му – светлейшей княгини Имеретинской, она сама называла А.А. Портрет А.А. кисти Корзухина⁹⁰ может быть еще существует в Харькове. Умер он не старым и погребен в Ленинградском⁹¹ Новодевичьем монастыре⁹². Волоцкая же пережила революцию и угасла в нищете в каком-то приюте для старух⁹³.

---

⁸⁶ Вдова генерал-майора, †27.12.1887 62 лет, погребена на Георгиевском кладбище (Охта), <Санкт-Петербург> – прим. Л.А. Лихачева

⁸⁷ Demi-monde (фр.) – полусвет

⁸⁸ В действительности, до 1873 г. А.А. Боровков, д.с.с. в звании камергера, служил чиновником особых поручений в Министерстве государственных имуществ, а с 1873 по 1883 д.с.с., затем т.с., член Комиссии прошений на Высочайшее имя, подаваемых в Собственной Е.В. Канцелярии – Адрес-календари за 1856–1897 гг. Часть 1.

⁸⁹ от фр. “старчески расслабленный, впавший в слабоумие”.

⁹⁰ Корзухин Алексей Иванович (1835–1894), преимущественно, жанровый живописец, однако известны и выполненные им портреты В.А. Глинки, М.И. Пескова, Г.Ф. Васильковой, А.М. Сибирякова, А.В. Вышеславцева, Р.Г. Судковского и др.

⁹¹ Так в рукописи.

⁹² Могила не сохранилась – Маркина Н.Л., Роголина Н.В., Савинская Л.П., Шмелёва О.А. Новодевичье кладбище... С. 54.

⁹³ См.: Новикова Н.В. Загадки семейной усыпальницы Волоцких в Спасо-Прилуцком монастыре близ Вологды // ИРГО. 2013. Вып. 26. С. 129.

– 3 Вера Александровна, за Александром Сергеевичем Энгельгардтом⁹⁴. Жениховство их длилось более двадцати лет и не раз бывал назначен день свадьбы, но безумно ревнивая В.А. узнавала об очередном романе своего легкомысленного жениха – происходила ужасная сцена и В.А. уезжала за границу. Брак, наконец, состоялся, когда жениху было 60 лет, а невесте за 50. Через год она овдовела. В.А. всю жизнь прожила вместе с братьями Александром и Николаем в Санкт-Петербурге в Тюремном переулке. У нее воспитывалась племянница Ольга <Михайловна> (дочь №5), а потом жила в качестве demoiselle de compagnie⁹⁵ внучка Тереза Сканави. В.А. играла на бирже и под конец жизни сильно потрепала состояние. Кроме того, в течение последних лет двадцати ее жизни у нее каждый⁹⁶ вечер играли в карты, даже если сама она была больна и не выходила к партнерам. †9.09.1913, погребена в Новодевичьем монастыре <в Петербурге>⁹⁷.

IV

7–5. Александр Михайлович, † млад.⁹⁸, воспитанник сестры Ольги (1863).

– 5 Варвара Михайловна, † млад.

– 5 Екатерина Михайловна, за греческим комиссионером Константином Александровичем Сканави. Она †21.06.1933<в Москве>, погребена на Миусском кладбище.

– 5. Елена Михайловна, за бессарабским помещиком Семеном Карловичем Главче.

– 5. Ольга Михайловна, за Леонидом Николаевичем Афанасьевым. Он †21.07.1914 в Туле, погребен в г. Лубнах Полтавской губ. Она родилась 13.07.1863 г. в слободе Донская Александровка⁹⁹, воспитанники сестра Екатерина и брат Александр. У них сын Николай, †млад., погребен в Лубнах и дочь Вера за <Александром Андреевичем> Лихачевым.

---

⁹⁴ Александр Сергеевич Энгельгардт, тайный советник, вице-директор Азиатского департамента (1875), член Совета Министерства иностранных дел (1876), †18 июля 1889 г., погребен на кладбище Новодевичьего монастыря в Петербурге, могила не сохранилась – Новодевичье кладбище... С. 471.

⁹⁵ “молодая компаньонка” (фр.)

⁹⁶ Подчеркнуто в рукописи.

⁹⁷ Могила не сохранилась – Новодевичье кладбище... С. 471.

⁹⁸ Так в рукописи.

⁹⁹ Так в рукописи. Сейчас: Александровка Донская, село в Павловском районе Воронежской обл. Ранее – Дуванка.

К читателю¹

Через сію книгу ты, чтець, сыщешь ползу многу,
Можешь же еще сыскать и къ небу дорогу;
Ибо не токмо чей родъ будешь созерцати,
Но еще обычи тѣ будешь представляти.
Сія книга тѣхъ людей, кои прежде жили,
Для примера жь житіе свое намъ явили,
Которое в книгѣ сей познаешь читая
И сразумѣешь еще, что вещь се драгая.
Еще знать прошедшій векъ такожде и новый,
О прошедшихъ же лѣтахъ на вопросъ готовый
Будеши, и тѣмъ самымъ можешь показатся
Ты седм-тысящю-лѣтнымъ и болѣе назватся;
Познаешь бо, какъ времена те прошедши слыли,
И будто какъ при твоємъ животѣ те были.
Благодаренъ для того пребуди, читатель,
Что ты въ сіи времена произвелъ Создатель;
Ибо лутче отъ предковъ можно научится:
Что кому за что было, то и впредь случится.

---

¹ Стихотворение, помещенное в начале рукописи второй половины XVIII века, представляющей собой родословную и писанной скорописью // Описание старинных славянских и русских рукописей собрания П.И. Щукина, сост. А.И. Яцимирским [Вып. 1]. М., 1896. С.315.

Моя родословная

Из мглы глубокой старины
Мой род ведет свое начало...
Когда-то прибыл из Орды
Татарин знатный. Погибала
В то время жалкая Орда...
Мой предок все сообразил,
Не захотел себе вреда,
На службу к князю поступил
Василью третьему. Крестился,
Ананьем тут был наречен,
С придворным штатом подружился
И был к охоте сопричтен.
На этом поприще свободно
Своих друзей он обогнал,
В довольстве жил и беззаботно,
Орду златую забывал...
За смелость, ловкость, удалство
Его прозвали лихарем,
И все дальнейшее родство
Пошло с названьем сим потом
Потомок дерзостный Ананья
Иван Лихарь переменял,
Прибавил «ев» для окончанья
И стал он Лихарев... Служил
При княжьем доме он отлично,
Великий князь его любил
И награждал его прилично,
Подарки царские дарил.
Ивана внук царя Ивана
Конюшней всею управлял
Был ясельничим. Кармана
При этом он не набивал.
Был честен в службе, благороден,
Собой был статен и дороден...
Так родословная гласит

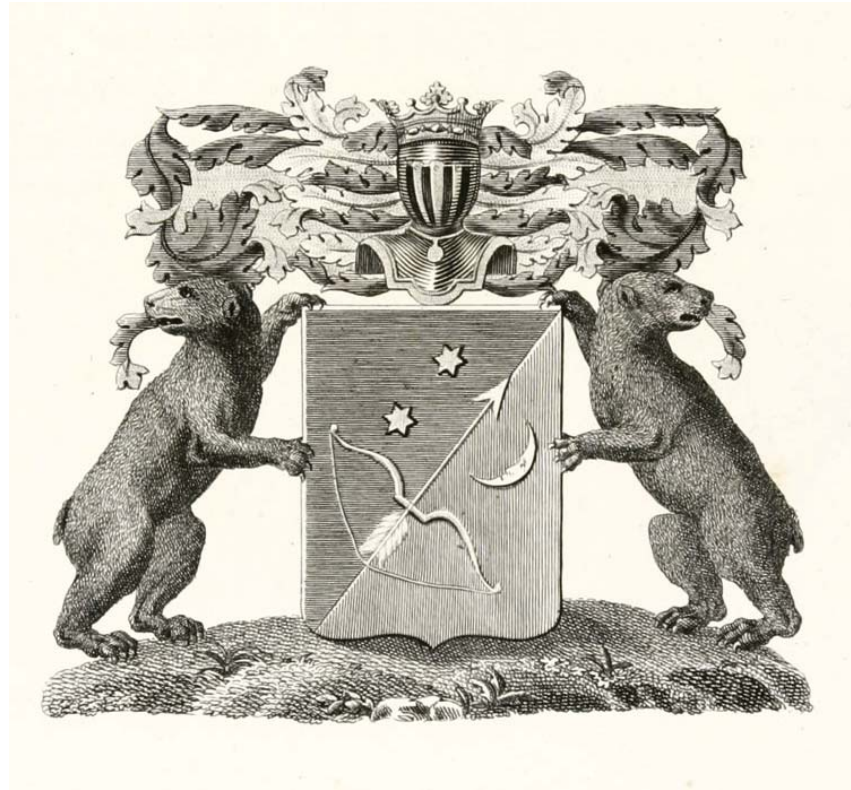
---

¹ Александр Владимирович Лихарев (27.01.1865–?), юрист. Стихотворение опубликовано в «Родовом листке» № 20–21 (1915).

Та, что в герольдии лежит.
Сего шталмейстера двора
Потомки стольниками были.
Когда ж пришла войне пора
Они с отрядами ходили...
Никита Лихарев с царем
Обедал за одним столом.
Из рук своих царь Алексей
Его медами угощал
Затем, что был он веселей,
Между гостями отличал.
Соболью шубу с шапкой барской
Ему однажды подарил;
Своею милостию царской
Не оставлял и не забыл.
Прошло лет сто... Екатерина
Россией стала управлять.
При ней значенье дворянина
Окрепло. Грамоты раздать
Царица строго приказала.
Шесть книг дворянских завести
И роды те, что она знала
В шестую книгу отнести.
И в книгу важного значения
Наш род, конечно, был внесен;
Всему потомству в умиление
И герб был к роду приобщен
(Медведи держат крепкий щит.
Внутри щита стрела и лук.
И полумесяц там блестит
Дает в Орду златую звук).
С тех пор потомки Лихаря
Все больше в гвардии служили,
Жизнь не щадили за Царя,
Чины, награды получили.
Но чем я ближе подвигаюсь
По родословным вниз к себе
Тем я все более стесняюсь
Повествовать о их судьбе...
Какой-то Лихарев улана
Кинжалом сплавил на тот свет,

Ускорив тем конец романа
Задорных юношеских лет.
Какой-то Лихарев в параде
С седла упал, и государь
Был недоволен. То – Геннадий
Сын Павла был – кутил главарь.
В бесконечной лени изнывая,
Охоту прадед мой любил;
Примеру предка подражая
Он круглый год в ней проводил.
Имел он много хуторов,
Лесов немалое пространство,
Травил лисиц, травил волков,
И жил, как всё жило дворянство.
Традициям добрым уступая,
Не прочь был в карты поиграть,
Вином шипучим запивая,
Любил он устриц поглотать.
Всего, что деды накопили,
Не мог он в жизни промотать;
Его дворяне все любили –
Умел их пышно угощать –
И в предводители избрали
За то, что был он хлебосол,
До самой смерти уважали...
Он на охоте смерть обрел:
Его любимый конь копытом
Ударил вдруг по голове.
Вернувшись с черепом разбитым
Домой, он предал дух земле...
Мой дед в лейб-гвардии служил,
Потом... Подагрою страдал,
Чинов больших не получил,
Но денег много проиграл...
Но все-ж кой-что сберег к концу
В наследство моему отцу...
Здесь я кончаю... надоело
Писать о предках без конца...
Читатель видит: не без дела
Они все жили... и глупца
Меж них найти нельзя конечно

В теченьи многих сотен лет..
Лишь только я один сердечный,
Потомок поздний и беспечный,
Глупец пятидесяти лет,
Никем не признанный поэт.

Герб Лихаревых.

«Общий гербовник Российской империи». Т. 5. С. 34.

«Щит разделен диагонально на два поля: голубое и красное, из коих в первом изображены две золотые шестиугольные звезды, а во втором – золотой полумесяц, и между ними видна серебряная стрела, пущенная диагонально из лука, означенного в правом нижнем углу. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною. Намет на щите голубой, подложенный золотом. Щит держат два медведя».

Мои предки

Моряки старинных фамилий,
влюбленные в далекие горизонты,
пьющие вино в темных портах,
обнимая веселых иностранок;
франты тридцатых годов,
подражающие д'Орсе и Брюммелю,
внося в позу денди
всю наивность молодой расы;
важные, со звездами, генералы,
бывшие милыми повесами когда-то,
сохраняющие веселые рассказы за ромом,
всегда одни и те же;
милые актеры без большого таланта,
принесшие школу чужой земли,
играющие в России «Магомета»
и умирающие с невинным вольтерьянством;
вы – барышни в бандо,
с чувством играющие вальсы Маркалью,
вышивающие бисером кошельки
для женихов в далеких походах,
говеющие в домовых церквах
и гадающие на картах;
экономные, умные помещицы,
и вот все вы:
хвастающие своими запасами,
умеющие простить и оборвать
и близко подойти к человеку,
насмешливые и набожные,
встающие раньше зари зимою;
и прелестно-глупые цветы театральных училищ,
преданные с детства искусству танцев,
нежно развратные,
чисто порочные,
разоряющие мужа на платья
и выдающие своих детей полчасу в сутки;

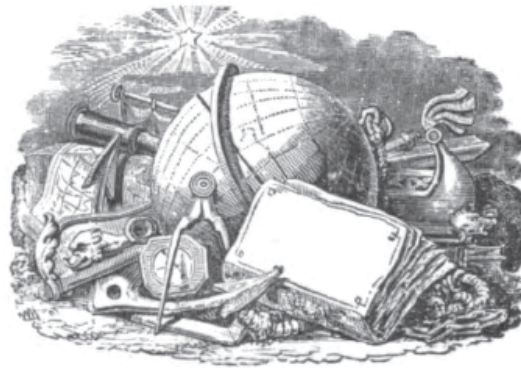
---

* Михаил Алексеевич Кузмин (6.10.1872-1.03.1936), русский поэт, композитор

и дальше, вдали – дворяне глухих уездов,
какие-нибудь строгие бояре,
бежавшие от революции французы,
не сумевшие взойти на гильотину –
все вы, все вы –
вы молчали ваш долгий век,
и вот вы кричите сотнями голосов,
погибшие, но живые,
во мне: последнем, бедном,
но имеющем язык за вас,
и каждая капля крови
близка вам,
слышит вас,
любит вас;
милые, глупые, трогательные, близкие,
благословляйтесь мною
за ваше молчаливое благословение.

Май 1907

Беспокойно сегодня мое одиночество —
У портрета стою — и томит тишина...
Мой прапрадед Василий — не вспомню я отчества —
Как живой, прямо в душу глядит с полотна.

Темно-синий камзол отставного военного,
Арапчонок у ног и турецкий кальян.
В заскорузлой руке — серебристого пенного
Круглый ковш. Только, видно, помещик не пьян.

Хмурит брови седые над взорами карими,
Опустились морщины у темного рта.
Эта грудь, уцелев под столькими ударами
Неприятельских шашек, — тоской налита.

Что ж? На старости лет с сыновьями не справиться,
Иль плечам тяжелы прожитые года,
Иль до смерти мила крепостная красавица,
Что завистник-сосед не продаст никогда?

Нет, иное томит. Как сквозь полог затученный,
Прорезается белое пламя луны, —
Тихий призрак встает в подземельи замученной
Неповинной страдальицы — первой жены.

Не избыть этой муки в разгуле неистовом,
Не залить угрызения влагой хмельной...
Запершись в кабинете — покончил бы выстрелом
С невеселою жизнью, — да в небе темно.

И теперь, заклеянный семейным преданием,
Как живой, как живой, он глядит с полотна,
Точно нету прощенья его злодеяниям
И загробная жизнь, как земная, — черна.

1930

---

* Георгий Владимирович Иванов (29.10.1894-26.08.1958), один из крупнейших поэтов русской эмиграции.

«Я дедушка самому себе»

Приведенный ниже текст популярной в США песенки написан на тему анекдота, фигурирующего в Интернете в разных вариантах. Он приписывается Марку Твену, однако в собрании сочинений писателя этот текст не обнаруживается.

После текста по-английски помещен мой упрощенный и сокращенный вольный его пересказ, а далее следует мой краткий его комментарий.

I'm My Own Grandpaw (by Dwight Latham and Moe Jaffe)

Many, many years ago when I was twenty-three
I was married to a widow who was pretty as could be.
This widow had a grown-up daughter who had hair of red.
My father fell in love with her and soon they, too, were wed.

This made my dad my son-in-law and changed my very life
For my daughter was my mother, 'cause she was my father's wife.
To complicate the matter, even though it brought me joy
I soon became the father of a bouncing baby boy.

My little baby then became a brother-in-law to dad
And so became my uncle, though it made me very sad
For if he was my uncle, then that also made him brother
To the widow's grown-up daughter, who, of course, was my step-mother.

My father's wife then had a son who kept them on the run
And he became my grand-child, 'cause he was my daughter's son.
My wife is now my mother's mother, and it makes me blue
Because, although she is my wife, she's my grandmother too.

If my wife is my grandmother, then I am her grandchild
And every time I think of it, it nearly drives me wild
For now I have become the strangest case you ever saw
As husband of my grandmother, I am my own grandpaw.

Я – дедушка самому себе

Когда я был молодым,
я женился на хорошенькой вдовушке.

У нее была юная дочь,
которую я принял как свою.
Мой овдовевший отец влюбился в нее
и женился на ней.

Так мой отец стал мне пасынком,
а моя дочь, став женой моего отца,
оказалась мне матерью.

Все стало еще сложнее
после того, как у меня родился сын.
Мой малыш, будучи братом моей дочери,
стал теперь братом жены моего отца,
то есть моим дядей.

Между тем, жена отца тоже родила сына,
который, будучи сыном моей дочери,
оказался моим внуком.

Но главное состояло в том, что,
будучи матерью моей дочери,
ставшей теперь моей матерью,
моя жена превратилась в мою бабушку.

Но если моя жена
является одновременно моей бабушкой,
то я прихожусь ей внуком.

И когда я об этом думаю,
в моей голове наступает полная путаница,
потому что я оказываюсь в неслыханном положении:
ведь в качестве мужа моей бабушки
.... я прихожусь дедушкой самому себе!

Добавим, что на самом деле взаимное положение упоминаемых в песенке лиц является еще более запутанным и многосложным, чем это представлялось ее герою.

Эта шутливая песенка на самом деле затрагивает весьма серьезную проблему, касающуюся самых существенных социальных вопросов, вопросов семейной социологии. Браки, заключаемые в близком родстве и даже в близком свойстве, приводят к тому, что и сами вступившие в такой брак, и, тем более, происходящие от них потомки даже в тесном родственном кругу (не говоря о более отдаленной родне и вообще о прочих лицах) перестают четко ориентироваться в том, кто кому кем приходится. Если бы такие браки стали бы обычным делом, получили бы широкое распространение, весь семейно-бытовой уклад, на котором зиждется всякий социум, через несколько поколений оказался бы нарушен и даже разрушен, что имело бы самые прискорбные и непредсказуемые последствия!

**Индекс фамилий лиц, упомянутых в
«Известиях Русского генеалогического общества»,
выпуск 27 (2014)**

- Август III, король польский 103; Аверинцев С.С. 28; Аксаков Г.П. 15; Аксаков И.П. 15; Аксаков И.С. 91; Аксаков М.П. 15; Аксаков С.М. 15–17; Аксаков С.Т. 8, 13–20, 44; Аксаков Т.С. 20–22; Аксакова А.В. 17; Аксакова И.В. 15; Аксакова М.Н. 19–20; Аксакова П.И. 15; Аксаковы 14; Александр I, император 125; Алексеев П. 69; Алексеева Е.И., см. Набокова Е.И.; Алексей Михайлович, царь 97; Амбодик–Максимович Н.М. 28; Анна Иоанновна, императрица 97–98; Анненков П.В. 14; Анненкова Е.Н. 13; Анненкова О.Н., см. Кашкина О.Н.; Апреянинов, см. Апрянин С.А.; Апреянинова, см. Долгорукова Е.Д., кнж.; Апрянин С.А. 87; Апрянина Е.Д., см. Долгорукова Е.Д., кнж.; Аргутинский-Долгорукой Ф.С., кн. 82–84, 87; Архипова Л.П. 147; Арцибашева, рожд. Редкина N.N. 153; Арцыбашевы 148; Афанасьев Л.А. 135; Афанасьев Л.Н. 134, 154; Афанасьев Н.Л. 154; Афанасьева В.Л. см. Лихачёва В.Л.; Афанасьева О.М. см. Лихачёва О.М.
- Бабынина М.Н. 136-138, 143-144; Байрон Дж. Г. 121; Бакеев N.N. 150; Балакшина Ю.В. 25; Баландин И.А. 147; Бальзак О. 53; Баранов П. 98; Бартлет Б. 10; Башилов И.Ф. 101; Белоголовый Н.А. 36, 41–43; Беляков В.В. 132; Березайский В. 68; Бёрк Дж. 60, 62; Берков П.Н. 66; Берковский Н.Я. 33; Бернанд К. 8; Бехтеев N.N. 82; Билибин И.Я. 134-135; Бирюков А. 146; Благово Д.Д. 82; Бобринский А., гр. 97; Бовкало А.А. 103; Бодэ А.Л., баронесса, см. Долгорукова А.Л., кнж.; Бологовская М.Я., см. Голубцова М.Я.; Бонецкий А. 105; Боратынские 91; Боровиковский А.Л. 40; Боровков А.А. 153–154; Боровков А.Д. 149–152, 153; Боровков А.М. 154; Боровков Д.Г. 150–151; Боровков М.А. 134, 152; Боровков Н.А., 152, 154; Боровков Н.Д. 151; Боровкова В.А., см. Энгельгардт В.А.; Боровкова В.М. 154; Боровкова Е.А. 151; Боровкова Ек.М., см. Сканава Е.М.; Боровкова Ел.М., см. Главче Е.М.; Боровкова З.А. 151; Боровкова М.Ф. 150; Боровкова Н.П. 134, 148, 153; Боровковы 149–154; Боровская А.П. 153; Боровский (?) Л. 153; Бороздин N.N. 150; Боткин С.П. 42; Букреева С.В. 7; Булычев N.N. 148; Бухштаб Б.Я. 65, 72; Бычкова М.Е. 129–131.
- Василий Владимирович Темносиний, кн. 114; Василькова Г.Ф. 153; Ватай, де К.А. 79; Венгеров С.А. 35; Веселовский С.Б. 140; Видуэцкая

- И.П. 44; Виктор Эммануил II, король Италии 103; Виноградов Ю.А. 146; Вишневкина Ю.Е., см. Лихачёва Ю.Е.; Вишневская А.П. см. Боровская А.П.; Вишневская Е.П., см. Редкина Е.П.; Вишневская Н.М. 153; Вишневская Н.П. см. Боровкова Н.П.; Вишневская О.В. 153; Вишневский П.С. 153; Владимир Семенович Темносиний, кн. 114; Власьев Г.А. 82–83, 87, 114, 139, 147; Волоцкая Е.А., см. Имеретинская Е.А., св. кнг.; Волоцкие 153; Вольф М.О. 85; Вышеславцев А.В. 153; Вяземская Е.И., кнг. 113; Вяземские, кн. 113; Вяземский А.И., кнг.; Вяземский П.А., кн. 113;
- Габаев Г.С. 71; Гагарин 82; Гагарины, кн. 116; Гальперин С.И. 14; Гарсия Маркес Г. 53–56; Гиривенко А. 109; Главче Е.М. 154; Главче С.К. 154; Глеб Васильевич, кн. ярославский 110; Глинка В.А. 153; Глумелина Ю. 69; Голдовский Г. 88; Головины 91; Голсуорси Дж. 8–11, 107; Голубцов А.В. 124; Голубцов А.С. 124; Голубцов В.В. 15, 124, 126, 147, 149; Голубцов В.Н. 123–126; Голубцов Е.В. 124; Голубцов И.Е. 124; Голубцова Л. 124; Голубцов Л.Н. 124; Голубцов М.А. 124; Голубцов М.В. 123–125; Голубцов Н.В. 123–124; Голубцов Н.Н. 124; Голубцов Н.Ф. 114; Голубцов Ф.С. 124; Голубцов Ю.В. 124; Голубцова А.В. 124; Голубцова А.М. 124; Голубцова А.Н., см. Урусова А.Н., кнг.; Голубцова А.С. 124; Голубцова В.В. 123–124; Голубцова В.Н. 123–125; Голубцова Е.Н. 124, 126; Голубцова Л. 124; Голубцова Л.В. 124; Голубцова М.В., см. Муха М.В.; Голубцова М.Я. 124; Голубцова Н. 124; Голубцова С.В., см. Церетели С.В.; Голубцовы 108, 123, 125–126; Горький А.М. 8; Готье В. 82; Гоффманова-Таньска К. 103, 105; Грачева А.М. 43–44; Григорьева Е.Ф. 19; Гродецкий И.А. 137, 139, 141; Гудков Г.В. 14, 20; Гудкова З.И. 14, 20.
- Даль В.И. 27, 85; Дейнеко, рожд. Редкина N.N. 153; Дельвиг А.А., барон 151–152; Десворт М.И., см. Долгорукова М.И., кнг.; Десворт–Сальт–Бомель М.И., см. Долгорукова М.И., кнг.; Джонсон Д.Б. 112–113, 119, 1121–122; Дидерот Д. 28; Дмитриев И.И. 67; Дмитрий Васильевич Сандырь, кн. 114; Добровольская Н.М., см. Вишневская Н.М.; Долгов Ф.Я. 88–89; Долгорукий А.И. 75–76, 90; Долгорукий Д.И., кн. 77–78; Долгорукий Я.А., кн. 88–89; Долгорукий А.В., кн. 86; Долгорукий А.И., кн. 73–75, 82–85; Долгорукий Д.И., кн. 73, 79; Долгорукий И.М., кн. 75–79; Долгоруков А.А., кн. 84, 86–87; Долгоруков А.В., кн. 81, 86; Долгоруков А.И., кн. 73–76, 80–83, 85–87; 90; Долгоруков Д.И., кн. 73, 76–81, 86–89; Долгоруков И.М., кн. 73–76, 79–81; Долгоруков П.В., кн. 82, 84–85, 87, 138,

- 146; Долгоруков П.И., кн. 81; Долгоруков Р.–М. И., кн. 73, 81; Долгорукова А.И., кнж. 74; Долгорукова А.Л., кнж. 85; Долгорукова В.И., кнж. 81; Долгорукова Е.Д., кнж. 87; Долгорукова Е.И., кнж. 82–84; Долгорукова М.И., кнж. 87–89; Долгорукова Н.Б., кнж. 79; Долгорукова Н.Д., кнж. 87; Долгорукова С.И., кнж. 87; Долинин А. 116; Достоевский Ф.М. 33, 53; Дранов А. 109; Дрейк Ф. 56; Дружинин А.В. 69; Дубровская А.М., см. Голубцова А.М.; Дунин–Борковский К.Д. 137, 139.
- Екатерина II, императрица 97–98, 100; Елизавета Петровна, императрица 97–98, Елисеев Г.З. 43; Ельчанинов И.Н. 147–148.
- Жабина А.С., см. Голубцова А.С.; Жалнина–Василькиоти И. 131–132; Жемчужников Ал-р М. 65, 67; Жемчужников Ал-ей М. 65, 92; Жемчужников В.М. 65–66; Жемчужниковы 65; Жуковская Е.И. 38.
- Завалишин Г.Н. 100; Завалишина А.А. 100–101; Завалишина С.Г. 100; Засекины, кн. 114; Зиновьева Л.Д. 122; Золя Э. 8–9, 107; Зуб Ф. 20; Зубов Н.С. 15, 20; Зубов Н.Ф. 20; Зубова В.И. 20; Зубова Е.А., см. Имеретинская Е.А., св. кнж.; Зубова М.Н. 15, 19; Зубова О.И. 34, 37, 39; Зубовы 15, 19.
- Иванов В.И. 122; Иванов Г.В. 163; Иванов Д.В. 122; Иванова В.К., см. Шварсалон В.К.; Иванова Л.В. 122; Иванова Л.Д., см. Зиновьева Л.Д.; Изяслав Владимирович, кн. 114; Ильин С. 109–118, 121; Имеретинская Е.А., св. кнж. 153; Иноземцевы 116; Иоанн Антонович, император 98; Ионины 35.
- Казаков В.Б. 95; Казаков Р.Б. 129; Казин М.Т. 142; Кандалинцева В.И. 20; Капетинги 134; Карл, герцог Курляндский 103–104; Карл–Альберт, король Сардинии 103; Карпов Г.Ф. 138; Карпова А.Г., см. Ненарокова А.Г.; Карпова А.Т. 138; Карпова Н.Г., см. Лихачёва Н.Г.; Кафка Ф. 53; Кашкин Н.Н. 138; Кашкина Е.Н. 135–136, 145; Кашкина О.Н. 138, 147; Кашкины 43; Кельчевская–Гальцева С.А. 91; Кельчевские 91; Кильштедт Е.А. 151; Кильштетова Е.А., см. Кильштедт Е.А.; Кириченко О. 109, 112, 115–116, 121; Книжникова Л., см. Голубцова Л.; Ковалевская С. 38; Козловский М.Д. 82; Коковинский Н.О. 142; Колошина Е.И., см. Долгорукова Е.И., кнж.; Колчак А.В. 134; Кольчугин А.Г. 142; Кондратьев П.П. 74; Коннери Ш. 63; Коннова К.А. 53; Корзухин А.А. 153; Коровин К.А. 93; Корф Е.Д., баронесса 124; Корф Е.Н., баронесса 124; Корф М.Ф., баронесса, см. Набокова М.Ф.; Корф Е.Д., баронесса 124; Корф Ф., барон 123–125; Корфы, бароны 123; Кошелев В.А. 15; Красинска Б. 103–104; Красинска С., см. Любомирская, кнж. С.; Красинска Ф. 103–105; Красинские 104; Красинский А. 104; Кроль А. 69; Кузмин М.А. 155; Кузнецов П.С. 144; Кузнецова Н.В. 73, 75,

81, 83; Кузьмичев Ф.С. 66; Кундера М. 53; Куракин А.Б., кн. 100; Куролесова П.И. 15.

Лавров П.Л. 42; Левитан И.И. 93; Лермонтов М.Ю. 69, 76; Лесков Н. 44; Летурно Ш. 8; Лихарев А.В. 155; Лихаревы 156-159; Лихачёв А.А. 131-132, 134-154; Лихачёв А.Н. 138, 140, 146; Лихачёв А.Т. 142-143; Лихачёв А.Ф. 132; Лихачёв В.Ю. 142; Лихачёв Г.Н. 138, 140; Лихачёв Д.А. 142; Лихачёв И.Е. 142; Лихачёв И.И. 142; Лихачёв И.Н. 138, 146; Лихачёв Л.А. 129-152; Лихачёв Л.В. 142; Лихачёв М.А. 143; Лихачёв М.Т. 142; Лихачёв Н.И. 142; Лихачёв Н.П. 84, 129-131, 134, 136, 138-139, 141, 143-144, 146, 148; Лихачёв П.Н. 138; Лихачёв С.Н. 138; Лихачёв С.С. 142; Лихачёв Т.Г. 143; Лихачёв Ф.А. 134; Лихачёв Ф.С. 144; Лихачёва А.Н. 138; Лихачёва В.Л. 132-136, 154; Лихачёва З.А. 146; Лихачёва К.Н. 138; Лихачёва М.Н., см. Бобынина М.Н.; Лихачёва Н.Г. 138; Лихачёва Н.Н. 138, 140; Лихачёва О.М. 134, 154; Лихачёва Ю.Е. 140; Лихачёвы 42, 134-139, 143; Лихонин М.Н. 66; Лобанов-Ростовский А.Б. кн. 87, 147-148; Лутовиновы 25; Львова С.А., кнг. 74; Любимов С.В. 148; Любомирская, кнг. С. 104; Люка П. 8.

Мазараки А.С. 94; Макашин С.А. 38, 40; Маклакова Е.А. 141; Максимович-Амбодик, см. Амбодик-Максимович Н.М.; Манн Г. 9; Манн И.-Г. 9; Манн Т. 8-9; Маркина Н.Л. 152-153; Маркович В.М. 25, 29; Маркс К. 59; Матвеев А.С. 140; Махель Д.А. 150-151; Мельцин М.О. 75, 81, 83, 101, 151; Мертваго Д.В. 20; Милорадович Г.А. 147-148; Миних Б., гр. 97, 99; Мироненко С.В. 150; Михайловский Н.К. 33; Модзалевский Б.Л. 84, 100, 150; Молоствов Т. 141; Моргенштерн В.В. 146; Моргенштерн З.А., см. Лихачёва З.А.; Морозов С.Т. 138; Морозова А.Т., см. Карпова А.Т.; Морозова Г.М. 100; Морозовы 138; Муравьева И.Б. 65; Мурзанов Н.А. 87; Муха М.В. 124; Муха Э. 124; Мясоедов Н.Е. 150; Мясоедова С.Н., см. Долгорукова С.И., кнг.;

Набоков А.И. 124; Набоков В.В. 8, 107-126; Набоков В.Д. 124; Набоков Д.Н. 123-124; Набоков Н.А. 124; Набокова А.А. 124; Набокова В.Н., см. Голубцова В.Н.; Набокова В.Н., см. Урусова В.Н., кнг.; Набокова Е.И. 124; Набокова Е.Н. 123-125; Набокова М.Ф. 124; Набоковы 107, 123-126; Назимова А.А., см. Набокова А.А.; Наполеон III 70; Наумов О.Н. 131; Неклюдова А.В. 17; Неклюдова И.В. 15; Нелединский-Мелецкий Ю.С. 142; Ненароков Н.В. 143; Ненарокова А.Г. 143; Ненарокова А.Н. 138, 143; Несецкий К. 104; Николаев Б.Н. 146; Николаев П.А. 83; Николаева Н.Г. 14; Николай I, император 30, 71, 149; Новиков Е.П. 74; Новиков Н.И. 20; Новиков П.А. 73; Новикова А.И., см. Долгорукова А.И., кнг.; Новикова В.И., см. Долгорукова В.И.; Новикова Н.В. 153; Носова А.Г. 151; Нюберг Н.Д. 135, 145; Нюберг-Кашкина С.Н. 138.

Оболенский В.А. 39, 42; Обухов Ал.Т. 92-94; Обухов Ан.Т. 92; Обухов Б.Т.

- 94; Обухов И.Т. 92; Обухов Н.Б. 94; Обухов С.Т. 92–94; Обухов Т.И. 92, 95; Обухов Ю.А. 94; Обухов Я.Н. 95; Обухова В.А. 91–94; Обухова В.Т. 93; Обухова Е.С., см. Штер Е.С.; Обухова И.Я. 94; Обухова Н.А. 91, 94; Обухова Н.Н. 92–94; Обуховы 91; Овер А.И. 82; Одоевские, кн. 140; Одоевский кн. В.Ф. 15; О'Рейли Дж., см. Вяземская Е.И., кнг.; Орнатская Т.И. 82.
- Павел I, император 100; Павлова И.Б. 33; Панченко Н.Т. 147; Петр Васильевич Засека, кн. 114; Перфильевы 91; Песков М.И. 153; Петр I, император 141; Плотников А.Ю. 91; Погодин М.П. 13, 66; Пожарские кн. 130; Польшман N.N. 150; Попова–Яцкевич Е.Г. 59; Приградов В.А. 146; Приградов–Кудрин А.А. 146; Приградова В.В. 146; Процкевич А.К. 140; Пруст М. 57; Пушкин А.С. 11, 32, 34, 69, 76, 99, 121, 139; Пушины 145; Пыпин А.Н. 65.
- Равель М. 94; Радзивиллы, кн. 139; Раевская А.А. 99, 100; Раевский В.Ф. 99–100; Раевский В.Ф. 99; Раевский Ф.М. 99; Разумов С.А. 131; Редкина N.N. 148, 153; Редкина Е.П. 148, 153; Речнова А. 88; Рогулина Н.В. 152–153; Родионов А.В. 129, 151; Романовский В.В. 20; Ростопчин Ф.Б., граф 137; Ростопчины, графы 137; Рукавишникова Е.И., см. Набокова Е.И.; Руммель В.В. 15, 143, 147–149; Руссо Ж.-Ж. 28; Рыжов И.П. 141; Рыжова А.Е. 141; Рыжовы 141; Рыхляков В.Н. 97, 145; Рюрик, кн. 113, 115; Рюриковичи, кн. 114–116;
- Савинская Л.П. 152–153; Саврасов А.К. 93; Саитов В.И. 85; Салтыков Д.Е. 37, 39–41; Салтыков Е.В. 35–36; Салтыков К.М. 41, 43; Салтыков Н.Е. 36; Салтыкова Е.А. 41–43, 45; Салтыкова О.М. 35–41; Салтыков–Щедрин М.Е. 33–47; Салтыковы 35–39; Сандыревы, кн. 114; Сахаров А.Н. 129; Сахаров И.В. 107–108, 110, 113, 118, 122, 125; Свидзинска А., см. Шимановска А.; Свидзинска Б. 105; Свидзинская Б., см. Красинска Б. 103; Свидзинский М. 103; Свидзинский Я. 104; Своеземцевы 116; Святополк Ярополкович, кн. 114; Семевский В.И. 43; Семен А. 78; Сенявин Л.Г. 88; Серебровский А.С. 14; Серебрякова Л.А. 95; Сибиряков А.М. 153; Сиверс А.А. 15, 148, 150; Сканава Е.М. 154; Сканава К.А. 154; Сканава Т.К. 154; Смирнова–Россет А.О. 148; Смоленские князья 114; Соболев Н.Н. 136; Сонцова С.А. 99; Спасская Л.Н. 35; Стендаль 53; Степанов В.П. 75, 81, 83; Степанов Н. 74, 82; Степанова Л. 82; Стромилковы 37; Судковский Р.Г. 153; Сумароков А.П. 67.
- Талалай М.Г. 131; Танеев В.И. 45; Татищев А.И., граф 149; Татищева Н.И., графиня 148; Темносиние, кн. 113–115; Тизенгаузены 130; Толстой А.К., граф 65; Толстой Л.Н., граф 33; Топоров В.Н. 26; Троекуровы, кн. 141; Трутовский В.К. 139; Туманский Ф. 141; Тургенев И.С. 8, 13,

25–26, 31–32, 38; Тэн И. 8; Тюлин С.Я. 134, 146, 149; Тюлин Я.М. 133–134, 137, 139–140, 145–149; Тютчев Ф.И. 91; Тютчев Ф.Ф. 91; Тютчева А.Ф. 91.

Унковский А.М. 40, 42; Унковский М.А. 42; Урусский С. 105; Урусов Д.Ю., кн. 124; Урусова А.Н., кнж. 124; Урусова Е.Д., кнж, см. Корф Е.Д., баронесса; Урусова Л.В., кнж., см. Голубцова Л.В.; Урусовы, кн. 124; Успенская З.А. см. Лихачёва З.А.; Успенский А.А. 146; Устрялов Н. 144; Утин Е.И. 47; Ушков А.Б. 136.

Федор Ростиславович, кн. ярославский 114; Фенин А.А. 100; Фенин А.М. 97–101; Фенин В.И. 97; Фенин И.А. 98; Фенин Н. 97; Фенин П.А. 98–101; Фенина Ал.А., см. Раевская А.А.; Фенина Ан.А., см. Завалишина А.А.; Фенина М.В. 99, 101; Фенина С.А., см. Сонцова С.А.; Фенина Ф.И. 100; Фенины 97, 101; Филаткина Н.А. 138; Флам Л.С. 134; Флеминг Ян 59–64; Флоренская О.А. 129, 149; Фолкнер У. 107; Фрейман О.Р., фон 152; Фриче В.М. 146; Фролова Е.А., см. Имеретинская Е.А., св. кнж.

Хайдеггер М. 53; Хвощинская В.Н., см. Обухова В.Н.; Хвощинская Н.Н., см. Обухова Н.Н.; Хвощинские 91, 93–94; Хвощинский А.П. 92; Хитрово С.Н., см. Долгорукова С.И., кнж.; Хованские кн. 130; Холмогоровы 148; Хомутов И.П. 82; Хоруженко О.И. 129.

Церетели П. 124; Церетели С.В. 124.

Черепнин Н. 94; Чернай З. см. Лихачёва З.А.; Чернов Н.М. 25; Чирикова Л.Е. 135; Чихачёв М.В. 142–143; Чичагов П.И. 20; Чулков Н.П. 143.

Шатобриан Ф.–Р., виконт 121; Шварсалон В.К. 122; Шварсалон Л.Д., см. Зиновьева Л.Д.; Швасалон К.С. 122; Шейдяков А., кн. 141; Шёппинг, бароны 91; Шереметев Б.Б. 92; Шереметев Б.С. 92; Шереметев Н.Б. 92; Шимановска А. 103–105; Шимановский Д. 105; Шимановский И. 105; Шимановский К. 105; Шимановский М. 105; Шмелёв И.С. 8; Шмелева О.А. 151, 153; Штейнберг М. 94; Штер Е.С. 94; Штер М.П. 94; Шумков А.А. 132.

Щелкан Е.Н. 148; Щукин П.И. 155; Щусев А.В. 146.

Экземплярский А.В. 114; Энгельгардт А.С. 154; Энгельгардт В.А. 154.

Юм (Хьюм) Д.Д. см. Ноте D.D.; Юрьев С.А. 35

Яблоновские, графы 105; Ярослав Владимирович Мудрый, велк. кн. 114; Ярославские, кн. 114; Яцимирский А.И. 155.

Burke J. 60, 62; Burke J.B., 62.

Christiansen R. 69.

Ermerin R.–I. 82, 84.

Gloumeline, de J. 69.

Hoffmanowa z Tańskich K. 103

Home D.D. 69, 70.
Ikonnikov N. 94.
Jaffe M. 165; Johnson D.B. 113
Korwin-Szymanowski F. 105
Kroll, de A. 69.
Latham D. 165.
Marshall G.W. 63.
Nabokov V. 107;
Niesiecki K.104
Posse O. 104
Szymanowski J. 105
Wettin 105